

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- К.В. Хвостова** — Слова и вещи в византийских аграрно-правовых отношениях XIII—XIV вв. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.А. Сулопарова** — Стэнли Болдуин 15

СООБЩЕНИЯ

- М.М. Керимова** — Русское присутствие в Словении в 1910-е—1930-е гг. 41
- М.А. Сидоренко** — «Кухня» придворного балета во Франции в XVII в. 58

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- П.А. Искендеров** — Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 г. 74
- Е.М. Собко** — Российско-английские дипломатические отношения в период войны за австрийское наследство 84

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- И.Н. Селиванов** — Судьба «корейского Фёдора Раскольникова» Ли Сан Чо 91
- У. Кыдыралин, Ж.У. Кыдыралина** — Султан Мухамедгали Таукин 112

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.Н. Назаров** — Развитие железнодорожной системы западных областей Белоруссии и Украины в сентябре 1939—июне 1941 г. 123
- С.В. Омелянчук** — Социально-экономический и правовой статус вдовы в Древней Руси 127
- Р.А. Гулиев** — Бакинские международные ярмарки в таможенных документах 1922—1929 гг. 134

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Е.В. Кустова** — Формирование монастырей в Пермском крае в XV—XVII вв. 143

ИСТОРИОГРАФИЯ

- О.В. Корнилова** — А. Баренберг. Город ГУЛАГа, моногород: принудительный труд и его наследие в Воркуте 160
- Е.В. Кодин** — М. Дэвид-Фокс. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы 170

Слова и вещи в византийских аграрно-правовых отношениях XIII—XIV вв.

К.В. Хвостова

Аннотация. В статье рассматривается значимость современной концепции «лингвистический поворот» в исторических исследованиях. Автор рассматривает ряд вопросов, касающихся роли лингвистических стереотипов в аграрно-правовых отношениях Византии XIII—XIV веков. Делается попытка применить теорию Макса Вебера об идеальных типах для изучения лингвистических стереотипов. Автор характеризует особенности взаимосвязи слов и вещей при анализе византийских аграрно-правовых отношений XIII—XIV вв.

Ключевые слова: аграрно-правовые отношения, «лингвистический поворот», лингвистические стереотипы, слова, вещи, идеальный тип, право земельной собственности, иммунитет.

Abstract. The article deals with the importance of present-day of “linguistic turn” in the historical studies. The author considers the number of questions concerning the role of linguistic stereotypes in the agrarian-lawful relations in Byzantium in XIII—XIV centuries. The author attempts to apply the Max Weber’s theory of ideal types in the studies of linguistic stereotypes. The author considers features of the connection of words and things in the analysis of agrarian-lawful relationships in Byzantium XIII—XIV centuries.

Key words: agrarian-lawful relations, linguistic turn, linguistic stereotypes, words, ideal type, law of property, immunity.

Проблемы аграрно-правовых отношений в поздней Византии интенсивно изучались в 60—80-х гг. прошлого века ¹. Однако исторические источники справедливо рассматриваются историками как «бездонные». Это определяет необходимость и возможность акцентирования на различных этапах развития исторического знания и исторической мысли новых аспектов содержащейся в исторических источниках информации. При этом современная историческая наука должна развиваться не только на основе собственных достижений, но и с учетом современного уровня философии, эпистемологии и методологии истории.

Хвостова Ксения Владимировна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: hvks@mail.ru.

Khvostova Ksenia V. — doctor of historical sciences, chief researcher of Institute of general history RAS. E-mail: hvks@mail.ru.

Подобная междисциплинарность однако не всегда достаточно четко выражена в отдельных работах. Действительно, существует множество трудов по теоретическим проблемам истории, но часто остается неясным, каким образом рассматриваемые в них методы и научные стратегии могут быть реализованы в конкретных исторических исследованиях в целях придания им как методологической, так и содержательной новизны по сравнению с проблемами и выводами, содержащимися в исторических исследованиях прошлых лет.

Настоящая статья преследует цель анализа источников по аграрно-правовой истории Византии XIII—XIV вв. с учетом проблем, отражающих современный уровень философии, эпистемологии и методологии не только истории, но и общественно-гуманитарных наук в целом. Непосредственным предметом анализа являются лингвистические стереотипы, использованные для обозначения аграрно-правовых отношений в поздней Византии в эпоху системного кризиса империи и падения в ней правовой активности. Подобная постановка проблемы, полагаем, имеет теоретическую актуальность. Это связано с тем, что в рамках современной эпистемологии истории развивается направление исследований, характеризующееся пристальным вниманием к языковым наименованиям в исторических источниках, к их связи с историческим нарративом². При этом, как нам представляется, именно при изучении отдаленного исторического прошлого, в частности, средневековой эпохи, особенно отчетливо проявляются присущие лингвистическому направлению стратегия и методы, обуславливающие отличия исторической дисциплины не только от естественных наук, но и от социологии, политологии, экономической науки.

Проблема соотношения слов и вещей в различные эпохи исторического прошлого, как известно, рассматривалась в исследованиях структуралиста М. Фуко, причисляемого некоторыми аналитиками к постмодернизму. По мнению Фуко, в современной европейской культуре правомерно вычленение нескольких периодов, различающихся характером взаимосвязей между объектами, то есть вещами, и их обозначениями — словами. Единство слова-вещи философ определяет понятием «эпистема». Как полагает Фуко, «вплоть до XVI в. категория сходства играла конструктивную роль в знании в рамках западной культуры»³. В частности, в экономической жизни средневековья наблюдалось непосредственное соответствие слов и вещей⁴.

Выводы Фуко носят глобальный характер — представляют собой идеализацию, обобщение, конструирование некоторого образа, в основе которого находится усредненное понимание материала, относящегося к функционированию многих тенденций в рамках огромного пространственно-временного ареала. Современная эпистемология, как известно, рекомендует при подобных обобщениях, касающихся, к примеру, таких понятий как «цивилизация», «культура», «эпоха» и т.д., применять процедуру так называемых гипостазирования или реификации, в итоге которых на основе анализа конкретного материала устанавливается мера соответствия слов и вещей⁵.

По нашему мнению, для реификации эпистем Фуко необходимы конкретные исторические изучения отдельных хронотопов. Предпринятый в данной статье анализ наименований некоторых форм аграрно-правовых отношений в Византии XIII—XIV вв. позволит или

проиллюстрировать выводы Фуко на конкретном материале, или внести в них известные коррективы.

Рассмотрение проблемы взаимосвязи правовых обозначений и соответствующих им реалий должно способствовать углубленному пониманию проблемы «слова-вещи» по отношению не только к Византии, но и к аграрно-правовым отношениям средневековой Европы в целом. Такое расширенное понимание проблемы объясняется тем фактом, что римское право, как в своем классическом, так и вульгарном варианте оказывало влияние на формирование аграрных правоотношений и в Византии, и в других регионах средневековой Европы ⁶. Вместе с тем, при решении поставленных проблем византийский материал обладает не только репрезентативностью, но и приоритетом, связанным с фактом непрерывного присутствия и преобладания в Византии римского права на протяжении всего существования империи.

Объектом рассмотрения данного исследования явились различные виды византийских источников, характеризующие аграрно-правовые отношения в поздней Византии. К ним принадлежит, прежде всего, многочисленный актовый материал (жалованные грамоты, описи, деловые документы), а также различные кодификации римского права.

По отношению к периоду XIII—XIV вв. автор располагает значительным числом императорских жалованных грамот, содержащих передачу в дар физическим и юридическим лицам, прежде всего влиятельным крупным монастырям на Афоне, земельных владений вместе с держателями земли — поземельно-зависимыми крестьянами. В еще большем объеме сохранились грамоты, подтверждающие за соответствующими юридическими лицами (а также физическими лицами — воинами, чиновниками) те пожалования, которые были сделаны ранее.

Существенные сведения для решения поставленных в статье проблем могут быть извлечены из деловых документов: купчих, судебных постановлений. Не менее ценным источником являются также описи земельных владений крупных афонских монастырей.

В купчих, отражающих сделки купли-продажи, осуществляемые физическими и юридическими лицами, содержится развернутая формула, раскрывающая содержание земельной собственности. Говорится, что собственник обладает правом владения и распоряжения землей. Он может продавать землю, дарить, передавать по наследству, давать в приданое, обменивать, проводить различные улучшения ⁷. Этот подробный перечень прав показывает, что в поздней Византии признавалась концепция земельной собственности классического римского права; согласно которой собственник располагает в отношении принадлежащей ему вещи всеми перечисленными прерогативами.

Однако в императорских жалованных грамотах и описях владений крупных влиятельных монастырей на Афоне, то есть в основных источниках по аграрно-правовой истории поздней Византии, как правило, отсутствует полное описание собственнических прав соответствующего юридического лица. Вместо их развернутой характеристики употребляются различные сокращенные формулировки, ставшие устойчивыми лингвистическими стереотипами. Например, кратко сообщается, что собственник получает в отношении пожалованной ему императором территории собственность и господство ⁸. Можно было

бы предположить, что само упоминание о собственных правах юридического лица является вполне достаточным и исключает необходимость детального перечня соответствующих прерогатив. Тем не менее, во многих грамотах используются расплывчатые лингвистические стереотипы, фиксирующие не только право собственности, но одновременно и некоторые его проявления. Так, в заключительной клаузуле ряда грамот говорится о том, что получатель грамоты имеет собственность, а также права владения и распоряжения ею⁹. Иногда говорится только о правах собственности и владения, тогда как право распоряжения не упоминается¹⁰. Неопределенность, избыточность подобной информации очевидна.

Однако чаще обозначение собственности вообще отсутствует, указываются лишь владельческие права¹¹. Создается впечатление, что имел значение сам факт получения юридическим лицом императорской жалованной грамоты, а не ее конкретный текст. Кроме того, лингвистические стереотипы, упоминающие владение как признак собственности, свидетельствуют о влиянии на аграрно-правовые отношения вульгарного римского права, которое, как известно, функционировало уже в поздней Римской империи и содержало упрощенное понимание целого ряда правовых норм и процедур классического права. Сокращение сферы влияния классического права привело к тому, что уже при Юстиниане, несмотря на то, что в этот период были восстановлены в силе некоторые нормы классического права, юридическое владение на практике нередко отождествлялось с собственностью¹². Поэтому собственность часто характеризовалась в терминах только юридического владения. В поздней Византии наименование «владение» становится одним из технических обозначений собственности. Византийские жалованные грамоты не только свидетельствуют о широком распространении юридической практики, связанной с использованием неточных обозначений, но и отражают усиление характерного для вульгарного права расхождения между юридической теорией и ее практической реализацией. Это, прежде всего, проявляется в причудливом сочетании теоретических принципов и конкретных практик при регламентировании такой социально значимой формы правовых отношений, как землевладение крупных афонских монастырей.

Наряду с типичными и наиболее часто встречающимися сокращенными выражениями собственных прав используются и другие, еще менее точные лингвистические стереотипы. Например, употребляются выражения, в которых отсутствуют какие-либо юридические характеристики и лишь констатируется, что монастырь должен иметь перечисленные земли и «другие права»¹³. Иногда в расплывчатой форме говорится вообще о наличии у юридического лица «ряда прав» в отношении перечисляемых земель¹⁴. Часто упоминаются старинные документы и привилегии, подтверждающие собственные права данного юридического лица¹⁵. Распространена формула неотъемлемости пожалованных владений¹⁶. Представляет интерес редко встречающееся утверждение, согласно которому монастырь владеет своими землями и «другими вещами»¹⁷. Обозначения «права» и «вещи», таким образом, употребляются как синонимы. Однако при этом примечательно, что собственность всегда понимается как

привилегия, дар, милость¹⁸, пожалованная императором данному юридическому лицу. Такая интерпретация соответствующих видов собственности придает им субъективистский личностный характер. В грамотах, как правило, подробно перечисляются заслуги, а также отмечается авторитет и социальная значимость получателей привилегий.

Использование неточных и кратких формулировок, не раскрывающих всего содержания передаваемых и подтверждаемых прав, а содержащих только их отдельные проявления, свидетельствует о том, что подобные пожалования и сопровождающая их официальная фразеология прочно вошли в практику социальных отношений и в целом в сферу социальной политики поздней Византии. Поэтому подобные иллюстративные выражения правомерно оценить как традиционные, регламентированные обычаем с присущей ему расплывчатостью формулировок.

В рамках такой традиционности сам факт пожалования со стороны императора владений влиятельным юридическим лицам и, прежде всего, афонским монастырям подразумевал передачу им всей совокупности прав. Подробная характеристика этих прав признавалась излишней. Выборочно упоминались только те из них, которые содержались в предыдущих грамотах, относящихся к тем же владениям того же собственника. Это означает, что в отношении каждого юридического лица — получателя привилегий — складывалась собственная индивидуальная традиция использования лингвистических стереотипов. Слова живут самостоятельной жизнью. Их выбор обусловлен в каждый хронологический момент их присутствием в грамотах, изданных ранее.

Применение рассмотренных стереотипов представляет собой интерес в связи с тем, что упрощение юридических формулировок в документах одновременно сочеталось с усложненностью в поздней Византии самих поземельных отношений. Наряду с полной земельной собственностью римского классического права возникли формы иерархической собственности на землю. Известно, что уже в эпоху вульгарного права исчез принцип *superficies solo cedit* классического римского права, согласно которому собственник земли автоматически получал право собственности на постройки и насаждения на данной земле¹⁹, возведенные и посаженные другим лицом (например, арендатором). В поздней Византии ситуация изменилась. Источники свидетельствуют о собственности частных лиц на дома, расположенные на земле, принадлежащей монастырю. Кроме того, мелкие монастыри и кельи, расположенные на территории крупных монастырей, называемые «метохи», нередко разделяли право собственности не только на постройки и насаждения, но и на саму землю, с главенствующим монастырем. При этом совокупность прав, принадлежавших тому и другому юридическому лицу, специально оговаривалась в жалованных грамотах в форме особого соглашения, носившего единичный характер²⁰. Реализация соответствующих прав означала возникновение иерархической собственности на землю, некоторых видов *dominium duorum in solidum*. Эти виды собственности, хотя и отличались рядом специфических проявлений, принадлежали к тому же типу средневековых поземельных отношений, что и иерархическая собственность на средневековом Западе.

Однако в имеющихся поздневизантийских юридических источниках отсутствуют какие-либо специальные наименования подобных

собственнических отношений. Это наводит на мысль, что такие виды собственности в юридическом отношении регламентировались так называемым *jus singulare*, то есть римским единичным правом.

Юрист Павел определил сингулярное право как «правило, действующее вопреки общему порядку и установленное для какой-либо единичной пользы»²¹. Далее Папиан и Павел постановили, что *jus singulare* не может распространяться по принципу юридической аналогии на вновь возникающие сходные казусы²². Таким образом, сингулярное право регламентировало привилегии. Поэтому естественно, что это право получило широкое применение в поздней Византии для оформления привилегий, предоставляемых влиятельным монастырям на Афоне. Более того, вопреки постановлениям римских юристов в поздней Византии единичное право распространялось по принципу юридической аналогии на сходные казусы. Подобные изменения в юридической процедуре и практике отражали эволюцию в правовой ментальности и культурологическом поведении в целом. Кроме того, источники, характеризующие собственнические отношения крупных монастырей, говорят не только о распространении таких явлений в поздней Византии, но и о возрастании их роли.

Будучи в юридическом отношении привилегией, пожалования земельных владений крупным монастырям обуславливали необходимость подтверждения их со стороны императора при малейших изменениях в социально-экономической и политической конъюнктуре. Процедура подтверждения, как говорится в грамотах, осуществлялась с целью обеспечения прочности пожалованных прерогатив. Подобное заверение делается несмотря на то, что в тех же документах засвидетельствовано, что пожалование произведено навечно²³.

Принимая во внимание все выше сказанное, а именно, характеристику *jus singulare* римскими юристами как права, создающего привилегии, обозначение рассматриваемых византийских собственнических правоотношений с помощью ряда лингвистических стереотипов, а также постоянное подтверждение прежних земельных пожалований с помощью новых подтвердительных грамот, целесообразно оценить данную юридическую практику в терминах современного знания как развитие права прецедентов.

Естественно, одну из существенных причин постоянных подтверждений имущественного статуса привилегированных собственников следует искать в тяжелом политическом и экономическом положении, в котором находилась поздняя Византийская империя. После падения в 1261 г. Латинской империи территория Византии была восстановлена в урезанном виде. Империя постоянно сотрясалась внутренними смутами. В XIV в. велась длительная гражданская война между различными группировками византийской знати. В экономическом отношении Византия втягивалась во все большую зависимость от Генуи и Венеции, монополизировавших внешнюю торговлю империи. Существовала и непрерывно усиливалась угроза турецкого завоевания. Сложные отношения складывались с Сербией и Болгарией, с правителями латинских государственных образований на бывшей византийской территории, а также с папской властью. Были заключены две неудачные церковные унии между Западной и Восточной христианскими церквями. Ситуация в империи отличалась

постоянной нехваткой денег, продовольствия и войска. Все эти явления отвлекали внимание правителей от правотворчества, от задач создания на основе римского права новых правовых концепций, позволяющих производить адекватную оценку новых иерархических форм собственности. Хаос в правовой терминологии отражал системный кризис империи и создавал благоприятную почву для применения единичного права.

В такой критической ситуации, на наш взгляд, проявились сложные, присущие византийцам представления о времени. Они характеризовались связью христианских идей линейного времени с античными представлениями о циклизме исторических процессов, проявляющемся в повторе ситуаций. Действительно, в соответствии с христианским линейным пониманием времени византийцы признавали значимость меняющихся во времени и следующих друг за другом событий. Однако наряду с этим, большая роль отводилась повтору на протяжении времени характерных общественных ситуаций, создающих неравномерность развития.

Согласно концепциям классического римского права, отраженным в византийских правовых кодификациях, предшествующие и последующие законы находятся в генетической связи²⁴. При этом, старинный обычай ставится выше закона²⁵. Старые законы переходят в новые и благодаря этому управляют схожими положениями вещей и людьми²⁶. Изменчивые события, образующие такие повторяющиеся ситуации как социальные бедствия, междоусобицы, войны, экономический спад, по мнению византийцев, нарушают порядок вещей, создают хаос, являющийся, в частности, причиной потери собственниками своих владений и постоянных споров по поводу границ владений²⁷.

При таких обстоятельствах миссия императора, в соответствии с воззрениями византийцев, заключалась в восстановлении утраченного равновесия, то есть такого линейного развития событий, которое отражало бы стабильное положение вещей. Император издает новые жалованные грамоты, подтверждающие собственнические права юридических лиц на принадлежавшие им ранее территории. Благодаря этой акции развитие возвращается в стадию своего предшествующего состояния, начавшегося с появлением императорского акта о первоначальном пожаловании земли соответствующему юридическому лицу в собственность. Таким образом, развитие, характеризующееся сменой событий, проходит разные циклы, состоящие в чередовании стадий становления, расцвета, упадка и возрождения, а также повтора соответствующих фаз.

Поводом для возвращения собственнических отношений из состояния хаоса в состояние нормального равновесного развития в соответствии с античными идеями признавался некоторый благоприятный временной момент — кайрос. В качестве такового, как свидетельствуют все жалованные грамоты, рассматривались обращения собственников к императору с просьбой подтвердить ранее пожалованные привилегии, оформляющие их собственнические права на определенные владения. «Кайросы, — говорится в преамбуле одного из актов, — это душа вещей. Если ими не воспользоваться, то произойдет большой ущерб делам»²⁸.

Для характеристики роли лингвистических стереотипов в оформлении земельных отношений существенно то обстоятельство, что в значении земля, владение, собственность, то есть вещь, как отмечалось выше, иногда употребляется понятие «право» (дикайон)²⁹. Такая подмена понятий отражает не только восходящее к римскому праву понимание вещного характера землевладельческих отношений, но и идею сложной взаимосвязи слов и вещей. Эти понятия оказываются взаимозаменяемыми и используются как синонимы.

Понятие «вещь» (res) римского права всегда было многозначным. Его расширенный смысл обнаруживается, в частности, в наименовании res publica. Оно подразумевало совокупность институтов, правовых норм, концепций, действий. Иными словами, относилось как к самим реалиям, так и к их образам.

Отвлекаясь от темы статьи, отметим, что крайний реализм римского права, отраженный в многозначности понятия «res», по-видимому, повлиял на идеи умеренных реалистов средневековой схоластики и, возможно, на воззрения Фомы Аквинского. В науке также отмечалось, что юристы Тертуллиан и Августин внесли рациональность в веру³⁰.

Сложная взаимосвязь слов и вещей нашла свое отражение в византийских кодификациях римского права. В Дигестах и Василиках говорится: «Мудрость права состоит в том, чтобы понимать божественные и человеческие дела, те, которые ему соответствуют и те, которые не соответствуют»³¹.

Возвращаясь к проблеме лингвистических стереотипов, отметим, что понимание различных прав также было многовариантным. Так, название «обладание», столь часто употребляемое в значении права собственности, использовалось иногда при описании прав прониариев. Номинально прониары — чиновники и воины — не являлись собственниками земель, входящих в их пронию. Наименование «прония», означающее в переводе «заботу, попечение», используемое для обозначения божественного попечения, подразумевало пожалование субъекту прав территории, с которой он получал часть налоговых поступлений в качестве жалованья за свою службу. Наряду с наименованием «прония» для обозначения соответствующих прав использовалось также выражение «икономия», переводимое как управление. При этом характерен и представляет несомненный интерес тот факт, что в поземельных описях обозначение икономии применялось и для определения собственнических прав крупных афонских монастырей³² и обозначало совокупность ряда хозяйственно-управленческих прерогатив. Такое применение названного обозначения свидетельствует об известном единстве в понимании статуса крупной привилегированной собственности афонских монастырей и пронии. Практиковалась, как видно, взаимозаменяемость названных выражений. Использование наименования «икономия» как по отношению к монастырской собственности, так и по отношению к правам прониаров, показывает, что это обозначение также являлось привычным лингвистическим стереотипом с широким содержанием. Кроме того, применение данного стереотипа позволяет, хотя и с известными оговорками, предположить, что прония в поздней Византии трактовалась как собственность, если не в сфере классического, то в рамках вульгарного римс-

кого права с его смешением понятий «собственность» и широких владельческих, держательских и управленческих прав.

В византийских источниках нашло свое отражение не только соотношение лингвистических обозначений и реальных собственнических отношений, но и более общая идея взаимосвязи слов и вещей. Так, в преамбуле жалованной грамоты Михаила VIII Палеолога, выданной монастырю Лавры святого Афанасия на Афоне, от 1263 г. говорится: «имеются две побудительные силы происходящего: слово (логос) и вещь (прагма). Слово же существует двух видов: то, которое предшествует вещи, и то, которое следует за ней»³³. Византийцы, как видно, понимали сложный обратный характер взаимосвязи слов и вещей и пользовались этим пониманием при формировании лингвистических стереотипов, используемых для оформления привилегий в сфере аграрно-правовой политики и практики.

Полисемией отличались в Византии обозначения не только собственнических прав, но и иммунитетных привилегий. В жалованных грамотах имеются специальные клаузулы, содержащие перечень государственных налогов, от уплаты которых освобождалось данное юридическое лицо. Анализ подобных освободительных формул позволяет сделать следующие выводы. Стандартная освободительная формула, согласно которой собственник перечисленных владений освобождался от уплаты всех существовавших государственных налогов и общественных повинностей, не являлась предельно точной. Она имела разное содержание, в том числе использовалась и в случаях, когда иммунитет был неполным, и получателю вменялось в обязанность уплачивать некоторые налоги, которые квалифицировались как имеющие общественное значение. Соответствующая клаузула, следовательно, также представляет собой лингвистический стереотип с размытым содержанием.

Не являются точными и имеющиеся в некоторых грамотах перечни государственных налогов, от уплаты которых в казну монастырь освобождался. Что же касается казусов, когда крупный и влиятельный монастырь в виде особой льготы освобождался от уплаты налогов, которые были объявлены как имеющие общественное значение, то они, как правило, перечислялись в жалованных грамотах. Но в случае, если юридическое лицо издавна располагало такой льготой, они могли и не упоминаться в документах.

При этом, выбор тех или иных лингвистических стереотипов в отдельном документе в значительной мере определялся (также как и при подтверждении собственнических прав монастырей) их присутствием в предшествующих грамотах, выданных данному субъекту прав и касающихся тех же владений. Сказанное означает, что при анализе рассмотренных юридических практик современный исследователь должен применять методы герменевтического круга, предполагающие анализ и интерпретацию обратных связей факторов, находящихся в причинно-следственной зависимости.

Итак, при юридическом оформлении аграрно-правовых отношений поздней Византии использовались разнообразные, не отличающиеся точностью лингвистические стереотипы, обозначающие собственнические, управленческие и иммунитетные права и прерогативы привилегированных юридических и физических лиц. При этом

тот факт, что выбор тех или иных стереотипов в конкретном документе, с одной стороны, диктовался их присутствием в более ранних документах, а, с другой стороны, этот выбор определял наличие тех же стереотипов в последующих грамотах, позволяет сделать следующие выводы. Слова живут в рассмотренных документах собственной жизнью, мигрируя из одной грамоты в другую. Это свидетельствует о возникновении не только собственно процедурной, графологической, но и в широком смысле — ментальной и культурологической традиции. Взаимосвязь «слово-вещь» проявляется как преемственность слов. Сочетание определенных слов становится символом вещных отношений.

Полученные заключения позволяют внести некоторые уточнения в универсальные вводы Фуко о сходстве и соответствии слов и вещей как доминирующей тенденции европейской культуры до XVI века. Видимо, названные тенденции были достаточно разнообразными, принцип сходства и соответствия постоянно нарушался. Во всяком случае, византийские аграрно-правовые отношения, зафиксированные в официальных юридических документах, то есть в источниках, в отношении которых исследователь вправе ожидать наибольшей точности, отличались многовариантностью словесного выражения, отражающего собственные сложные ментальные и культурологические традиции. Кроме того, практика применения обозначения «прония» обнаруживает влияние, оказываемое религиозным языком на понимание правовых феноменов.

В целом в эпоху Средневековья, о чем ярко свидетельствуют и преамбулы византийских актов, большую роль играли нереифицируемые религиозные высказывания, отражающие метафизические христианские представления. Эти факторы, равно как влияние вульгарного римского права с его смешением понятий, определяют сложную обратную взаимосвязь слов и вещей.

Развитие византийской экономики также позволяет внести коррективы в концепцию Фуко. В частности, вряд ли можно безоговорочно согласиться с выводами, согласно которым в Европе до XVI в. в денежных отношениях доминировало правило четкого соответствия номинальной ценности денежной единицы реальному количеству в ней металла³⁴. Экономическая ситуация в поздней Византии отличалась резким обесцениванием денежной единицы — номисмы, что обуславливало развитие кризиса экономики, при котором монета обесценивалась и ее номинал вовсе не соответствовал реальному количеству содержавшегося в ней металла.

Очевидно, что четкое соответствие слов и вещей в значительной мере является достижением эпохи Новейшей истории, отличающейся прогрессом естественных, социальных и точных наук. Именно разработка научных основ различных сфер человеческой деятельности способствовала выработке не только четких понятий, но и (это главное) специальной терминологии. Однако возникающее благодаря этим достижениям соответствие слов и вещей не является абсолютным, а отражает известный конвенционализм в сфере интеллектуальной деятельности, определяемой уровнем знания и практических требований данного периода. Относительность подобных соответствий проявляется в постоянном переосмыслении и уточнении содержания раз-

личных обозначений в рамках непрерывного развития многих сфер научной, культурной и профессиональной деятельности.

Для оценки выявленных соотношений слов и вещей в сфере византийских аграрно-правовых отношений XIII—XIV вв. представляет интерес концепция идеальных типов М. Вебера. Как известно, она предполагает понимание социальной ситуации с учетом социальных действий агентов, отражающих их мотивацию и ценностные установки ³⁵.

В данном случае речь идет о социальных действиях византийских императоров, направленных на поддержку собственнических отношений и иных прерогатив крупных монастырей, а также других влиятельных лиц. Такие действия состояли в пожаловании привилегий и в их систематическом подтверждении. Ценностные установки, содержанием которых являлось убеждение в необходимости названных правовых действий, определялись субъективным фактором наличия у определенных юридических и физических лиц высокого социального статуса и авторитета.

В результате влияния этих, а также ряда других рассмотренных выше факторов, на социальную политику императоров возникала множественная палитра лингвистических стереотипов — различных слов, имеющих одно и то же содержание, преследующих одну и ту же цель, выражающих одни и те же вещные отношения.

Представляется правомерным квалифицировать названные лингвистические стереотипы как единый идеальный тип в понимании Вебера, определяемый одинаковыми действиями, мотивами и ценностными установками императоров. Лингвистические стереотипы, имеющие свою традицию развития, отличались многовариантностью при статичности соответствующих вещных отношений.

Ценностная ориентация византийских императоров в отношении привилегированных юридических и физических лиц отражала нелинейный характер связи рассмотренных выше причин и результатов политики в отношении привилегированных юридических и физических лиц.

Кроме того, проделанное исследование, как мы полагаем, позволяет внести известное уточнение в практику применения лингвистического направления в современном историописании. Дело в том, что обращение к этому понятию при анализе исторических источников, представляющих собой текст в самом широком понимании этого слова, на первый взгляд может показаться излишним. Известно ведь, что всякое исследование в историописании является анализом текстов и соответствующих социокультурных контекстов, а также предполагает анализ их лингвистических обозначений. Именно такое изучение дает возможность историку выдвинуть гипотезы о соответствующих вещных отношениях. Проблема «слова-вещи», таким образом, оказывается в центре внимания историка.

Однако данное направление обретает по отношению к историческому исследованию свой явный и обостренный смысл при акцентировании проблемы лингвистических стереотипов, обозначающих состояние объектов изучения во времени, то есть их стабильность или изменения. При этом возникает проблема специального языка как социокультурного явления. Анализ таких языков позволяет анализировать не только тенденции «слова-вещи», но и временные последовательности слов как ментальных тенденций.

Примечания

1. КАЖДАН А.П. Деревня и город в Византии X в. М. 1960.
2. КУКАРЦЕВА М.А. Лингвистический поворот в историописании. — Вопросы философии. 2006, № 4, с. 44—55.
3. ФУКО М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. 1994, с. 54, 196.
4. Там же, с. 196.
5. МИКЕШИНА Л.А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации. — Вопросы философии. 2010, № 12.
6. LEVY E. West roman vulgar Law. The Law of Property. Philadelphia. 1951, p. 73, 96.
7. Actes de Lavra. Paris. 1977, vol. II, N 83, p. 60.9; N 84, p. 61.13; N 85, p. 63.11—12; N 87, p. 66.14; 1979, vol. III, appendice XII, p. 209.20—27.
8. Ibid., vol. II, N 143, p. 92.16; N 144, p. 96.34; N 150, p. 118.13; Actes d'Ivion. Paris. 1994, vol. III, N 71, p. 148.29—30.
9. Actes de Lavra, vol. II, N 80, p. 52.13; vol. III, N 138, p. 74.20.
10. Ibid., vol. III, N 152, p. 124.40—41.
11. Ibid., N 125, p. 32.35.
12. LEVY E. Op. cit., p. 73.
13. Actes de Lavra, vol. III, N 18, p. 5.93—94.
14. Ibid., N 125, p. 29.3.
15. Ibidem; Actes d'Ivion, N 69, p. 146.22.
16. Actes de Lavra, vol. III, N 125, p. 29.13; Actes d'Ivion, vol. III, N 63, p. 120.13—14.
17. Ibid., N 134, p. 53.24.
18. Ibid., N 142, p. 89.14—15.
19. LEVY E. Op. cit., p. 53, 81.
20. Actes d'Ivion, vol. III, N 84, p. 209—210.
21. Corpus Juris Civilis. Vol. I. Digesta. Berolini. 1954. 1, 3, 14; Basilicorum libri LX. Groningen. 1955. 1.3.16.
22. Digesta, 40, 5.23; 1. 3. 14; 50. 17. 162; Basilicorum libri LX, II, 1. 24
23. Actes de Lavra, vol. II, N 71, p. 9.28; N 86, p. 64.10.
24. Digesta, 1, 3, 26; Basilicorum libre LX, II, 1, 36.
25. NOAILLES P., DAIN A. Les nouvelles de Léon le Sage. Paris. 1944, p. 89.
26. Digesta, 1, 3, 26, 27; Basilicorum libri LX, II, 1, 36.
27. Actes de Lavra, vol. III, N 127, p. 34.2; Actes d'Ivion, vol. III, N 80, p. 284—285.
28. Actes d'Ivion, vol. III, N 133, p. 50.1—2.
29. Actes de Lavra, vol. II, N 79, p. 254, 33, 66; N 80, p. 284.3—4.
30. ХАЛЕМ Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад. — Вопросы философии. 2002, № 7, с. 26.
31. Digesta I, 1, 10; Basilicorum libri LX, II, 1, 10.
32. Actes d'Ivion, vol. III, N 59.2, 70.2—3, 74.4, 75.3, 5.
33. Actes de Lavra, vol. II, N 72, p. 14.1—2.
34. ФУКО М. Ук. соч., с. 203.
35. ВЕБЕР М. Основные социологические понятия. В кн.: ВЕБЕР М. Избранные произведения. М. 1990. с. 625, 633.

Стэнли Болдуин

Е.А. Суслопарова

Аннотация. Статья посвящена британскому премьер-министру, лидеру консервативной партии (1923—1937 гг.) Стэнли Болдуину. Автор прослеживает формирование личности С. Болдуина, основные этапы его политической карьеры, рассматривает понятие «новый консерватизм». В статье дается оценка достоинствам и недостаткам политика, его роли в истории консервативной партии и страны в целом.

Ключевые слова: Великобритания, британские премьер-министры, консервативная партия, «новый консерватизм», Стэнли Болдуин.

Abstract. The article deals with the British prime-minister, the leader of the Conservative party (1923—1937) Stanley Baldwin. The author traces the formation of Baldwin's personality, the main stages of his political career, examines the term «New Conservatism». In the article the author appraises the merits and demerits of the politician, his role in the history of the Conservative party and the country as a whole.

Key words: Great Britain, British prime-ministers, Conservative party, «New Conservatism», Stanley Baldwin.

Стэнли Болдуин был одним из самых влиятельных и уважаемых британских политиков межвоенных лет. Он 14 лет возглавлял консервативную партию, с 1923 по 1937 гг.; трижды становился премьер-министром, в 1923—1924, 1924—1929, 1935—1937 годах. Тем не менее, сегодня его имя вспоминают редко. Болдуин по своему духу остался человеком давно ушедшей эпохи, отголоски которой можно уловить, листая старые газеты или просматривая страницы мемуаров. Более того, к концу своей политической карьеры, в 1930-е гг., Болдуин столкнулся с вызовом в лице фашизма, для успешного противостояния которому, по справедливому замечанию целого ряда британских историков, он не обладал бойцовскими качествами. Тем не менее спокойный, невозмутимый лидер консервативной партии, готовый к умеренным реформам, но не желавший опережать свое время, может

Суслопарова Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: susloparovaelena@rambler.ru.

Susloparova Elena A. — PhD (candidate), assistant professor at the History Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: susloparovaelena@rambler.ru.

считаться в какой-то мере символом межвоенной эпохи в Великобритании.

Литература, посвященная Болдуину на английском языке, весьма обширна. В 1920-е — 1930-е гг. вышло несколько книг, являвших собой дань уважения тогда еще живому и влиятельному политику¹. В 1952 г., через пять лет после смерти Болдуина, появилась работа Дж. Янга. Несмотря на то, что автор был выбран самим Болдуином еще при жизни в качестве официального биографа, она лишена пафосного восхваления героя и содержит скептические комментарии, в частности относительно его нежелания форсировать в 1930-е гг. программу перевооружения. В 1955 г. была опубликована книга «Мой отец: истинная история», написанная одним из сыновей Болдуина и, разумеется, весьма субъективная по своей сути. В 1960 г. под редакцией Дж. Реймонда увидел свет сборник эссе «Век Болдуина», в котором нашли отражение различные события и тенденции, относящиеся к периоду политического лидерства героя этого очерка².

Наиболее подробная на сегодняшний день биография Болдуина была издана в 1969 г. известными британскими историками К. Миддлмэсом и Дж. Барнсом. В целом авторы позитивно оценивают Болдуина, отдавая ему должное как умному и незаурядному политику. 1970-е гг. были отмечены появлением целого ряда работ, посвященных Болдуину, например Х.М. Хайда, К. Янга, Дж. Рэмсдена. В 1988 г. известный британский политик Р. Дженкинс издал еще одну биографию Болдуина, написанную с несомненной симпатией по отношению к главному герою. В том же году вышла книга С. Болла «Болдуин и консервативная партия. Кризис 1929—1931 гг.» Следует отметить, что Болдуин не был обделен вниманием и на рубеже столетий. В 1999 г. увидела свет биография Ф. Вилльямсона, в 2006 г. — А. Перкинс³. В отечественной историографии фигура Болдуина удостоивалась внимания на страницах работ Г.М. Алпатовой, В.В. Аболмасова⁴.

Что касается самого Болдуина, то, к разочарованию исследователей, он не оставил после себя мемуаров. При жизни Болдуина было опубликовано несколько сборников его выступлений. А также в 2004 г. была издана подборка писем Болдуина и некоторых документов, связанных с его деятельностью⁵.

В данном очерке хотелось бы частично восполнить относительный недостаток работ о Болдуине в отечественной историографии, попытаться проследить основные этапы его биографии, определить особенности его политического стиля, в общих чертах охарактеризовать его роль в истории консервативной партии и Великобритании в целом.

Стэнли Болдуин родился 3 августа 1867 г. в местечке Бьюдли в Вустершире. Род Болдуинов происходил от мелкопоместных дворян из Шропшира. В годы промышленного переворота семейство постепенно разбогатело. Отец Болдуина Альфред был успешным фабрикантом, а также членом парламента. Стэнли, единственный ребенок и по материнской линии родственник писателя Р. Киплинга, был отправлен в элитную школу Хоутри, после которой большинство мальчиков, как правило, попадали в Итон. Однако, вопреки устоявшейся традиции, С. Болдуин был направлен в 1881 г. в менее известный, но также весьма престижный Харроу.

В юные годы Стэнли не выделялся особыми способностями, был ленив и замкнут. Однако, будучи взрослым, он легко читал по-французски и немного по-немецки. Болдуин продолжил обучение в Тринити колледже в Кембридже, но и там его успеваемость оставляла желать лучшего. Как отмечают биографы, у него было мало друзей, он избегал участия во всевозможных университетских организациях и клубах. Когда же наконец его избрали в дискуссионное общество своего колледжа, то вскоре попросили уйти оттуда, поскольку новичок все время молчал.

Стэнли закончил Оксфорд в 1888 г. и сразу же занялся семейным бизнесом в металлургической промышленности, на

долгие годы став правой рукой отца. Однако он никогда не рвался занять его место. Напротив, проявлял умеренное усердие и не отказывал себе в продолжительном отпуске, который, как правило, проводил на континенте. Болдуин никогда не был одержим зарабатыванием денег. Секретарь кабинета министров Т. Джоунс вспоминал впоследствии характерное высказывание Болдуина на эту тему: «Человек, быстро заработавший миллион... должен сидеть в тюрьме»⁶.

В 1892 г. Болдуин женился не девушке из хорошей семьи Люси Ридсдейл. Сам Болдуин полагал, что никогда не умел производить впечатление на женщин: «Я мог иметь скромный успех на вечеринке, если она была особо скучной. Но чтобы обо мне помнили на следующий день, тем более на следующей неделе — никогда»⁷. Будущие супруги познакомились во время игры в крикет. Биографы обращают внимание, что брак с Люси не был основан на страсти, а скорее на взаимной привязанности. Люси не обладала высоким интеллектом, в молодости любила танцы, вечеринки, но была готова обеспечить комфорт и уют в доме. Их сын Уиндхэм вспоминал, что родители никогда не спорили. Семейство Болдуинов воспитало шестерых детей, старший из которых, Оливер, по иронии судьбы, оказался убежденным лейбористом.

В начале XX в. Болдуин в течение нескольких лет был членом муниципального совета графства Вустершир. Попытать счастья на парламентских выборах от округа Киддерминстер Стэнли впервые решил в 1906 г., когда еще был жив его отец. Предвыборная борьба в тот период не доставила ему особого удовольствия. Впоследствии Болдуин вспоминал, что после очередного митинга приводил свои мысли в порядок, читая Гомера или Горация⁸. В итоге эта попытка оказа-

лась неудачной. В 1908 г. после скоропостижной смерти отца парламентское место от его округа Бьюдли оказалось вакантным, и Стэнли было предложено «по наследству» выдвинуть от него свою кандидатуру на дополнительных выборах. Таким образом, в начале 1908 г., в отсутствие в Бьюдли другого соперника, он в возрасте 40 лет впервые перешагнул порог палаты общин в качестве парламентария во многом благодаря авторитету Алфреда Болдуина. Впрочем, сам Стэнли в последующие годы не разочаровывал свой электорат. Консервативный округ будет неизменно голосовать за него в течение нескольких десятилетий.

В предвоенные годы, однако, ничто не предвещало, что в парламент пришел будущий премьер-министр. Болдуин держался скромно, выступал крайне редко. Перемены в его политической карьере наступили в годы первой мировой войны. Болдуин принял участие в работе нескольких правительственных комитетов, а в 1916 г. лидер консервативной партии Э. Бонар Лоу доверил ему должность своего личного парламентского секретаря. В коалиционном правительстве, созданном Д. Ллойд Джорджем в декабре 1916 г. из представителей его сторонников либералов, консерваторов, а также лейбористов, Бонар Лоу занял должность министра финансов. Болдуин же был назначен летом 1917 г. финансовым секретарем казначейства. Эту должность он сохранил за собой и после окончания боевых действий, вплоть до 1921 г., когда пост министра финансов уже перешел к консерватору О. Чемберлену в рамках переформированной послевоенной коалиции по-прежнему во главе с Ллойд Джорджем. Биографы Болдуина сходятся во мнении, что оба канцлера казначейства, как Бонар Лоу, так и Чемберлен, не рассматривали его в ту пору как человека, подающего серьезные надежды.

Впоследствии, в 1920-е гг. на страницах прессы была опубликована карикатура, где молодой Болдуин видит в зеркале свое отражение в зрелом возрасте. Снизу располагалась реплика самого персонажа: «Премьер-министр? Ты? Боже мой!»⁹

В самом деле, Болдуину исполнилось 50 лет, когда он впервые получил должность всего лишь ранга младшего министра. «Подать надежды» было уже поздно. Тем не менее, он проявил себя на этом посту как человек компетентный и неконфликтный. Более того, его четкие и понятные выступления по финансовым проблемам, ответы на вопросы в палате общин, неизменное чувство юмора стали импортировать многим депутатам.

В 1920 г. Болдуину вместе с пэрством было предложено генерал-губернаторство вначале в Южной Африке, затем в Австралии. В обоих случаях он ответил отказом. Его терпение было вознаграждено в 1921 г., когда в возрасте 53 лет Болдуин заслужил наконец серьезную должность в рамках кабинета министров. Он был приглашен занять пост министра торговли. Бонар Лоу направил ему поздравительное письмо в связи с новым назначением, в котором были характерные слова: «У вас тот же недостаток, который, как говорят, есть и у меня — излишняя скромность. Мой совет — избавьтесь от него как можно скорее»¹⁰. Тем не менее, поздно начав серьезную политическую карьеру, Болдуин всегда оставался самим собой, не суетился и не считал нужным проявлять показную активность.

Отношения Болдуина с премьер-министром Ллойд Джорджем близкими назвать было нельзя. Как писал Р. Дженкинс, Ллойд Джордж никогда не осознавал потенциальной угрозы, исходившей от подопечного. Премьер-министр сделал его членом кабинета в 1921 г., главным образом, чтобы уравновесить баланс сил человеком из команды ушедшего с поста лорда-хранителя печати Э. Бонар Лоу. Но Ллойд Джордж редко консультировался с новым министром по общим вопросам. Как-то он снисходительно заметил, что практически единственным звуком, исходившим от Болдуина во время заседаний кабинета, было ритмичное сосание трубки. Премьер-министру было невдомек, писал Дженкинс, что очередной такой звук означал высшую степень неодобрения, еще один шаг на пути к его собственному неотвратимому падению ¹¹.

Впрочем, иногда недовольство подчиненного все же прорывалось наружу. Однажды во время обсуждения деталей бюджета в ответ на реплику Ллойд Джорджа «но мы еще не слышали, что думает министр торговли», Болдуин заметил: «Возможно, вам не понравится, что он скажет. Он чувствует себя директором мошеннической компании, вовлеченным в подделку баланса» ¹².

В действительности премьер-министр, приведший Англию к успеху в первой мировой войне, все больше раздражал многих представителей консервативной партии. Некоторые опасались, что фактически расколов либеральную партию в годы войны на своих приверженцев и сторонников Г. Асквита, вынужденного уйти с поста премьер-министра и пересечь на скамью оппозиции в декабре 1916 г., Ллойд Джордж ради сохранения власти не остановится и перед тем, чтобы спровоцировать раскол в рядах тори. В послевоенные годы среди тех, кого он имел шанс переманить на свою сторону, фигурировали влиятельные консерваторы, такие как Чемберлен, виконт Биркенхед и ряд других. Подобные опасения были и у Болдуина, прекрасно осознававшего, что сила тори заключена в единстве и сплоченности партии.

Консерваторы, совсем недавно рассматривавшие Ллойд Джорджа в качестве желанного союзника для достижения победы коалиции на выборах 1918 г., спустя несколько самых трудных послевоенных лет стали заметно тяготиться премьером либералом. В Ллойд Джордже раздражало многое. Несмотря на то, что его правительство в значительной мере состояло из представителей чужой для него консервативной партии, премьер-министр вел себя по-хозяйски, мало считаясь с мнением подчиненных. Масла в огонь подлил скандал с якобы неправомерной раздачей титулов, разгоревшийся летом 1922 г., в котором фигурировало имя Ллойд Джорджа.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения тори, стал так называемый Чанакский кризис, случившийся осенью 1922 года. Турецкие войска М. Кемаля, развернувшие наступление против греков, фактически вышли к побережью Дарданелл в районе Чанак, достигнув линии соприкосновения с британскими подразделениями, дислоцированными в районе проливов. На этом фоне Ллойд Джордж, полагавший, что побежденная Турция «зашла слишком далеко», проявил, по мнению многих консерваторов, излишнюю воинственность, фактически поставив Великобританию на грань начала военного конфликта.

В действительности за всеми этими многочисленными проблемами скрывался главный стратегический вопрос — готовы ли консерваторы (или их часть) выйти на следующие выборы по-прежнему во главе с беспокойным либералом. 10 октября 1922 г. О. Чемберлен на собрании министров-консерваторов предложил именно этот курс, что вызвало в тот день резкое возражение со стороны одного лишь Болдуина. Его жена Люси в письме свекрови следующим образом описывала разговор со Стэнли по дороге от вокзала Виктория после своего возвращения с материка. «Я совершил нечто ужасное, не посоветовавшись с тобой, — говорил Болдуин, — ...я уйду в отставку. И больше не получу работы... но я не могу более продолжать служить под началом у “К”». На следующем собрании консервативных министров на стороне Болдуина открыто выступил А. Гриффит-Боскавен¹³. Однако этого было явно недостаточно, чтобы рассчитывать на успех.

Каким же образом Болдуину, человеку мало кому известному за рамками правительства, удалось, говоря словами одного из его биографов, заочно одержать победу над «европейским Голиафом» в лице искушенного премьер-министра либерала на историческом собрании парламентариев от консервативной партии, состоявшемся в Карлтон-клубе 19 октября 1922 года? Представляется, что успеху Болдуина способствовало несколько факторов. Во-первых, опасения, что затянувшийся альянс с Ллойд Джорджем может погубить консервативную партию в глубине души разделял не он один. Во-вторых, перед решающей схваткой Болдуин сумел заручиться поддержкой ряда влиятельных консерваторов и, прежде всего, привлек на свою сторону уже больного и в последний год несколько отошедшего от дел многолетнего лидера консервативной партии Бонар Лоу, пользовавшегося значительным авторитетом. В-третьих, Болдуин произнес в Карлтон-клубе 19 октября одну из лучших речей, в которой смог убедительно донести свои аргументы до коллег по партии.

Тогдашний лидер палаты общин Чемберлен, сторонник сохранения коалиции, выступал в Карлтон-клубе полчаса. Болдуин говорил всего восемь минут. И этого оказалось достаточно, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Болдуин намеренно не стал нападать на Чемберлена, которого поддерживало большинство кабинета, поскольку хотел сохранить единство партии. Он обрушился на «Голиафа», откровенно заявив, что именно в его фигуре заключены все нынешние беды консервативной партии. «Благодаря... этой примечательной личности либеральная партия... была разбита на куски, и я твердо убежден, — заявил Болдуин в Карлтон-клубе, — что со временем та же участь ожидает и нашу партию... процесс будет идти по нарастающей до тех пор, пока старая консервативная партия не разобьется вдребезги и не превратится в руины»¹⁴.

В итоге предложение Болдуина немедленно разорвать коалицию с Ллойд Джорджем было поддержано 185 голосами против 88¹⁵. После этого Ллойд Джордж ушел в отставку и новым премьер-министром однопартийного консервативного кабинета стал Бонар Лоу. Болдуину после успеха в Карлтон-клубе был предложен престижный пост министра финансов. Первоначально он отказался. Как полагает биограф Болдуина Дженкинс, им руководило очевидное нежелание предстать в образе человека, низвергнувшего коалицию ради собствен-

ной карьерной выгоды. Лишь после того, как другой кандидат Р. Маккенна отверг назначение, Болдуин выразил согласие возглавить министерство ¹⁶. Консервативная партия вышла на выборы в ноябре 1922 г. и одержала убедительную победу, получив абсолютное парламентское большинство.

Тем не менее, червоточина внутри консерваторов, порожденная различным отношением к идее альянса с Ллойд Джорджем в конце 1922 г., осталась. В правительство Бонар Лоу ни до, ни после выборов не вошли влиятельные консерваторы «коалиционисты» Чемберлен и Биркенхед. В апреле 1923 г. Болдуин представил свой первый и последний бюджет в качестве министра финансов. Документ не содержал в себе ничего экстраординарного, однако речь Болдуина, лаконичная и понятная, удостоилась похвалы многих коллег по партии, а также прессы.

В мае 1923 г. консервативной партии довелось пройти еще через одно испытание, связанное с тем, что смертельно больной Бонар Лоу был наконец вынужден подать в отставку. Наиболее вероятными кандидатами ему на смену были укрепивший свои позиции в партии в последние месяцы Болдуин и министр иностранных дел лорд Керзон. Последний, бывший вице-король Индии, являлся фигурой широко известной в стране и, по идее, мог бы рассматриваться в качестве фаворита. Однако, во-первых, несмотря на авторитет и заслуги, многие недолго любили Керзона за чрезмерное высокомерие и надменность. Соответственно имелись опасения, что эта кандидатура не сможет сплотить вокруг себя всю партию консерваторов. Во-вторых, самый весомый аргумент заключался в том, что Керзон был членом палаты лордов. В условиях, когда с 1922 г. официальной оппозицией стали лейбористы, не представленные в этой палате вообще, это могло вызвать беспрецедентную в истории британского парламентаризма проблему. Официальная оппозиция не имела бы возможности напрямую обращаться к премьеру в парламенте.

В этих условиях, при отсутствии явного фаворита, решающее слово было за королем. И он после консультаций с представителями политической элиты, в частности с бывшим консервативным премьер-министром А. Бальфуrom, предпочел Болдуина, что явилось большим разочарованием для другого претендента ¹⁷. 23 мая 1923 г. Болдуин официально занял пост премьер-министра. С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня в британской политике утвердилась традиция — премьер-министр обязан быть депутатом палаты общин. Одновременно с премьерством весной 1923 г. Болдуин занял и пост лидера консервативной партии. Таким образом, как он сам впоследствии признавался, он вознесся на политический олимп, будучи человеком недостаточно опытным, в результате стечения целого ряда обстоятельств ¹⁸.

Хотел ли Болдуин быть премьер-министром? Вероятнее всего, да, хотя, по воспоминаниям лорда Дэвидсона, за несколько дней до назначения он был заметно напуган. Впрочем, в письме знакомому Ф. Бруму в те же дни он признавался: «Это самая ответственная работа в мире. И если я потерплю неудачу, я разделю судьбу многих более выдающихся людей, нежели я сам..., но можно попробовать что-то сделать...». В письме матери Болдуин отмечал, что в данный

момент за него нужно скорее молиться, но не поздравлять с назначением¹⁹.

Спустя несколько лет, в публичном выступлении Болдуин произнес мудрые и откровенные слова относительно того поста, которого впервые удостоился в 1923 г.: «Это самая одинокая работа в мире... премьер-министр не может ни с кем разделить конечную ответственность. Он как капитан на мостике корабля: он должен пытаться смотреть вдаль, обладая знаниями, скрытыми от большинства людей... Только время способно дать оценку его труду...»²⁰

В течение межвоенных лет Болдуин занимал кресло премьера в общей сложности почти восемь лет, дольше всех других политиков того периода. Он не был одержим работой. Его биограф Дженкинс справедливо пишет, что самые счастливые периоды у него были в отсутствие чрезмерного объема работы. Когда ее не было, Болдуин не пытался ее сам себе создавать²¹. В обычное время Болдуин предпочитал проводить выходные с женой или гулять, нежели без усталости работать с документами. Он любил долгие пешие прогулки, позволявшие ему многие годы сохранять хорошую физическую форму.

Премьер-министр не лез без особой необходимости в дела отдельных министерств, предоставляя их руководителям максимальную свободу. С другой стороны, он любил атмосферу палаты общин и, по подсчетам биографов, проводил там больше времени, чем любой из его предшественников. Болдуин мог часами просто сидеть на правительственной скамье и слушать дебаты. Так было, например, летом 1923 г., когда лейбористы с азартом выступали в парламенте с предложением о необходимости замены в Англии капитализма социализмом. В дискуссии приняли участие Ллойд Джордж, Чемберлен, Л. Эмери и целый ряд других известных политиков «от капиталистов». Болдуин не выступал. Он просто сидел и слушал.

Взойдя на политический олимп в 1920-е гг., Болдуин мог в те годы спокойно расположиться в курительной комнате палаты общин, чтобы почитать неполитическую прессу. Как с юмором отмечает Дженкинс, Черчилль, никогда не стал бы терять время в курительной комнате в отсутствие публики, Ллойд Джордж вообще не стал бы терять там время, Макдональд никогда не стал бы столь явно выставлять напоказ, что он в данный момент свободен от дел²². Болдуин был человеком иного склада.

В 1923 г. главная задача, стоявшая перед Болдуином, заключалась в том, чтобы попытаться сплотить консервативную партию. Он осознавал, что британская политическая жизнь сможет обрести стабильность и предсказуемость только с возвращением к двухпартийной системе, при условии доминирования в ней консерваторов. В обстановке существования расколотов с 1916 г. на две группировки (ллойд-джорджистов и асквитанцев) либеральной партии и значительно окрепших после войны лейбористов, в начале 1920-х гг. британский политический ландшафт был, в представлении Болдуина, далек от идеала. В 1923 г. Болдуин вполне серьезно опасался, что оказавшийся после 1922 г. не у дел Ллойд Джордж может попытаться переманить на свою сторону часть консерваторов, выступивших в свое время против разрыва коалиции, и создать с прицелом на следующие выборы подобие новой партии, что неизбежно нанесло бы тори серьезный

ущерб. В этих условиях Болдуин решился на смелый, но рискованный шаг. На фоне экономических трудностей, которые переживала послевоенная Англия, беспрецедентного в мирное время уровня безработицы, 25 октября 1923 г. в Плимуте на ежегодном съезде Национальной юнионистской ассоциации он объявил о том, что намерен перейти к политике протекционизма, не заявленной Бонар Лоу на последних выборах 1922 г., принесших тори победу²³. Поскольку избиратель не голосовал за такую программу, фактически это означало досрочные парламентские выборы в ближайшее время.

Эта мера преследовала несколько целей. Во-первых, Болдуин действительно полагал, что введение тарифов и ограждение внутреннего рынка от иностранной конкуренции поможет возродить экономическую мощь Великобритании и снизить безработицу. Именно этот аргумент и явился центральной темой его плимутского выступления. Во-вторых, премьер-министр руководствовался и иными соображениями, о которых он, разумеется, умолчал в ходе публичного обращения. У Болдуина были опасения, что Ллойд Джордж, находившийся в это время в Америке, по возвращении может сам разыграть «протекционистскую карту», чтобы сплотить вокруг себя сторонников, в том числе тори-«коалиционистов»²⁴.

По воспоминаниям Т. Джонса, секретаря кабинета министров, решение о переходе к протекционизму было принято поспешно. Оно обсуждалось на заседании консервативного кабинета и через 48 часов уже было озвучено Болдуином в Плимуте. В результате в ходе предвыборной кампании многие представители тори оказались просто не в состоянии убедительно отстаивать и объяснять новый курс избирателям²⁵.

Маневр Болдуина 1923 г. оправдал себя с точки зрения политической стратегии и стремления избежать нежелательного формирования «партии центра» во главе с бывшим премьер-министром либералом. По возвращении из Америки Ллойд Джорджу не осталось ничего иного как подтвердить свою неизменную приверженность фри-треду. В то же время маневр имел и оборотную сторону. Во-первых, ллойд-джорджисты и асквитанцы во имя защиты свободы торговли попытались отложить в сторону взаимные обиды и вышли на выборы в декабре 1923 г. впервые после войны единой партией. Во-вторых, большинство электората не приняло политику протекционизма вообще. И Англия получила по итогам спровоцированной Болдуином избирательной кампании 1923 г. «подвешенный парламент. Консерваторы завоевали 248 парламентских мест, лейбористы — 191, либералы — 158»²⁶.

В результате не пожелавшее сразу уходить в отставку консервативное правительство Болдуина получило в январе 1924 г. во время обсуждения в парламенте протекционистской программы вотум недоверия, что открыло дорогу к власти лейбористам во главе с Р. Макдональдом, сторонникам свободы торговли, при поддержке либералов. В этой связи возникает неизбежный вопрос, была ли речь Болдуина в Плимуте в октябре 1923 г. ошибкой, учитывая, что в результате досрочных парламентских выборов его партия потеряла абсолютное большинство в палате общин и была вынуждена уйти в оппозицию?

Представляется, что нет. Либералы в 1923 г. объединились лишь формально. Фактически раскол в их рядах сохранялся вплоть до 1926 г.,

когда Асквит по состоянию здоровья отошел от дел, и бразды правления партией оказались сосредоточены единолично в руках Ллойд Джорджа. Что касается спровоцированного протекционистской программой «эксперимента» с кабинетом Макдональда, то Болдуин в принципе в те годы уже готов был признать именно за лейбористами, а не за либералами статус второй партии в стране. Более того, правительственный опыт способствовал эволюции лейбористской партии вправо, что также импонировало лидеру консерваторов.

В конечном счете лейбористы продержались у власти всего девять месяцев. Это была не столь уж высокая цена за возможность сплотить партию тори и попытаться избавиться от угрозы перехода «коалиционистов» на сторону Ллойд Джорджа.

Уйдя в отставку, в письме матери Болдуин отмечал в январе 1924 г., что чувствует себя счастливым и беззаботным²⁷. Тем не менее, он извлек урок из того, что избиратель отверг протекционизм в декабре 1923 года. Вскоре после формирования первого лейбористского кабинета, 11 февраля 1924 г., уже бывший премьер-министр официально заявил на собрании консерваторов в отеле Сесил, что введение тарифов более не стоит у них на повестке дня. В том же месяце произошло окончательное примирение с «коалиционистами». Чемберлен, Биркенхед вошли в «теневой кабинет» Болдуина²⁸.

Насколько Болдуин был силен в роли лидера парламентской оппозиции? Сам он впоследствии признавался, что никогда не был хорош в этом качестве²⁹. Первый лейбористский кабинет Макдональда, полностью зависимый от поддержки либералов и не имевший возможности инициировать слишком левое законодательство, не вызывал у Болдуина особого беспокойства. Как справедливо писал один из его биографов, в 1924 г. Болдуин был мягким оппонентом по отношению к слабому правительству³⁰.

Лейбористы за счет умелой пропагандистской работы сумели в первые послевоенные годы привлечь к себе значительную часть резко возросшего после избирательной реформы 1918 г. электората, главным образом за счет малоимущих слоев населения. Несомненной заслугой Болдуина в 1920-е гг. было то, что он как лидер консерваторов прекрасно осознавал, что с новым массовым избирателем необходимо было разговаривать новым языком и искать новые приемы, чтобы сохранить и расширить влияние своей партии среди людей различной социальной принадлежности. Главным, с его точки зрения, было убедить послевоенный массовый электорат в том, что партия тори — это не старая реакционная сила, а прогрессивное движение по пути справедливых и необходимых рядовому британцу реформ. В английской историографии эту попытку Болдуина придать своей партии новый привлекательный в глазах массового избирателя облик принято называть «новым консерватизмом». Этот курс полностью совпадал с темпераментом Болдуина и символизировал собой готовность к диалогу и компромиссу с малоимущим электоратом. В этой связи британский историк Дж. Рэмсен писал об «умиротворяющей природе консерватизма Болдуина»³¹.

Основы «нового консерватизма» были заложены в выступлениях Болдуина середины 1920-х гг. и затем дополнены более поздними речами. В социально-экономической сфере «новый консерватизм»

подразумевал умеренные реформы, нацеленные на сглаживание социального неравенства и вопиющих социальных контрастов. Красной нитью через выступления Болдуина походила мысль о необходимости улучшить стандарты жизни, положение каждого индивида с тем, чтобы получить более совершенное государство. Пропаганда классово-вражды в последние 20 лет, подчеркивал Болдуин в одном из выступлений 1925 г., привела к пагубным последствиям. Прогресс, полагал он, не может быть достигнут в одно мгновение. Для этого необходима добрая воля и готовность к диалогу как рабочих, так и работодателей ³².

В определенной мере в высказываниях Болдуина можно было найти отголоски идей его давнего предшественника Б. Дизраэли, однако уже на новом витке исторического развития. Умение и таланты, утверждал Болдуин, не являются прерогативой какого-то одного класса. Рабочие, заявлял он, должны занять достойное место в рядах консервативной партии и, при наличии способностей, иметь возможность для карьерного и социального роста ³³. Характерной чертой «нового консерватизма», как считает ряд исследователей, было и то, что Болдуин, несмотря на критику в адрес социалистов, имел хорошие личные отношения с Макдональдом и в целом признавал именно за лейбористами статус второй партии в стране, «предав» тем самым истинного соперника — либералов ³⁴.

В духовной сфере Болдуин ставил в своих выступлениях акцент на английскую самобытность, любовь к стране, обычаям, природе. Для него Англия — это был «звук молотка по наковальне в деревенской кузнице, крик коростеля среди утренней росы, звук точильного камня о косу, вид пахарей, показавшихся из-за холма... последняя копна сена, которую вечером везут по узкой дороге, когда начинают сгущаться сумерки... и наконец самое неуловимое... запах лесной дымки, поднимающийся осенним вечером... тот запах, который наши предки десятки тысяч лет назад, должно быть, улавливали в воздухе, возвращаясь домой с охоты...» ³⁵

Что касается англичан, то Болдуин полагал, что это народ, состоящий из неповторимых индивидуальностей, способный преодолевать любые трудности, построивший великую империю и обладающий неизменным чувством юмора, а также уважением к законам и порядку. Более того, Болдуин был убежден, что англичане испытывают симпатию и солидарность друг с другом, независимо от социальной иерархии. Англичанин может ворчать, говорил Болдуин, но никогда не станет паниковать. И если кто-то считает, что англичане иногда проигрывают романским народам в интеллектуальном плане, никто никогда не осмелится оспорить английский «созидательный гений» ³⁶.

Смог ли Болдуин в конечном итоге овладеть ораторским мастерством, которое не давалось ему в молодые годы, с тем, чтобы донести до аудитории обновленный пропагандистский набор консервативных ценностей? В Англии говорили, когда вы слушаете Черчилля, вы думаете об ораторе, когда вы слушаете Болдуина, вы думаете о самой речи. По мнению современника Болдуина, его биографа Янга, его выступлениям было свойственно изящество, непринужденность, обаяние, заставлявшие аудиторию соглашаться с ним, либо, по меньшей мере, внимательно слушать. Без сомнения, у Болдуина был свой стиль.

Он никогда не состязался с лейбористами в умении «завести толпу». По радио почти всегда Болдуин говорил негромко, без эмоциональных всплесков. Другой его современник и биограф А. Уайт отмечал, что специфическая «интимная» манера радиообращений Болдуина позволяла слушателю испытывать ощущение, что слова оратора обращены непосредственно к нему ³⁷. В наступившую в 1920-е гг. эпоху радиовещания эти качества сделали Болдуина несомненным фаворитом на фоне других известных политиков, одаренных ораторским мастерством, но так и не нащупавших своей манеры радиообращений.

Падению первого лейбористского кабинета осенью 1924 г. способствовала антикоммунистическая истерия, связанная с так называемым «делом Кэмпбелла». Летом 1924 г. исполнявший обязанности главного редактора прокоммунистического издания «Уокерс Уикли» Дж. Кэмпбелл был обвинен в подстрекательстве к мятежу. Тем не менее, при пособничестве лейбористского правительства с него были сняты обвинения за недостатком доказательств. Собравшиеся на осеннюю парламентскую сессию консервативные и либеральные депутаты высказали по этому поводу недовольство и потребовали назначить специальную комиссию для разбирательства в правомерности действий правительства. Макдональд расценил это как знак недоверия кабинету. В итоге парламент был распущен, и на 29 октября 1924 г. назначены досрочные выборы.

Консерваторы во главе с Болдуином отдавали должное лейбористским внешнеполитическим успехам на Лондонской конференции летом 1924 г., одобрявшей план Дауэса в интересах «не слишком слабой Германии». Однако резкой критике была подвергнута политика в отношении Советской России и заключение с ней общего и торгового договоров. Апелляция лейбористов к тому, что при подписании договоров с СССР ими двигали исключительно прагматические соображения, не казалась Болдуину убедительной. Выступая в ходе предвыборной кампании на массовом мероприятии в Ньюкасле 2 октября 1924 г., он говорил о том, что российский торговый рынок для Великобритании невелик и едва ли может быть сопоставим по значению с доминионами, Южной Африкой и восточными странами ³⁸.

Избирательная кампания 1924 г. сопровождалась скандалом с «письмом Зиновьева» ³⁹, что еще больше подогрело антикоммунистическую истерию. Принято считать, что от него пострадали в 1924 г. не столько лейбористы, в целом сохранившие и даже несколько увеличившие свой электорат по сравнению с 1923 г., сколько либералы. Напуганный избиратель среднего класса на всякий случай проголосовал за консерваторов, чтобы не повторить сценарий «подвешенного парламента». В результате всех этих событий Болдуин получил возможность осенью 1924 г. уже второй раз в своей жизни занять кресло премьер-министра.

Новые правительственные назначения символизировали собой восстановленное Болдуином единство консервативной партии. Чемберлену было отдано на откуп престижное министерство иностранных дел, Биркенхед стал министром по делам Индии. Более того, Болдуин предложил пост министра финансов У. Черчиллю, недавно вернувшемуся из либерального лагеря и не ждавшему подобной шед-

рости. Годы второго премьерства Болдуина оказались единственным периодом за всю межвоенную историю, когда однопартийное правительство управляло Великобританией полный конституционный срок. Болдуин любил стабильность. Биографы справедливо обращают внимание на то, что он не был склонен перетасовывать состав своего кабинета. Как с иронией пишет Дженкинс, только смерть или болезнь члена правительства могла повлечь за собой кадровые изменения в кабинете Болдуина ⁴⁰.

Премьер-министр по-прежнему придерживался принципа не вмешиваться в дела министерств без особой нужды. Известная Локарнская конференция 1925 г. и заключенный на ней Рейнский гарантийный пакт, символизировавший нерушимость послевоенных западных границ Германии, по праву ассоциируются с именем Чемберлена, получившего за свою работу Нобелевскую премию мира. Болдуин вообще, в отличие от многих премьеров, того же Макдональда, мало интересовался внешней политикой и посвящал немного времени общению с иностранцами. По свидетельству Янга, иногда во время заседаний кабинета Болдуин демонстративно закрывал глаза во время обсуждения внешнеполитических вопросов. «Разбудите меня, когда с этим будет кончено», — обращался он к коллегам ⁴¹. Болдуин никогда не стремился продемонстрировать на публику достоинства, которых у него не было. Международная дипломатия относилась к их числу.

В годы премьерства Болдуина во второй половине 1920-х гг. партия тори попыталась на практике реализовать некоторые реформы, нацеленные на смягчение социального неравенства и отвечавшие по духу «новому консерватизму». Например, в 1925 г. был принят новый законодательный акт, по которому все рабочие старше 65 лет оказались охвачены национальной страховой схемой, в равной степени, как вдовы и сироты. В 1927 г. был одобрен новый закон о страховании по безработице, расширивший количество людей, имеющих право получать пособие. В 1929 г. был принят Закон о местном управлении. Он регулировал вопрос оказания помощи неимущим. Еще с первой половины XIX в. пауперы в Англии получали помощь в так называемых работных домах, условия нахождения в которых были ужасными. Работные дома контролировали специальные попечительские советы. Закон 1929 г. был призван пересмотреть эту систему и сгладить ее неприятные проявления. Теперь проблемой пауперов должны были заниматься не попечительские советы (их упразднили), а советы графств, органы местного самоуправления. Этот закон, по сути, положил начало постепенной ликвидации работных домов ⁴².

Однако заметным ударом по имиджу сдержанной и непредвзятой администрации, который Болдуин настойчиво стремился создать в годы своего премьерства, явились события всеобщей стачки 1926 года. Восстановление золотого стандарта фунта стерлингов на уровне его довоенного паритета с долларом в апреле 1925 г. отвечало интересам британских инвесторов и финансистов. Но дорогой фунт ударил по экспортным отраслям британской промышленности, в особенности по угольной индустрии. Шахты давно нуждались в модернизации. Поскольку уголь был жизненно необходим для военной промышленности, британское правительство установило к концу первой мировой войны госконтроль над отраслью, что автоматически означало

государственные дотации. В мирное время подобная практика представлялась неприемлемой. В середине 1925 г. владельцы шахт объявили о намерении отказаться от фиксированного минимума заработной платы и перейти к порайонной системе заключения коллективного договора с рабочими. Тем не менее, шахтеры не готовы были идти на уступки.

На этом фоне профсоюз горняков поддержали влиятельные тред-юнионы железнодорожников, транспортников и машиностроителей. В результате летом 1925 г. над Великобританией нависла угроза их совместной стачки протеста, способной парализовать значительную часть промышленной системы. В этой напряженной ситуации правительство Болдуина проявило мягкость и само пошло на уступки, объявив 31 июля 1925 г. о государственных субсидиях угольной отрасли на ближайшие 9 месяцев, вплоть до мая 1926 года.

Было ли это ошибкой Болдуина, или подобный шаг отступления в ретроспективе полностью себя оправдал? Мнения на этот счет различны. Например, Ллойд Джордж считал поступок Болдуина 1925 г. неверным, поскольку консервативное правительство пошло на уступки, не поставив непременным условием снятие угрозы всеобщей стачки в дальнейшем⁴³. Скептические комментарии раздавались и из лагеря самих консерваторов. Тем не менее, Болдуин был твердо убежден в своей правоте. Впоследствии в беседе с Янгом в ответ на вопрос о субсидиях, Болдуин ответил, что правительство было в тот момент просто не готово выдержать удар всеобщей стачки. В частном письме он откровенно признавался, что правительство в 1925 г. «откупилося от стачки»⁴⁴.

В действительности оценивать решение Болдуина 1925 г. необходимо по конечному результату, а он состоял в том, что победа через год осталась за правительством. С одной стороны, «красная пятница» (31 июля, день предоставления субсидий) на время способствовала подъему боевых настроений в профсоюзном движении и вере в успех тактики «прямого действия». С другой, консерваторы выиграли время, чтобы подготовиться к решающей схватке. За девять месяцев были подготовлены отряды штрейкбрехеров, накоплены запасы угля.

Комиссия Г. Сэмюэля, назначенная правительством для изучения состояния дел в угольной отрасли, не смогла предложить кардинального и быстрого способа решения проблемы самоокупаемости шахт. Было признано, что угольная отрасль нуждается в реорганизации. Однако это был вопрос неопределенного будущего. В качестве же неотложного средства решения проблемы комиссия высказалась за сокращение заработной платы шахтерам⁴⁵.

Май 1926 г. неумолимо приближался. 23 апреля Болдуин пригласил к себе представителей горняков и шахтовладельцев с тем, чтобы попытаться предотвратить надвигавшийся конфликт, тем не менее, попытки оказались тщетны. Последующие дни также не принесли удовлетворительного результата. Шахтеры требовали продолжения субсидий вплоть до реорганизации отрасли. Крайнее обострение ситуации наступило 2 мая, когда наборщики «Дейли Мэйл» отказались печатать не устраивавшую их передовицу. 3 мая 1926 г. состоялись известные дебаты в палате общин, в ходе которых Болдуин заявил, что тред-юнионы намерены посягнуть на стабильность и основы демократии в стране⁴⁶.

Стачка началась на следующий день, 4 мая. Можно строить разные предположения о том, чем могли бы обернуться события, если бы во главе правительства в те дни находился более «темперamentный» по характеру премьер-министр. Лидер консерваторов демонстративно сохранял хладнокровие. По мнению ряда современников, Болдуин образца 1926 г. поднялся на столь высокий моральный пьедестал, взойти на который дважды было уже невозможно. «Он мог сделать все, что угодно, — писал Янг. — Он не стал делать ничего». Много позже в беседе со своим биографом Болдуин признавался, что, с его точки зрения, самый умный поступок, который он совершил в те дни, состоял в том, что ему удалось «загнать в угол» Черчилля, поручив ему редактировать «Бритиш Гэзетт»⁴⁷. В период стачки прекратило выход большинство общенациональных ежедневных газет. Однако правительство и Британский Конгресс тред-юнионов наладили выпуск двух новых чрезвычайных изданий — «Бритиш Гэзетт» и «Бритиш Уоркер» соответственно. Таким образом, один из самых заметных антагонистов британских профсоюзов и лейбористской партии Черчилль был полностью занят в майские дни правительственной газетой, что не позволило ему направить свою кипучую энергию на прямое противостояние с «врагом».

По мнению Дженкинса, главная роль Болдуина в тот отрезок времени состояла в том, что он пытался как мог поддерживать страну и коллег в состоянии спокойствия. Болдуин не закрыл типографию «Дейли Геральд», несмотря на совет Министерства внутренних дел⁴⁸. В дни всеобщей стачки Болдуин выступал по радио. Некоторые британские авторы отмечают, что своими успокоительными речами, аргументами в пользу сохранения силы духа и терпения, Болдуин внес немалую лепту в то, что конфликт закончился относительно быстро и, по сути, бесславно для шахтеров.

«Я за мир. Я страстно желаю, добиваюсь и молюсь о мире, — говорил Болдуин в радиообращении 8 мая. — Но я не позволю посягнуть на неприкосновенность и надежность британской конституции»⁴⁹. Премьер был тверд, но эта твердость не переходила во враждебность. Учитывая, что забастовщики, с точки зрения премьер-министра, все же поставили себя вне закона, он категорически не готов был вступать с ними в какие-либо переговоры до полной «сдачи оружия».

Всеобщая стачка, завершившаяся 12 мая, изначально была обречена на поражение, несмотря на то, что шахтеры в одиночку продолжали бастовать до осени 1926 года. В майские дни профсоюзы подошли к той опасной грани, которую они переступать не собирались, и стоять на которой было крайне неустойчиво. К тому же, несмотря на недолгое воодушевление в рядах тред-юнионов, общественное мнение в целом не было на стороне бастующих. Сам Болдуин, как справедливо писал Дженкинс, был тверд и спокоен во время стачки, а когда она завершилась, не пытался унижить побежденных⁵⁰. Не наша задача — торжествовать победу над теми, кто потерпел поражение в ошибочной борьбе, заявил Болдуин по радио 12 мая 1926 года⁵¹. Для него самого события 1926 г. не прошли бесследно. Во-первых, по свидетельству биографов, несмотря на показное спокойствие, это ударило по его здоровью, во-вторых, по «новому консерватизму». Обра-

зу консерваторов как непредвзятого правительства, несмотря на все старания премьер-министра, был нанесен ущерб.

Летом 1926 г. был принят закон об отмене 7-часового рабочего дня в угольной промышленности, введенного в 1919 году. Через год консерваторы одобрили репрессивный закон о промышленных конфликтах и тред-юнионах. Во-первых, он запрещал стачки солидарности. Таким образом, всеобщая стачка, подобная событиям 1926 г., законодательно становилась невозможной. Во-вторых, накладывал запрет на массовое пикетирование. В-третьих, был нанесен удар по финансовым позициям лейбористской партии, поскольку затруднял процесс создания тред-юнионами денежных фондов, предназначенных для политических целей.

Консервативная партия проиграла парламентские выборы в мае 1929 года. Однако избирательная кампания в полной мере отразила особенности мировоззрения Болдуина тех лет. Прежде всего, для него была характерна сдержанная снисходительность по отношению к лейбористам. Эволюция лейбористской партии вправо после спада «боевых настроений» периода всеобщей стачки не ускользнула от внимательного премьер-министра. «...мы все трем глаза и спрашиваем себя: “Неужели это те же самые люди, которые проповедовали пламенную пропаганду на предыдущих выборах?”» — с иронией говорил Болдуин в ходе кампании 1929 года ⁵².

Во-вторых, Болдуин выступил с ожесточенной критикой в адрес либеральной партии. В конце 1920-х гг. была предпринята попытка возродить либералов под единоличным руководством Ллойд Джорджа. На выборах 1929 г. партия выдвинула достаточно смелую и радикальную экономическую программу по борьбе с безработицей. Она была подготовлена при участии известного экономиста Дж. М. Кейнса и предусматривала значительные расходы на организацию беспрецедентных по масштабу для Англии общественных работ. На этом фоне Болдуин по-прежнему был верен одному из важнейших компонентов своего «нового консерватизма» — стремлению выбросить либералов во главе с Ллойд Джорджем за борт политической жизни и вернуться к привычной для Англии двухпартийной системе. Не случайно известный британский историк К. Морган отмечал, что в конце 1920-х гг. складывалось ощущение, что лидер лейбористской партии Макдональд и Болдуин вели полемику не столько друг с другом, сколько «совместно против великого лидера времен войны» ⁵³.

Тем не менее, Болдуин не смог предложить на выборах 1929 г. убедительной программы решения проблемы вялого развития английской экономики и миллионной армии безработных. «Эксперимент» с протекционизмом образца 1923 г. еще не был стерт из памяти. В результате Болдуин вывел свою партию на выборы под мало воодушевляющим лозунгом «Безопасность прежде всего». Это «предостережение всем, кто собирается переходить дорогу в опасном месте..., — объяснял он. — Страна сейчас находится в подобной ситуации... в такой момент... будет разумным предостеречь страну: “Подумай, куда ты идешь — самое главное безопасность”» ⁵⁴. «Безопасность» образца 1929 г., с точки зрения Болдуина, это была стабильная консервативная администрация на следующие пять лет.

Однако британский электорат рассудил иначе. Эволюция лейбористской партии вправо и активная работа в предыдущие годы в избирательных округах принесла свои плоды. По итогам выборов 1929 г. было сформировано второе лейбористское правительство Макдональда, впервые в истории располагавшее относительным, но пока еще не абсолютным парламентским большинством. Свою роль в поражении консерваторов, бесспорно, сыграла и активизация либералов, перетянувших к себе в беспрецедентном количестве трехпартийных избирательных округов часть умеренного электората, который при иных обстоятельствах мог бы проголосовать за тори и закрыть лейбористам дорогу к власти.

По аналогии с 1924 г. Болдуин вновь старался выдерживать по отношению ко второму лейбористскому кабинету тактику «мягкого критика». В результате, как справедливо отмечает Дженкинс, правительство Макдональда, несмотря на свои промахи, чудесным образом не подвергалось сильным и непрерывным нападкам со стороны своего главного оппонента⁵⁵. Причины были в следующем. Во-первых, в отличие от некоторых своих коллег по партии, Болдуин никогда не испытывал к лейбористам неприязни. Во-вторых, по мнению Дженкинса, он серьезно опасался, что непрекращающиеся нападки на слабое правительство Макдональда могли подрывать его авторитет в глазах иностранных государств и ударить по престижу Великобритании в целом. В-третьих, представляется, что Болдуин никогда не был слепо одержим властью (последующие события 1930-х гг. станут тому подтверждением). Поэтому желание поскорее сбросить лейбористское правительство во главе с Макдональдом любой ценой не было ему свойственно ни в 1924, ни в 1929 году.

Возникает еще один вопрос, стоял ли в консервативной партии после болезненного поражения на выборах 1929 г. вопрос о смене лидера вообще? Болдуин был человеком неконфликтным, однако недоброжелатели у него имелись. Среди самых известных и влиятельных был медиамагнат лорд Ротермер, не гнушавшийся в контролируемых им изданиях резкими нападками на Болдуина. Из политиков реальной альтернативой Болдуину в те годы мог стать Чемберлен, однако последний, несмотря на соблазн, так и не решился на «дворцовый переворот».

Среди проблем, будораживших находившуюся в оппозиции консервативную партию и ставших для Болдуина серьезным испытанием на рубеже 1920-х — 1930-х гг., следует выделить вопрос о предоставлении Индии статуса доминиона. Вице-король Индии лорд Ирвин, друг Болдуина, объявил осенью 1929 г. от имени правительства о том, что оно поддерживает именно такой сценарий развития событий⁵⁶. Сам Болдуин в принципе разделял эту идею. В 1930 г. был опубликован доклад комиссии Саймона, назначенной еще в конце 1920-х гг. для изучения ситуации в Индии. Он также предусматривал заметные уступки со стороны британской администрации по отношению к индийскому населению. Тем не менее, с точки зрения многих тори, подобная политика была чревата потерей «жемчужины» британской короны. Наиболее рьяным антагонистом Болдуина в этом вопросе выступал бывший министр финансов Черчилль.

В марте 1931 г. был заключен Делийский пакт между лордом Ирвином и одним из руководителей движения за независимость Ин-

дии М. Ганди, предусматривавший как приостановление кампании «гражданского неповиновения» в Индии, так и уступки с британской стороны (прекращение репрессий, амнистию политических заключенных и ряд др. мер)⁵⁷. Позицию Болдуина в защиту пакта передают слова, сказанные им в том же месяце в палате общин: «Не меняющийся Восток уже изменился... Он меняется с пугающей быстротой, многие люди в этой стране слепы и не видят этого... конечный результат будет зависеть не от силы, а должен строиться на доброй воле, симпатии и понимании»⁵⁸. В конечном итоге в 1935 г. Индии была дарована Конституция, по которой центральная власть сохранялась в руках вице-короля. Однако были расширены права индийцев в сфере местного управления.

Раскол второго лейбористского кабинета Макдональда в августе 1931 г. позволил Болдуину и его партии вновь приобщиться к власти. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. стал серьезным испытанием для всех крупнейших западных стран. К концу 1930 г. уровень безработицы в Великобритании достиг двух с половиной млн человек⁵⁹. В июле 1931 г. был обнародован доклад комиссии Дж. Мэя, назначенной еще весной для изучения экономической ситуации. Суть его состояла в том, что Англия находилась на грани финансового краха. С целью покрытия бюджетного дефицита комиссия рекомендовала правительству резкое снижение социальных расходов.

В итоге 23 августа 1931 г. на голосование лейбористского кабинета был поставлен принципиальный вопрос о сокращении на 10% пособий безработным, верному лейбористскому электорату. В своем решении, за или против, кабинет раскололся фактически надвое. В этих условиях отставка лейбористов стала фактически неизбежной. На следующий день, 24 августа, был запланирован визит Макдональда к королю Георгу V с соответствующим прошением. Однако ход событий оказался направлен в иное русло. 24 августа Макдональд поддался уговорам короля и изъявил желание остаться на посту премьера нового, так называемого «национального правительства», с участием, главным образом, консерваторов, а также нескольких лейбористов и либералов.

В августовские дни, предшествовавшие падению кабинета Макдональда, Болдуин в основном находился на отдыхе и, в отличие от Чемберлена, не был активным участником межпартийных консультаций о выходе из экономического тупика. 13 августа 1931 г. Болдуин прибыл в Лондон, встречался с представителями своей партии, группой банкиров, а также с Макдональдом и лейбористским министром финансов Ф. Сноуденом. По свидетельству Чемберлена, во время разговора с лейбористами Болдуин вел себя как человек, желавший быстрее улизнуть, пока его «во что-то не втянули»⁶⁰. В тот же вечер лидер консерваторов покинул Англию и вернулся на континент.

Он вновь прибыл в Лондон лишь 22 августа, как раз накануне раскола лейбористского кабинета. Эта информация позволяет предположить, что Болдуин по меньшей мере не был «архитектором» «национального правительства». Современник событий лорд Дэвидсон отмечал, что в 22 августа Болдуин по-прежнему без энтузиазма относился к идее возможного антикризисного коалиционного правительства. Он разрушил одну коалицию в 1922 г. и не желал создавать новую, вспоминал Дэвидсон⁶¹.

Ситуация оставалась неопределенной. 23 августа вечером Макдональд виделся с представителями консервативной и либеральной партий на Даунинг-стрит, в том числе и с Болдуином. По свидетельству Дэвидсона, Макдональд намеревался уйти в отставку. Чемберлен, напротив, отстаивал идею создания совместного правительства. Болдуин покинул совещание, будучи уверенным, что правительство придется формировать ему. Об этом же сам Болдуин сообщал в письме жене на следующий день ⁶².

Тем не менее, 24 августа Макдональд не решился покинуть «тонущий корабль». В итоге после аудиенции у Георга V представители консервативной и либеральной партий обсудили с оставшимся на своем посту премьер-министром дележ министерских портфелей. Болдуин, лидер тори, теперь явно доминировавших в «национальном правительстве», занял лишь пост лорда-председателя Совета.

Как он отнесся к такому повороту судьбы? Герой этого очерка не оставил воспоминаний, поэтому о его истинных ощущениях можно лишь догадываться. С одной стороны, Макдональд, популярный среди рабочих, был для консерваторов в тот момент удобной «витриной», учитывая, что новому правительству предстояло осуществлять жесткие меры экономии, на которые не решились лейбористы. С другой стороны, Болдуин формально оказался «второй скрипкой». Представляется, что для него это не стало трагедией. В противном случае он бы попытался избавиться от Макдональда как можно быстрее и не ждал до 1935 г., когда тот вынужденно ушел в отставку по состоянию здоровья.

Возникает другой вопрос, как Болдуин, своими руками разрушивший коалицию с Ллойд Джорджем в 1922 г., спустя менее 10 лет решился фактически на новую? В отличие от послевоенной ситуации с Ллойд Джорджем, «национальные правительства» 1930-х гг. во главе с Макдональдом не представляли угрозы для единства консервативной партии. Болдуин это прекрасно понимал.

После досрочных выборов, состоявшихся 27 октября 1931 г. и принесших победу «национальному правительству» в котором, по сути, преобладала консервативная партия, Великобритания постепенно перешла к давно пропагандируемому Болдуином протекционизму. Вначале ввозные пошлины были введены в отношении отдельных товаров. В феврале 1932 г. протекционистские меры были распространены практически на весь ассортимент ввозимой продукции. Наконец по итогам работы Оттавской конференции летом 1932 г., на которой британскую делегацию возглавлял Болдуин, от внешней конкуренции был в значительной мере огражден весь рынок Британской империи. Решения Оттавской конференции вынудили часть членов «национального правительства», убежденных сторонников свободы торговли, уйти в отставку. После этого доминирование консерваторов во главе с Болдуином в коалиции еще более усилилось.

В последние годы своего премьерства Макдональд был лишь бледной тенью себя самого. У него заметно ухудшилось зрение, память, оказалось утрачено ораторское мастерство. Болдуин, будучи практически его ровесником, подобных проблем не испытывал. В июне 1935 г., незадолго до следующих парламентских выборов, Макдональд нако-

нец подал в отставку. Спустя шесть лет Болдуин вновь занят кресло премьер-министра.

В конце своей политической карьеры Болдуин оказался лицом к лицу с фашизмом и угрозой войны. Приход Гитлера к власти в Германии, укрепление режима Муссолини в Италии представляли очевидную опасность для западных демократий. Нужно признать, что Болдуин в 1930-е гг. не проявил дальновидности, которой можно было бы ожидать от политика с его опытом. Пожалуй, в течение жизни он слишком много мечтал и говорил о спокойствии и мире для своей страны. Именно Болдуин еще в 1925 г. произнес в парламенте символические слова: «Господь, дай мир нашему времени»⁶³.

Болдуин никогда не был одержим Лигой Наций. Тем не менее, он принадлежал к поколению людей, переживших ужасы первой мировой войны. Он боялся войны и не желал начинать новую или делать что-либо, что могло бы ее подтолкнуть. Например, еще будучи лордом-председателем Совета, в ноябре 1934 г. он убеждал палату общин в том, что реальная авиа мощь Германии не достигает и половины мощи Англии в Европе, и беспокоиться, по сути, не о чем⁶⁴.

Ярым антагонистом подобной линии поведения в те годы был Черчилль, своими выступлениями в парламенте и в прессе пытавшийся взорвать общественное мнение и заставить осознать необходимость скорейшего перевооружения. В частной переписке Болдуин замечал, что Уинстон быстро переключился с Индии на ВВС⁶⁵. В мае 1935 г. он сам признался в парламенте, что был неправ в своей прошлогодней ноябрьской оценке перспектив наращивания германской военной мощи⁶⁶. В целом в середине 1930-х гг. британская политическая элита начала осознавать, что вопрос безопасности страны в ближайшие годы будет напрямую зависеть от ее обороноспособности. С 1934 г. началось постепенное увеличение военной авиации. С 1936 г. — модернизация сухопутных сил.

Как отмечает Дженкинс, Болдуин в тот период пытался разыграть сразу две карты — «карту мира» и «карту умеренного перевооружения»⁶⁷. Это делалось для того, чтобы не расколоть консервативную партию, в рядах которой имелись сторонники как первой, так и второй позиции, и угодить обеспокоенному нацистской угрозой, но одновременно боявшемуся войны британскому избирателю. Тем не менее, именно Болдуина и Макдональда имел в виду Черчилль, вспоминая после войны о политических руководителях середины 1930-х гг., «оказавшихся не на высоте своего долга» в решении вопроса о скорейшем перевооружении Великобритании⁶⁸.

В ноябре 1935 г. состоялись всеобщие выборы, на которых консервативные кандидаты одержали убедительную победу, однако вывеска «национального правительства» во главе с Болдуином была по-прежнему сохранена. Казалось бы, премьер-министр мог наслаждаться успехом своей партии. Это были его десятые парламентские выборы и пятые в роли лидера тори. Но через месяц после избирательной кампании репутация премьер-министра упала, пожалуй, до самой низкой точки за всю его карьеру. В октябре 1935 г. Муссолини напал на Эфиопию. Лига Наций осудила Италию и объявила ее страной агрессором. Однако тайно английская и французская дипломатии решили выступить в роли посредников в урегулировании конфликта путем

отторжения от Эфиопии части ее территории в пользу фашистского государства. 8 декабря 1935 г. был заключен так называемый пакт Лавала-Хора. Последний был министром иностранных дел в правительстве Болдуина. Информация о тайном посредничестве в таком сомнительном деле, как раздел Эфиопии, просочилась во французскую прессу на следующий день. Разразился скандал. По сути, с иронией писал Дженкинс, премьер-министр в конце 1935 г. расплатился сполна за пренебрежение вопросами внешней политики и за то, что фактически полностью отдавал в течение многих лет эту сферу на откуп сотрудникам Форин-офис ⁶⁹.

С. Хор отбыл в Париж 6 декабря 1935 г., получив от премьер-министра лишь крайне общие наставления и не имея четкого поручения вести переговоры о заключении такого пакта. Сам Хор впоследствии отмечал в своих воспоминаниях, что ему следовало настоять на созыве специального заседания кабинета перед отъездом в Париж с тем, чтобы четко определить, «насколько далеко» он мог зайти в переговорах с Лавалем по поводу Абиссинского кризиса ⁷⁰. Более того, поведение Хора после заключения пакта было довольно фривольным. Когда Э. Иден по просьбе Болдуина позвонил Хору в Париж 8 декабря вечером, тот отдыхал и был недоступен ⁷¹. Однако в последующие дни Болдуин не считал нужным осудить Хора. 10 декабря в палате общин премьер-министр публично выступил в защиту пакта ⁷². По признанию многих, это была одна из его худших речей.

Лишь 16 декабря 1935 г. Хор вернулся в Лондон из Швейцарии, где умудрился сломать нос. На 19 декабря было запланировано его выступление в парламенте с объяснениями. Учитывая разгоревшуюся шумиху, члены правительства стали требовать от премьер-министра немедленной отставки Хора. Глава Форин-офис был ставленником Болдуина и, по всей вероятности, расстаться с Хором последнему было нелегко. Министр иностранных дел вспоминал, что Болдуин лично не говорил с ним о возможной отставке ⁷³. Тем не менее, немедленный уход Хора из правительства стал логическим завершением разгоревшегося международного скандала.

Болдуин в самом деле, как и многие его современники, не осознавал в середине 1930-х гг. в полной мере угрозу, исходившую от фашизма. В период его премьерства (в июне 1935 г.) было заключено англо-германское морское соглашение, фактически легализовавшее выход нацистской Германии за рамки военных постановлений Версальского договора. Несмотря на Локарнские договоренности, Великобритания не воспрепятствовала вводу немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону в марте 1936 года. Однако, вопреки неоднократным предложениям, Болдуин категорически не хотел встречаться с Гитлером в 1930-е гг., что говорит в его пользу. Биограф Болдуина Х.М. Хайд приводит слова своего героя, сказанные им в последние годы премьерства: «Если в Европе будет война, я бы предпочел, чтобы это было сражение большевиков с нацистами» ⁷⁴. В этом пожелании Болдуин не был оригинален.

20 января 1936 г. скончался король Георг V, правивший с 1910 года. Последовавший за этим «дворцовый кризис» стал последним значимым событием, в котором Болдуин сумел проявить свои лучшие качества — уравновешенность, умение тактично убеждать, избе-

гать открытой конфронтации. Сложность состояла в том, что наследник престола принц Эдуард намерен был связать себя узами брака с американкой У. Симпсон, в то время еще не разведенной со своим вторым мужем. К тому же новый монарх не проявлял интереса к государственным делам и мог создать в ближайшее время немало проблем кабинету министров, привыкшему за многие годы к спокойному и рассудительному королю в лице его отца.

Несмотря на то, что британская пресса традиционно с уважением относилась к институту монархии и не публиковала порочащую ее информацию, благодаря американским и континентальным изданиям британцам постепенно открылся неприглядный облик нового суверена. Страсти накалились осенью 1936 г., после публикации совместных фотографий Эдуарда и Симпсон во время летнего отдыха. Второй развод возлюбленной короля также был не за горами, и Эдуард надеялся, что его смогут короновать вместе с супругой. По мнению Дженкинса, для Болдуина «дворцовый кризис» явился хорошим предложением, чтобы позволить себе на время отвлечься от неприятных проблем перевооружения, фашистского мятежа в Испании, отношений с нацистской Германией и полностью отдаться делу спасения авторитета монархии ⁷⁵.

После возвращения из летнего отпуска Болдуин собрал у себя представителей аристократии и нового личного секретаря короля. На совещании единодушно было решено, что королю не должно быть позволено вести себя как прежде. 20 октября 1936 г. Болдуин встретился с Эдуардом и имел непростой разговор, в котором тактично настаивал на том, что авторитет монархии должен быть восстановлен образцовым поведением короля. На основании отчета самого Болдуина об этих событиях в палате общин, складывается ощущение, что в то время он еще надеялся, что конфликт удастся уладить, и Эдуарда сможет взойти на трон без Симпсон ⁷⁶.

Вторая встреча короля с Болдуином состоялась примерно через месяц, 16 ноября 1936 года. На ней монарх поднял волновавший его вопрос о женитьбе. На что Болдуин деликатно, но твердо ответил, что для страны это неприемлемо. Тогда же король впервые объявил премьер-министру, что готов отказаться от престола ради брака. 25 ноября прошла третья встреча короля и премьер-министра. На ней обсуждалась возможность морганатического брака ⁷⁷. Однако и Болдуин, и кабинет министров были категорически против. Следует отметить, что в тот период весьма активную позицию занимали сторонники короля в рядах консерваторов во главе с Черчиллем, что, без сомнения, осложняло осуществляемую Болдуином комбинацию.

Наконец 10 декабря 1936 г. в палате общин премьер-министр зачитал отречение короля, а также посвятил всех собравшихся в предысторию событий и детали его непростых аудиенций у Эдуарда в предшествующие недели. Его выступление завершалось словами: «Я убежден, там, где я потерпел неудачу, никому не удалось бы достичь успеха» ⁷⁸. 10 декабря стал днем личного триумфа Болдуина, по признанию биографов, последнего в его политической карьере. Он искусно разрешил «дворцовый кризис», не перешагнув грань уважения к монарху, но постепенно вынудив его самого принять решение об отречении, и избавил Англию от «неудобного короля». На престол

взошел младший брат Эдуарда Альберт, благополучно царствовавший под именем Георга VI вплоть до 1952 года.

Будь на месте Болдуина все еще Макдональд, с иронией пишет Дженкинс, он бы «запутался в собственном красноречии» и не решил бы проблему. Если бы премьером был уже Чемберлен, он бы настроил против себя общественное мнение, обращаясь с королем, как с нерадивым клерком. Если бы лейбористская партия вдруг победила бы на выборах 1935 г., ее лидер К. Эттли, скорее всего, попытался бы выдержать линию Болдуина, но в те годы ему не хватило бы уверенности. Наконец, если бы Черчилль невероятным образом в 1936 г. находился у власти, он бы просто все испортил ⁷⁹. Болдуин оказался нужным человеком в нужное время.

В мае 1937 г., спустя две недели после коронации Георга VI, премьер-министр подал в отставку. Обстоятельства не вынуждали Болдуина сделать это немедленно. В частной переписке он отмечал несколькими годами ранее, что премьер-министру не должно быть больше 70 лет ⁸⁰. Болдуину было уже 69. Он ушел спокойно, заранее подготовившись к этому событию. Его преемником стал один из самых непопулярных британских премьеров XX в. Чемберлен, в те годы еще пользовавшийся уважением соотечественников. Болдуин был удостоен графского титула и отправился заседать в палату лордов.

Болдуин приветствовал Мюнхенскую политику умиротворения и 30 сентября 1938 г. отправил Чемберлену поздравительное письмо. Впервые выступая в палате лордов 4 октября 1938 г., он отметил, что на прошлой неделе «все народы Европы заглянули в вулкан», и похвалил премьер-министра за активность и упорство ⁸¹. Впрочем, биограф Болдуина Дженкинс считает, что герою этого очерка все же не была свойственна та самоуверенность, с которой Чемберлен проводил политику умиротворения. Нет никаких оснований полагать, пишет он, что Болдуин на месте Чемберлена в 1938 г. стал бы сражаться за Чехословакию. Однако Болдуин никогда в жизни не сел бы в маленький самолет и не полетел бы в сентябре 1938 г. на переговоры с Гитлером ⁸².

Непосредственно накануне второй мировой войны Болдуин второй раз в жизни посетил Канаду и США ⁸³. Он приветствовал формирование коалиционного правительства Черчилля в мае 1940 года. Тем не менее, именно Болдуин после смерти Чемберлена в ноябре того же года стал считаться в глазах общественного мнения чуть ли ни главным оставшимся в живых виновником того, что Англия затянула с подготовкой к войне. На этом фоне к концу жизни он в значительной мере растерял то уважение британцев, которым пользовался на момент своей отставки. Люси Болдуин скончалась в 1945 году. Стэнли Болдуин умер во сне 14 декабря 1947 г. в своем доме.

Современники обращали внимание на то, что Болдуину не был свойственен магнетизм Gladstone, язвительное остроумие Солсбери, утонченность Бальфура. Он стремился быть обыкновенным человеком. Однако, как справедливо отмечал его биограф Сид, ни один «простой человек» не задерживался на Даунинг-стрит, 10 надолго. Профсоюзный функционер Дж. Томас подчеркивал, что Болдуин был личностью проницательной, умевшей управлять своей партией ⁸⁴.

Тем не менее, про Болдуина говорили, что он так до конца и не осознал всю низость человеческой природы. Янг вспоминал, что, раз-

говаривая с Болдуином на склоне его лет о прошлых событиях, не мог отделаться от ощущения, что тот не хочет задним числом ни думать, ни говорить ни о ком плохо⁸⁵. Болдуин ни в коей мере не был наивен, скорее достаточно мудр, чтобы никого не осуждать. Без сомнения, он был лидером мирной Англии, но неприемлемым на посту руководителя воюющей страны. Он не мог долго находиться в состоянии напряжения и не получал от этого никакого удовольствия.

Более того, среди британских премьер-министров первой половины XX в. были те, кто, по всей видимости, сумел бы адаптироваться и к XXI веку. Болдуин к их числу не принадлежал. Он был человеком с позиции сегодняшнего дня несколько старомодным, деликатным, в какой-то мере сентиментальным. В своих публичных речах он был готов с упоением говорить о пейзажах «туманного Альбиона», английской природе. Из его уст это звучало естественно и непринужденно. Однако сегодня едва ли кто-либо из современных политиков высшего ранга стал бы тратить на это время.

Следует отметить, что в течение жизни Болдуин умел проявлять завидную гибкость, свойственную лучшим представителям партии тори. Он был одним из первых в рядах консерваторов, кто прекрасно осознал изменившуюся обстановку в стране после избирательной реформы 1918 г., даровавшей Англии практически всеобщее избирательное право. Попытки посредством «нового консерватизма» адаптировать партию консерваторов к новым условиям борьбы за массовый электорат в целом были достаточно своевременны и успешны, несмотря на события 1926 года. После раскола либералов в 1916 г. Болдуин свято заботился о единстве и сплочении своей партии. Отсюда и стремление не допустить широкомасштабных внутрипартийных дебатов по вопросу перевооружения в 1930-е гг., и желание по возможности «замять вопрос».

Тем не менее, сильная и влиятельная консервативная партия, руководимая Болдуином, неизменно обеспечивавшая победу «национальных правительств» на выборах 1931 и 1935 гг., явилась залогом политической стабильности Великобритании в предвоенное десятилетие. На фоне поляризации общества, страстей, кипевших в те годы в таких странах, как Франция, Испания, английская лодка крепко держалась на волнах. Несмотря на затягивание с перевооружением, это стало одним из факторов, позволивших стране и экономике в конечном счете пережить войну. Доля заслуги в этом принадлежала и Болдуину. По свидетельству Янга, сам Болдуин своим главным достижением считал именно то, что сумел сохранить своего рода «единство нации» перед лицом всех вызовов предвоенного десятилетия.

Примечания

1. WHYTE A.G. Stanley Baldwin. A Biographical Character Study. L. 1926; STEED W. The Real Stanley Baldwin. L. 1930; BRYANT A. Stanley Baldwin. L. 1937.
2. YOUNG G.M. Stanley Baldwin. L. 1952; BALDWIN A.W. My Father: The True Story. L. 1955; The Baldwin Age. L. 1960.
3. MIDDLEMAS K., BARNES J. Baldwin. L. 1969; HYDE H.M. Baldwin: The Unexpected Prime Minister. L. 1973; YOUNG K. Stanley Baldwin. L. 1976; RAMSDEN J. The Age of Balfour and Baldwin, 1902—1940. L.-N.Y. 1978; JENKINS R. Baldwin. L. 1988;

- BALL S. Baldwin and the Conservative Party: The Crisis of 1929—1931. L.-New Haven. 1988; WILLIAMSON P. Stanley Baldwin: Conservative Leadership and National Values. Cambridge. 1999; PERKINS A. Baldwin. L. 2006.
4. АЛПАТОВА Г.М. «Новый консерватизм» Стэнли Болдуина. В кн.: Консерватизм: идеи и люди. Пермь. 1998; АБОЛМАСОВ В.В. Стэнли Болдуин и программа «нового консерватизма». — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, № 1 (27), ч. I.
 5. Baldwin Papers: A Conservative Statesman, 1908—1947. Cambridge. 2004.
 6. JONES T. Whitehall Diary. Vol. I. L. 1969, p. 255.
 7. YOUNG G.M. Op. cit., p. 23.
 8. Ibid., p. 24.
 9. STEED W. Op. cit., p. 17.
 10. YOUNG G.M. Op. cit., p. 27.
 11. JENKINS R. Op. cit., p. 47.
 12. YOUNG G.M. Op. cit., p. 29.
 13. JENKINS R. Op. cit., p. 50. См. также: HYDE H.M. Op. cit., p. 103—104. «К» — аббревиатура слова «козел», которым за глаза многие в правительстве называли Ллойд Джорджа.
 14. YOUNG G.M. Op. cit., p. 41—42.
 15. BALL S. The Conservative Party and the British Politics, 1902—1951. L.-N.Y. 2013, p. 68.
 16. JENKINS R. Op. cit., p. 54—55.
 17. О Керзоне подробнее см.: СЕРГЕЕВ Е.Ю. Джордж Натаниэль Керзон — последний рыцарь Британской империи. М. 2015.
 18. YOUNG G.M. Op. cit., p. 52.
 19. JAMES R. Memoirs of a Conservative. J.C.C. Davidson's Memoirs and Papers 1910—1937. L. 1969, p. 152; MIDDLEMAS K., BARNES J. Op. cit., p. 169; Baldwin Papers, p. 84.
 20. BALDWIN S. Our Inheritance. Speeches and Addresses. L. 1928, p. 307.
 21. JENKINS R. Op. cit., p. 64.
 22. Ibid., p. 66.
 23. Times. 26.X.1923.
 24. POWELL D. British Politics, 1920—1935. The Crisis of the Party System. L.-N.Y. 2004, p. 122.
 25. JONES T. Op. cit., vol. I, p. 260.
 26. British General Election Manifestos 1918—1966. Chichester. 1970, p. 18.
 27. Baldwin Papers, p. 141.
 28. Times. 12.II.1924; MIDDLEMAS K., BARNES J. Op. cit., p. 261—262.
 29. YOUNG G.M. Op. cit., p. 75.
 30. JENKINS R. Op. cit., p. 80.
 31. RAMSDEN J. Op. cit., p. 211.
 32. BALDWIN S. On England and Other Addresses. L. 1926, p. 66—68.
 33. См., например: Times. 14.VI, 3.X.1924.
 34. См., например: POWELL D. Op. cit., p. 144.
 35. BALDWIN S. On England and Other Addresses, p. 7.
 36. Ibid., p. 2—5; BALDWIN S. This Torch of Freedom. Speeches and Addresses. L. 1935, p. 12—14.
 37. YOUNG G.M. Op. cit., p. 144; WHYTE A.G. Op. cit., p. 129.
 38. Times. 3.X.1924. См. также: Times. 20.X.1924.
 39. Опубликованное в прессе письмо (вероятная фальшивка) включало в себя указания Коминтерна английской компартии относительно агитации в пользу англо-советского договора, а также возможного захвата власти в Англии.
 40. JENKINS R. Op. cit., p. 86.
 41. YOUNG G.M. Op. cit., p. 63.
 42. MOWATT C. Britain Between the Wars, 1918—1940. L. 1955, p. 339, 341; POWELL D. Op. cit., p. 145.
 43. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 195, col. 83.
 44. BALDWIN S. Our Inheritance. Speeches and Addresses, p. 213—214; YOUNG G.M. Op. cit., p. 99, 103.

45. Royal Commission of the Coal Industry (1925). Summary of Findings and Recommendations. In: ARNOT P. The General Strike May 1926: Its Origin and History. L. 1926, p. 96—101.
46. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 195, col. 70—71.
47. YOUNG G.M. Op. cit., p. 116, 122.
48. JENKINS R. Op. cit., p. 102.
49. Times. 10.V.1926.
50. JENKINS R. Op. cit., p. 18.
51. Times. 13.V.1926.
52. Ibid. 11.V.1929.
53. MORGAN K.O. The Age of Lloyd George. L. 1971, p. 101.
54. Times. 21.V.1929.
55. JENKINS R. Op. cit., p. 110.
56. Daily Herald. 1.XI. 1929.
57. VOHRA R. The Making of India. A Historical Survey. N.Y. 2001, p. 151.
58. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 249, col. 1426.
59. COLE G.D.H. A History of the Labour Party from 1914. N.Y. 1969, p. 234.
60. MACLEOD I. Neville Chamberlain. L. 1962, p. 149.
61. JAMES R. Op. cit., p. 368.
62. Ibid., p. 370; Baldwin Papers, p. 268.
63. BALDWIN S. On England and other Addresses, p. 52.
64. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 295, col. 882.
65. Baldwin Papers, p. 333.
66. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 302, col. 367.
67. JENKINS R. Op. cit., p. 137.
68. ЧЕРЧИЛЛЬ У. Вторая мировая война. Т. 1. М. 1997, с. 58.
69. JENKINS R. Op. cit., p. 140.
70. TEMPLEWOOD V. (HOARE S.J.G.) Nine Troubled Years. L. 1954, p. 178.
71. HYDE H.M. Op. cit., p. 404—405.
72. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 307, col. 856.
73. TEMPLEWOOD V. Op. cit., p. 185.
74. HYDE H.M. Op. cit., p. 444.
75. JENKINS R. Op. cit., p. 14, 147.
76. Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 318, col. 2179.
77. Ibid., col. 2180—2182.
78. Ibid., col. 2185. Об обстоятельствах отречения короля см. также: ОСТАПЕНКО Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М. 2014, с. 218—234.
79. JENKINS R. Op. cit., p. 158.
80. Baldwin Papers, p. 365.
81. Ibid., p. 457; Parliamentary Debates. House of Lords, vol. 110, col. 1390—1394.
82. JENKINS R. Op. cit., p. 23—24.
83. Первый раз Болдуин был в США в начале 1920-х годов.
84. STEED W. Op. cit., p. 11; THOMAS J.H. My Story. L. 1937, p. 230.
85. YOUNG G.M. Op. cit., p. 140.

Русское присутствие в Словении в 1910-е — 1930-е гг.

М.М. Керимова

Аннотация. В статье исследуется история возникновения русской диаспоры в Словении, ее социальный состав и союзы русских эмигрантов в Словении в пореволюционный период.

Ключевые слова: Словения, социальный состав русской диаспоры, союзы русской эмиграции в Словении

Abstract. The article investigates the history of the Russian diaspora in Slovenia, its social composition and the Union of Russian emigrants in Slovenia in the post-revolutionary period.

Keywords: Slovenia, social composition of the Russian Diaspora, the Unions of Russian emigration in Slovenia.

Проблема историко-культурного присутствия русских в Словении не получила освещения в российской историографии, хотя представляет несомненный интерес для историков и этнологов, изучающих мир русского зарубежья ¹.

Исторические и культурные связи России и Словении уходят своими корнями в далекое прошлое, в середину XVI столетия, когда словенец С. Герберштейн, посетив Московское княжество, представил в своих знаменитых «Записках о Московии» собственное восприятие России. Присутствие русской армии А.В. Суворова в словенских землях во время Наполеоновских войн, идеи славянской взаимности, охватившая словенское общество в период господства Габсбургской монархии в словенских землях Крайне, Штирии и Каринтии, разумеется, усилили интерес российского общества к этому региону. Интенсивность взаимосвязей между двумя странами возросла в последней четверти XVIII в., когда в словенских землях на-

Керимова Мариям Мустафаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: mkerimova@yandex.ru.

Kerimova Mariyam M. — Dr. of historical sciences, leading researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS. E-mail: mkerimova@yandex.ru.

чался процесс становления славянских наций. С этого же времени вырос интерес российских ученых — филологов, историков-славистов — к изучению словенского языка и культуры ². В среде словенской интеллигенции, в свою очередь, усилилось внимание к русской культуре. В ее глазах Россия XIX столетия олицетворяла самую могущественную славянскую державу. Русско-словенские научные и культурные контакты привлекли интерес русского общества к этому братскому народу, что впоследствии явилось стимулом для эмиграции в словенские земли.

Что же представляли собой словенские земли в тот период, когда туда начали приезжать беженцы из России? 1 декабря 1918 г. в результате объединения югославянских земель, принадлежавших распавшейся осенью 1918 г. Австро-Венгрии (Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Далмация, Воеводина) с королевствами Сербией и Черногорией, было образовано Королевство Сербии, Хорватии, Словении (СХС). В 1929 г. оно было переименовано в Югославию. Королевство СХС, будучи славянским государством со своей парламентской демократией, привлекала внимание эмигрантов с востока.

Первая большая волна эмиграции хлынула из России почти сразу после падения царской власти в феврале 1917 г. и последовавшей за ним гражданской войны. Предпочтение оказывалось славянским странам, как наиболее близким россиянам по языку и культуре. В течение первых послереволюционных месяцев Россию покинуло небольшое число ее граждан, подавляющая часть которых относилась к российской элите, приближенной к Николаю II. Это были представители высшей аристократии, крупные капиталисты, банкиры, землевладельцы, высшие государственные чиновники и другие представители элиты консервативного направления. Эмиграция 1910-х — 1930-х гг. имела отличительную особенность, состоящую в том, что 85—90% выехавших не вернулись на родину. Они, как правило, не интегрировались в общество страны проживания, были уверены в скором отъезде в родное отечество и стремились сохранять свой язык, культуру, традиции и бытовой уклад.

После заключения Брест-Литовского мирного договора между Германией и Россией (март 1918 г.) в российском обществе создалось кратковременное затишье, предоставившее возможность богатым эмигрантам без больших затруднений вывезти свое имущество за границу, в те страны, с которыми у них были налажены деловые или дипломатические связи. Позднее многие из эмигрантов, перебравшихся в Финляндию, Швецию, Норвегию, переместились в Париж, Берлин, Прагу, Белград, Софию. Большая масса первых эмигрантов осела в Константинополе, позднее — в Харбине.

Начавшаяся гражданская война существенно увеличила поток беженцев из России, особенно после поражения контрреволюционных военных формирований в период с мая 1919 по май 1923 года. К этой группе эмигрантов необходимо отнести еще и тех людей, которые покидали родину из-за страшного голода 1921 г., а также тех, которые были принудительно изгнаны советской властью в течение 1922—1923 годов ³.

Перед тем как первая волна послереволюционных беженцев устремилась в Королевство СХС, здесь уже находилось несколько тысяч

российских граждан — военнопленных с Галицийского фронта 1914—1918 гг., солдат с Салоникского фронта 1917—1918 гг., а также одиночек, покинувших Россию после 1914 года ⁴.

Несколько потоков российской белой эмиграции (с 1919 по 1921 г.) устремились на запад. Один из них направлялся из Санкт-Петербурга через прибалтийские порты в Германию, Скандинавию и Францию. Это были в основном русские военные формирования под командой Юденича. Из Архангельска под защитой англичан эвакуировались войска под командованием генерала Е.К. Миллера ⁵. Через Владивосток шла эвакуация войск адмирала А.В. Колчака. Основной поток переселения на Балканы шел через порты юга России — Новороссийск, Одессу, крымские порты (Севастополь, Ялту, Феодосию и Керчь), через которые эвакуировались остатки вооруженных формирований под командованием генералов П.Н. Врангеля и А.И. Деникина. Подавляющая часть офицеров и солдат этих армий, чиновников царского правительства, мирного населения, попавших первоначально в Константинополь, впоследствии переселилась в Королевство СХС, некоторые из них позднее переехали в другие страны.

По разным статистическим данным, общее количество беженцев, прибывших в Королевство СХС, варьировалось от 34 до 75 тыс. человек ⁶. Из-за переселения русских эмигрантов в другие страны их число к 1939 г. здесь снизилось и составляло 26 790 человек. Частичное сокращение числа русских эмигрантов происходило из-за принятия многими из них югославского гражданства, что приводило к выбыванию их из списков русских эмигрантов. К тому же в 1922 г. начался отток русских эмигрантов из СХС во Францию, Болгарию, Чехию, Северную и Южную Америку. В СССР, по данным Государственной комиссии, в 1923 г. вернулось лишь 100 человек ⁷.

Корабли с русскими эмигрантами прибывали в порты Дубровника, Сплита, Котора. Югославские власти предоставляли им финансовую и организационную помощь, что позволило организовать школы для русских детей, создать организацию для помощи беженцам под названием Русская колония. Среди городов СХС, принявших большое число русских эмигрантов, были Белград, Ниш, Скопье, Мостар, Осиек, Загреб, Любляна. Во всех этих городах функционировали отделения Русского Красного Креста, обеспечивавшие эмигрантам, прежде всего, медицинскую помощь. Всероссийский союз городов, Всероссийское объединение женщин и другие организации помогали русским беженцам в их трудоустройстве. Помимо разных министерств Королевства СХС, занимающихся делами русской эмиграции, существовали также Государственная комиссия по делам русских беженцев, Делегация по защите интересов русской эмиграции, Правительственный уполномоченный по размещению русских беженцев в Королевстве СХС. Все эти организации тесно контактировали между собой. Координация между ними осуществлялась благодаря Верховному главнокомандующему в рамках Русского общевойскового союза (РОВС). Действовали Архиерейский Синод Русской православной церкви за границей, существовала мощная образовательная система, широкая эмигрантская пресса, активно развивалась культурная деятельность русской эмиграции.

Социальный состав русских эмигрантов в СХС был очень сложным и включал представителей интеллигенции (ученые, художники, музыканты, учащиеся гимназий, студенты, священники), военных (генералы, высшие и низшие офицеры, солдаты), коммерсантов, предпринимателей, рабочих, крестьян, домохозяек.

Что касается социального состава русских эмигрантов в Словении, то подавляющую часть составляли военные (офицеры ⁸) и профессора. Например, в Люблянском университете перед второй мировой войной числилось 10 русских профессоров. Русские были представлены и в других профессиональных срезах словенского социума: ремесленники, врачи, деятели культуры (драматические актеры, артисты балета) и т.п.

Однозначных данных о количестве поселившихся в Словении русских беженцев нет. Численность русской диаспоры в стране на 31 января 1921 г. составляла 1630 чел., проживавших в Любляне, Птуе, Камнике, Целье, Мариборе, Радовлице, Кршко, Брезице, Коннице и Логатце ⁹. В 1921 г. в столице Словении Любляне их было около 600 человек. В период с 1922 по 1924 г. произошло увеличение численности эмигрантов благодаря прибытию офицеров и солдат Крымского и Донского кадетских корпусов и кубанских казаков. По переписи 1931 г. 1352 чел. заявило, что их родной язык — русский. В 1948 г. их было 796, а в 1953 г. — 593 человека ¹⁰.

Для того, чтобы выжить и обустроиться в новой для них среде, обеспечить будущее своим детям, эмигранты вынуждены были создавать различные объединения. Они играли интегрирующую роль, способствовали сохранению этнокультурной специфики русской общины, поддерживали и пропагандировали национальное наследие, культивирование этнических представлений и самоидентификации индивидов. Родной край, оставшийся далеко, всегда воспринимался русскими как духовная опора и объект идеальных переживаний ¹¹. Важным элементом стратегии сохранения и поддержания этнической идентичности русских в Словении было культивирование идеи сопричастности к национальным корням и историческим традициям своей родины.

Русские эмигранты в Королевстве СХС и, в частности, в Словении, были объединены в различные общественные, медицинские и военные организации: Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, Российское общество Красного Креста, Союз русских офицеров и т.д. Для согласования действий этих организаций были созданы Центральный Объединенный комитет, Русская колония, Русская Матица и другие объединения.

Общественная организация под названием Русская колония была основана в 1921 году. Она являлась самой большой по числу членов гуманитарной организацией в Королевстве СХС, основной целью которой была защита интересов русских граждан. Русская колония обеспечивала помощь русским эмигрантам (в основном гражданским лицам) в обустройстве, поиске работы, а также занималась сбором материальной помощи.

Нуждающимся выдавали продукты питания, подыскивали жилье, помогали в обучении детей, обеспечивали бесплатной медицинской помощью и т.д. Колония являлась основной институциональной

базой для организации культурно-образовательной деятельности. Русские колонии на территории Королевства СХС обеспечивали надзор и предоставляли информацию о положении эмигрантов одновременно югославянским властям и руководству делами самой русской эмиграции. Русская колония имела материальную поддержку от правительства СХС. До 1930 г. каждый русский эмигрант был обязан зарегистрироваться в органах Русской колонии¹². Впоследствии это требование было отменено. Отделения Русской колонии на всей территории Королевства СХС выполняли двойную функцию: они заботились о внутренних связях между русскими эмигрантами и информировали их о политике и решениях, принятых Государственной комиссией по делам русских беженцев и Министерством внутренних дел Королевства СХС.

Административная жизнь русских колоний основывалась на «Положении о колониях русских беженцев в Королевстве СХС», принятом 10 марта 1921 года. Был утвержден Устав колоний, согласно которому каждая колония (если в ней было не менее 25 человек) выбирала свой орган правления, в состав которого входил председатель и члены правления. Председатели колоний утверждались Центральным руководством колоний в Королевстве СХС, уполномоченным по делам русских беженцев, представителем Делегации по защите интересов русских эмигрантов. Колонии имели материальную поддержку правительства Королевства СХС, осуществлявшуюся через Державную (Государственную) комиссию в Белграде. Помимо этого колонии финансировались за счет членских взносов, средств полученных от продажи билетов на разные культурные мероприятия. Функции руководства состояли в представлении колонии перед Государственной комиссией, ведающей делами беженцев; в поддержании связей и сотрудничестве с местными органами власти; в регистрации беженцев; распределении месячных материальных пособий (в первые годы после иммиграции); в заботе об облегчении жизни русских; в выдаче соответствующих документов; в поддержании порядка среди беженцев¹³.

Отделения Русской колонии в Любляне и Мариборе были основаны в 1920—1921 гг., когда сюда прибыло более 600 русских эмигрантов. Люблянские городские власти предоставили им жилье в бараках вблизи железнодорожного вокзала на Масариковом шоссе. Эти бараки ранее предназначались для размещения австро-венгерских военных подразделений во время первой мировой войны. Условия проживания в бараках были чрезвычайно плохими. К 1927 г. часть эмигрантов переселилась в частные квартиры, часть уехала к родственникам в другие страны, остальные перебрались в люблянские ШентпETERские казармы, в которых условия были значительно лучше. Каждый эмигрант имел отапливаемую комнату с кухней, выходящие во внутренний двор с цветником. В казармах был лазарет, созданный Русским Красным Крестом и Союзом русских инвалидов, которым руководил профессор, преподаватель медицинского факультета Люблянского университета Е.И. Каннский, была организована общественная столовая. Русская колония проводила разные культурные мероприятия: новогодние елки, застолья на Пасху, балы и любительские спектакли в отеле «Тиволи». Таким образом, русская община в Словении стремилась обозначить свое присутствие в куль-

турном поле города соблюдением этнических традиций, балов, вечеров и т.п.

Руководителями Русской колонии в Любляне были А.В. Билимович, Е.В. Спекторский, А. Шенгелай ¹⁴, в Мариборе — Д. Знаменский ¹⁵.

Колонией была создана начальная гимназия для русских детей сначала в старом австрийском замке «Поновици» (вблизи Любляны), а затем в замке графа Герберштейна в Храставце около Марибора (Словенска Горица). Символичным было то, что граф являлся потомком того самого Сигизмунда Герберштейна, который в XVI в. впервые в своих сочинениях познакомил словенцев с Россией.

В 1932 г. большинство эмигрантов переселилось в бывший отель «Тиволи», другая часть — в деревню Иг вблизи Любляны. Здесь же расположились разные организации: Русский Красный Крест, Общество русских инвалидов, различные монархические организации, Русский Сокол, Скаутская молодежная организация и т.п.

В конце 1930-х гг. Русские колонии стали постепенно сворачивать свою деятельность. Это было связано, во-первых, с постепенной интеграцией русской эмиграции в новое общество, что повлияло на снижение необходимости объединения на этнической основе. Второй немаловажной причиной явилось то, что в адрес руководства колоний от эмигрантов поступали претензии, связанные с тем, что управление колоний было монополизировано ярыми монархистами, хотя с 1930-х гг. в рядах русской эмиграции стали превалировать либеральные политические настроения.

В 1942 г. ее статус полностью изменился. Она стала организацией, сотрудничавшей с фашистами, олицетворением борьбы с СССР и советским строем. После окончания второй мировой войны Русская колония в Словении прекратила свое существование, и ее собственность была передана Комиссии по управлению народным имуществом ФНРЮ ¹⁶.

Национально-культурное общество Русская Матица в Любляне было основано в 1924 году. Идея создания Русской Матицы в Любляне возникла на основе опыта других славянских Матиц: Польской, Сербской (в Будапеште), Чешской, Иллирийской (в Хорватии), Лужицко-Сербской, Галицко-Русской, Словацкой, Словенской, Далматинской, Русской. Отделения Русской Матицы были открыты в разных городах Королевства СХС.

Целью организации в Словении было: поддержание и развитие национального сознания среди русских людей, содействие народному просвещению и объединение русских на почве национальной культурной работы ¹⁷. Основателем и председателем Русской Матицы в Любляне был профессор политической экономии Люблянского университета А.Д. Билимович. С 1930 г. обязанности председателя Матицы временно исполнял профессор юридического факультета Люблянского университета А.В. Маклецов, а в 1931 г. ее председателем был избран профессор юридического факультета Е.В. Спекторский. В Правление Русской Матицы в Любляне также входили русские профессора Люблянского университета: Н.М. Бубнов, А.А. Копылов, А.В. Маклецов и др., а членами Правления были как русские, так и словенцы: Н.Я. Борисов, М.М. Воронов, В.Д. Никитина, С.Н. Кун, Т.М.

Енко. В Правление также входил председатель Союза русских студентов в Любляне И.В. Шарн. Филиалы Русской Матицы были открыты и в других городах Словении — Мариборе и Хрastовце. В 1929 г. правительством Королевства СХС был подписан указ о принятии Русской Матицы под покровительство короля СХС Александра I.

В Уставе, принятом Русской Матицей в Словении, отмечалось, что это контрреволюционная организация, поддерживающая антибольшевистские идеи и выступающая против СССР и советской власти¹⁸. По уставу, членами Матицы могли стать лица, достигшие 18 лет, обязанные платить членские взносы в размере 20 динар в год. Одной из главных задач организации было путем взаимообщения помогать своим членам, искать для них работу и предоставлять материальную поддержку¹⁹.

Основной целью Матицы была широкая культурно-образовательная деятельность. Русская Матица в Любляне имела богатейшую библиотеку с читальным залом и книжным магазином. В 1935 г в ней хранилось 3766 наименований книг, журналов и газет, а перед второй мировой войной их было уже 10 000. Библиотека снабжала книгами, газетами и журналам подписчиков, проживавших не только в Любляне, но иногда и в самых отдаленных местах Королевства СХС и на островах Адриатики. Богатейшим собранием этой библиотеки пользовались даже инструкторы IV штаба армии, расквартированного в Любляне во время второй мировой войны. После войны библиотека была передана Обществу культурного сотрудничества СССР и Словении.

Колоссальной была и лекционная деятельность Русской Матицы в Любляне. Публичные лекции на разные темы читали, например, приехавшие из других стран проф. И.А. Ильин («О русском национальном характере»), проф. А.А. Кизеветтер («О евразийстве»), академик П.В. Струве («Современный хозяйственный кризис и проблема населения»; «Русская самобытность как социологическая и историческая проблема»), проф. Л.Я. Таубер («Лига наций и правовое положение русских эмигрантов»), академик В.А. Францев («О поэзии А.С. Хомякова»), а также многие другие ученые и политические деятели.

Множество лекций прочитали жившие в Любляне профессора А.Б. Билимович («Десятилетие советской власти»), Е.И. Канский («О витаминах и их значении»), А.В. Маклецов («Проблема преступления в русской художественной литературе»), Е.В. Спекторский («Трагедия Л.Н. Толстого», «Тургенев, Толстой и Достоевский»), М.Н. Ясинский («Очерки по истории семьи и брака»). Организовывались специальные лекции к юбилеям И.А. Крылова, Ф.М. Достоевского И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Д.И. Менделеева. Публичные лекции были бесплатными и доступными для посещения всеми желающими — как русскими, так и словенцами. Помимо лекций устраивались литературные вечера, посвященные творчеству К.Д. Бальмонта, И.В. Северянина, Е.Н. Чирикова. Например, Северянин выступил в Любляне с чтением своих произведений. Русских писателей принимали известный словенский поэт О. Жупанчич, писатели И. Цанкар и И. Видмар. Публичные лекции были организованы также в Мариборе и Целье.

Начиная с 1925 г., Русская Матица в Любляне принимала деятельное участие в организации дней русской культуры.

Одной из неотложных задач Русской Матицы была забота о подрастающем поколении и борьба с денационализацией русской молодежи. С 1926 г. в Любляне действовала школа для русских детей. Русской Матицей был учрежден фонд помощи русской молодежи и объявлен литературный конкурс на лучшую повесть для русского юношества. В состав жюри вошли И.А. Бунин, Е.И. Спекторский, М.Н. Ясинский.

При Русской Матице в Любляне были основаны курсы русского языка для словенцев, стимулом для открытия которых послужили «Русские кружки», основанные Л. Енко по всей Словении еще в начале XX столетия. Поддержать эту традицию помогла супруга Енко — Т.М. Енко — председатель Русского Красного Креста в Любляне и член Русской Матицы. Ей помогали в этом начинании русские профессора Люблянского университета философ Н.М. Бубнов и литературовед Н.Ф. Преображенский.

Русская Матица в Любляне вела широкую издательскую деятельность: печатала книги, школьные пособия, периодические издания. Помимо этого она тесно сотрудничала с органами словенской периодической печати, помогавшими ей контактировать с местным населением через словенские газеты «Jutro», «Slovenec», «Slovenski Narod».

Русская Матица в Любляне имела большие связи с другими культурными организациями в Королевстве СХС, например, с Русским научным институтом и Русским народным университетом в Белграде, Русским Педагогическим бюро в Праге, участвовала в проведении съезда по дошкольному образованию в Праге. Она тесно контактировала с другими славянскими Матицами: Сербской, Словацкой, Чешской, а также с обществом им. А.В. Духновича в Прикарпатской Руси.

Русская Матица устраивала совместные культурные мероприятия со словенскими культурными организациями: музыкальной организацией Glasbena Matica, Народными университетами в Любляне, Мариборе, Целье. Член правления Матицы проф. Н.Ф. Преображенский вел преподавание русского языка на Люблянском радио.

Русская Матица активно участвовала в приеме высших сербских православных иерархов (патриарха сербского Варнавы и Владыки Митрополита Загребского Досифея). Матица внесла большой вклад в строительство сербской православной церкви в Любляне и выступала против религиозных гонений в России.

Еще одной сферой ее деятельности было содержание Русской православной часовни на горе Вршич (вблизи Любляны). Здесь во время первой мировой войны под сходом снежной лавины были погребены русские военнопленные, строившие дорогу. В 1930 г. Русская Матица приобрела в собственность земельный участок, на котором находилась часовня, таким образом, обеспечив охрану чрезвычайно ценного, с национальной и религиозной точек зрения, памятника. Каждый год в конце июля Матица устраивала здесь торжественное богослужение, на которое собирались практически все русские эмигранты. И сегодня эта традиция не прерывается. 22 июля у русской часовни на Вршиче происходит торжественный молебен.

Российское общество Красного Креста ведет свое начало с 1854 г., когда великая княгиня Елена Павловна открыла в Санкт-Петербурге Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия, которых готовили для работы в военных госпиталях осажденного Севастополя. В 1867 г. оно было переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК). На территории СССР Главное управление Красного Креста было упразднено декретом Совнаркома в 1918 года. Российское общество Красного Креста было признано Международным Красным Крестом в Женеве и как член международной помощи открыло свои филиалы практически во всех странах, где концентрировались русские беженцы. На территории Королевства СХС (в Белграде) Красный Крест организовал свое представительство весной 1920 года ²⁰.

В Любляне отделение Российского общества Красного Креста было открыто лишь в июне 1931 года. Инициатором его организации был профессор Люблянского университета А.А. Копылов и широко известная в Словении политический и общественный деятель Т.М. Енко. На первом заседании был избран президиум в составе Енко (председатель), А.А. Копылова, Д.В. Фроста, Е.В. Спекторского, М.Н. Ясинского, Н.А. Ткачёва, А.В. Маклецова и др. Российское общество Красного Креста в Любляне было создано на основании Устава, утвержденного правительством Королевства СХС. Оно имело цель: 1) помогать русским больным; 2) заботиться о здоровье русских детей; 3) помогать русским эмигрантам в разных непредвиденных ситуациях; 4) обеспечивать продуктивную помощь беженцам. Российское отделение Красного Креста в Любляне просуществовало до 1940 года. Из Белграда в отделение РОКК постоянно переводились средства, распределяемые в качестве временной помощи русским эмигрантам ²¹.

Одним из основных мероприятий РОКК в Словении была организация санатория в замке Вурберк (Vurberk или Wurmberg) в 1923 г. на основании постановления отделения РОКК и Государственной комиссии в Белграде. Ранее замок принадлежал графу Герберштейну. В период первой мировой войны здесь располагалась туберкулезная лечебница. В 1920-е гг. в санатории находилось около 100 больных — русских эмигрантов. Лечение было бесплатным. К октябрю 1921 г. средства на содержание больницы сократились, поэтому новых пациентов больше не принимали, а 30 октября последний больной покинул стены санатория. Однако в июне 1922 г. опустевший замок наполнился голосами. На короткое время сюда приехали 74 ученицы Мариинского Донского Института во главе с графиней Е.А. Уваровой. Следом прибыло еще 26 учениц под начальством Н.А. Духониной. Позднее сюда же приехал инспектор института, бывший проф. Киевского университета Н.А. Стороженко. Они прожили в замке до 7 сентября 1922 г., после чего переехали в г. Бела Црква (Сербия).

Санаторий вновь ожил, когда в январе 1923 г. сюда прибыл доктор Б.Ф. Около-Кулак. 1 марта санаторий был вновь открыт для посетителей и не прекращал свою работу до 1941 года. К тому времени замок был совершенно перестроен и оборудован новейшей для того времени медицинской аппаратурой. Уже в то время в русском санатории были рентгеновский кабинет, благоустроенная операционная, кабинет с разными современными приспособлениями для физиотерапии, аптека, прибор для искусственного дыхания и пр. В санатории

работали два врача, лаборант, три сестры милосердия, один санитар и нескольких работников хозяйственного отдела.

Здесь также имелась библиотека (около 2000 изданий) с книгами на русском, сербском и других языках. Была оборудована специальная комната, где больные могли слушать радио; имелся зал с роялем, в котором устраивались концерты и театральные постановки.

Большая роль в развитии санатория принадлежала также полковнику В.Л. Спигановичу, бывшему командиру полка кубанских казаков и его жене, работавшей здесь же сестрой милосердия. На протяжении многих лет, сменяя друг друга, в санатории работало более 10 русских врачей разного профиля ²². Здесь лечились генералы А.П. Кутепов, Е.К. Миллер. В замке при санатории жили и лечились поэт Игорь Северянин, русская певица Е.И. Крокос, прославленный шахматист А.И. Нимцович. В 1938 г. из 2618 больных, находившихся в санатории на лечении, 1817 составляли русские эмигранты.

6 июня 1941 г. санаторий был закрыт немцами, весь инвентарь конфискован, врачей и больных переселили в Топольшицу. В самом конце второй мировой войны, в феврале 1945 г., Вурберк подвергся сильным бомбардировкам союзников и был практически полностью разрушен. Но некоторые из русских врачей, работавшие в санатории, продолжали жить в Вурберке и его окрестностях и обслуживать больных по домам.

В память о событиях тех лет на месте русского санатория в замке Вурберк мэром города Дуплека и руководителем Русского центра в Мариборе была открыта мемориальная доска.

Помимо Вурберка в Словении существовали русские лазареты в Храставце, Любляне, на о. Блед.

В число военных организаций русских эмигрантов на территории Королевства СХС входили: Русский общевойсковой союз, Общество русских офицеров, Союз русских инвалидов, Русское народное ополчение, Общество Галлипольцев и многие другие.

Русский общевойсковой союз (РОВС) был создан по инициативе генерала Врангеля в 1924 году. Верховным руководителем РОВС до 1929 г. являлся великий князь Николай Николаевич, а после его смерти — генералы Кутепов и Миллер. В РОВС вошли все офицерские общества русской армии в изгнании. Союз имел свои отделения на всех континентах. В Европе их было шесть. Первоначально Верховное командование вооруженными силами юга России разместилось в Королевстве СХС (в г. Сремски Карловцы, Сербия). По данным РОВС в 1920-е гг. в нем было объединено до 100 тыс. офицеров, а к началу 1930-х гг. — 40 тысяч ²³. Сохранение русских военных организаций в эмиграции имело большое значение, поскольку существование армии или идеи армии, способной и готовой продолжить борьбу с большевиками и дать возможность осуществить возврат на родину, в психологическом плане поддерживало эмигрантов, сознательно стремившихся к сохранению своей «русскости» в рамках зарубежной России. Воинская солидарность и организация помощи больным и семьям погибших бойцов придавали идее сохранения армии гуманитарную направленность ²⁴. Одной из главных целей РОВС было стремление скоординировать деятельность всех военных организаций, пополнить армейские ряды в изгнании. Для этого были созданы сначала

ла в Париже (в 1927 г.), а затем в Белграде (в 1931 г.) Высшие военно-научные курсы. Всем членам РОВС было запрещено членство в любой политической организации, но дистанцирование от политики было трудновыполнимой задачей.

В 1924—1925 гг. шла работа по созданию отделения РОВС в Словении. Это было связано со строительством железной дороги, связывающей города Ормож и Лютомер. Этим мероприятием руководил IV отдел РОВС, находившийся в Королевстве СХС. Начальником отдела был генерал-майор И.Г. Барбович. Отделения РОВС на территории Словении находились в Любляне и Мариборе. Младший офицерский состав РОВС стремился к усовершенствованию знаний, продолжению обучения. Многие из офицеров поступали в высшие учебные заведения Словении, в том числе в Люблянский университет (здесь их было 360 чел.)

Мариборским отделением РОВС руководил полковник И.А. Глебов, его членами были офицеры и солдаты ранее возглавляемого им III конного полка Кавалерийской дивизии. Глебов вел занятия по тактике, стратегии, методам ведения боевых операций. Каждый член отделения РОВС должен был платить членские взносы.

Большое число русских офицеров и солдат в конце 1920 г. было расквартировано в военном лагере Стрнище (сейчас г. Кидричево). Этот австро-венгерский лагерь для военнопленных (в том числе и русских) был создан еще в 1915 году. В 1920 г. в бараках резервной больницы Клатово в Стрнище нашли свое прибежище около 1100 кадетов Крымского и II донского кадетских корпусов ²⁵.

Союз русских офицеров имел аналогичные РОВС функции. Отделения Союза в Словении размещались в Любляне и Мариборе. Они входили в состав IV отделения РОВС со штабом в Белграде. Отделение Союза в Любляне начало функционировать с января 1931 года. Его целью было объединение русских офицеров на территории Словении, сохранение армейских традиций и обучение военному искусству. Отделение Союза русских офицеров в Словении финансировалось благодаря членским взносам, добровольным пожертвованиям, отчислениям от проведения общественных и культурных мероприятий, публичных лекций, из фонда взаимопомощи. Председателем Союза в Любляне был генерал В.С. Жолтенко, с 1933 г. — генерал П.П. Богаевский, с 1940 — полковник Н.А. Ткачѳв. Отделение в Мариборе в течение нескольких лет возглавлял полковник Глебов. В рамках плана мероприятий Союза русских офицеров читались различные лекции. Например, приехавший из Парижа в Любляну в 1934 г. генерал Дѳеникин выступил с лекцией о политической ситуации в мире (в том числе о русско-японских отношениях, о германской политике в Прибалтике, о позиции Италии и Польши в международной политике и о роли русской белой эмиграции) ²⁶.

Союз русских военных инвалидов был создан в 1921 г. в Константинополе после эвакуации войск генерала Врангеля из Крыма. В мае 1921 г. во главе правления был поставлен генерал от кавалерии Н.Н. Баратов. В августе того же года главнокомандующий русской армией генерал Врангель утвердил устав Союза русских инвалидов (временно за границей), ставившего своей целью «поддержание среди своих членов воинского и рыцарского духа» и оказание членам-

инвалидам материальной и нравственной поддержки. Правление союза именовалось Центральным и должно было объединять деятельность союзов, образовавшихся в других странах (в 1920-е гг. в эмиграции находилось 6,5 тыс. русских инвалидов) вплоть до созыва съезда. В 1922 г. правление переехало в Белград и с 1923 по 1926 г. именовалось Центральное правление Союза русских военных инвалидов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев и за границей. В марте 1926 г. на малом съезде председателей эмигрантских союзов было принято положение о Главном правлении Союза русских военных инвалидов. Функции Главного правления временно продолжало исполнять Центральное правление союза русских военных инвалидов в Королевстве СХС. С 1927 г. Главное правление находилось во Франции (Кламар, Париж). Союз издавал свой печатный орган под названием «Инвалид», информирующий о положении и правах русских инвалидов в изгнании.

Отделение Союза в Королевстве СХС находилось в контакте с Министерством социальной политики Королевства, выделявшим определенную сумму денег, которой он мог самостоятельно распоряжаться. В разных городах на территории Королевства СХС он имел 5 инвалидных домов. Его председателями в Королевстве СХС были генералы Н.П. Вадбольский (с 1930 г.) и М.Н. Кальницкий (с 1932 г.).

Отделение Союза военных инвалидов в Словении располагалось в Любляне, сначала в Шентпетерских казармах (с 1927 г.), а затем в гостинице «Тиволи» (с 1932 г.). Председателем люблянского отделения Союза был казачий полковник А.Н. Селянин. В архиве Словении сохранились документы из фонда Люблянской полиции, свидетельствующие о том, что Союз русских инвалидов преследовал исключительно социальные цели ²⁷.

Общество Галлиполийцев — русская воинская организация, созданная 22 ноября 1921 г. чинами 1-го Армейского корпуса Русской армии генерала Врангеля, расквартированного в городе Галлиполи (совр. г. Гелиболу, Турция) и в лагерях на Галлиполийском полуострове. Общество Галлиполийцев входило в состав РОВС.

В июне 1921 г. в Галлиполи небольшая группа младших офицеров выдвинула идею создания особой организации Белых воинов, которая сохраняла бы их единство после переезда из лагеря. Для этого ими был подан рапорт генералу Кутепову с предложением основать Общество Галлиполийцев. Согласно первому Уставу Общества, его действительными членами могли быть все чины I армейского корпуса, имеющие право ношения нагрудного знака «Галлиполи», учрежденного генералом Врангелем, а также гражданские лица, находившиеся в Галлиполийском лагере с частями русской армии. Почетным председателем Общества был избран генерал Врангель, а почетным председателем Совета Общества — генерал Кутепов. Первоначальная задача Общества состояла в том, чтобы в случае ликвидации русской армии Общество смогло стать преемником I армейского корпуса вооруженных сил Юга России и Добровольческой армии. Поэтому создание Общества Галлиполийцев можно считать предтечей РОВС. После его образования в сентябре 1924 г. Общество Галлиполийцев целиком вошло в его состав и стало неразрывной частью и основой РОВС. Генерал Барбович был назначен начальником IV Отдела РОВС,

расквартированного в Королевстве СХС, а генерал Кутепов в 1928 г. стал верховным главнокомандующим РОВС в Париже, куда в 1924 г. переместилась штаб-квартира галлипольцев. В 1923 г. в Обществе на территории Королевства СХС числилось 14 тыс. членов. Оно превратилось в закрытую касту, гордящуюся своей контрреволюционной деятельностью.

В 1930-е гг. Общество Галлиполийцев имело свои отделы в Бельгии, Болгарии, Венгрии, Франции, Люксембурге, Чехословакии, Югославии, а также в США, свои периодические печатные издания: газету «Галлиполиец» и журнал «Галлиполийский Вестник». Вторая мировая война нарушила работу Общества, но по ее окончании оно было восстановлено. К 1953 г. отделы Общества Галлиполийцев действовали в Бельгии, США, Франции, Испании, Южной Америке, Австралии, Марокко, Сирии. В настоящее время оно продолжает свою работу в США.

Общество Галлипотийцев имело свой штаб только в одном городе Словении — Любляне. Его председателем был капитан И.И. Минаев. Множество русских студентов вступало в ряды галлиполийцев. В Белградском университете в 1922 г. училось 40 галлиполийцев, в 1923 г. их было уже 90, а в 1924 г. — 200. Данными о численности галлиполийцев на территории Словении мы, к сожалению, не располагаем.

Необходимо отметить, что в Королевстве СХС (затем в Югославии) действовало множество молодежных эмигрантских организаций. Одной из них был Русский Сокол. Сокольское движение (чеш. Sokol), как молодежное спортивное, возникло в Праге еще в 1862 г. и отсюда распространилось по всем славянским странам и даже во Францию и Америку. На территории Российской империи эта организация была создана в Тифлисе в 1870 г. и просуществовала до 1923 г., когда была запрещена большевиками.

В русской эмиграции действовал Краевой Союз русских Соколов в Королевстве СХС. Цель Русской национальной сокольской организации состояла в объединении русской молодежи и ее воспитании в русском национальном духе. Русское сокольство за рубежом стало одним из основателей Славянского Союза Соколов наряду с Чехословацким, Польским и Союзом Соколов Королевства СХС. Сокольское общество издавало журналы «Русский Сокол» и «Русский сокольский вестник»²⁸.

Во всех русских мужских и женских школах были сокольские группы. Группа из 8 человек могла составить отдельную группу сокольского общества, работающую по национальной программе. Подобные группы занимались культурно-просветительским и национальным воспитанием своих членов. Во время открытых выступлений, слетов и других торжественных мероприятий Краевые Союзы русских соколов выступали как самостоятельные организации под русским флагом. Молодежь была облачена в особую русскую парадную сокольскую форму. В 1937 г. состоялся съезд русского сокольского Союза в Белграде, на котором было принято решение о переносе органов управления Союза из Праги в Белград. В том же году в Белграде прошел Сокольский съезд. Во время парада, организованного в честь открытия съезда, впереди несли знамена, затем шли старшины

соколов и юнаков в сопровождении оркестра. Юноши были в своей униформе, а девушки — в народной одежде. В параде участвовали русские соколы из Югославии, Франции, Болгарии. Девушки из Белградского Сокольского Союза были одеты в одежды разных югославских регионов. За ними следовали сельские сокольские четы и сокольская конница. Парадная колонна растянулась на два километра, ее приветствовали десятки тысяч жителей Белграда, после чего состоялся митинг около памятника князю Михаилу.

Во главе краевых союзов стоял Управный комитет, который избирался на съезде делегатов всех русских сокольских организаций в Югославии. Управный комитет находился в г. Земун (недалеко от Белграда). В составе Союза русских соколов в эмиграции было 3700 членов, из них 2200 — в Югославии. Отделение русского соколовского союза в Любляне располагалось в отеле «Тиволи». Позднее он объединился с Люблянским Соколом²⁹.

Еще одна крупная молодежная эмигрантская организации — Национальный союз русской молодежи — возник в Болгарии в 1924 г. как Кружок русской национальной молодежи. В 1927 г. он разросся и был переименован в Национальный союз русской молодежи, объединивший большую часть русских центров в Болгарии. В Королевстве СХС независимо от Болгарии в 1924 г. образовалась монархическая организация Союз русской национальной молодежи (СРНМ). В 1927—1928 гг. основной деятельностью СРНМ была выработка идеологической и политической платформ. В июне 1930 г. в Белграде состоялся I Съезд представителей групп и Союзов русской молодежи Югославии, Болгарии, Франции, Голландии. Участниками съезда был принят устав Союза и определена его идеологическая платформа. В 1931 г. на II съезде, в котором уже участвовали представители 7 стран, Союз был переименован в Национальный союз нового поколения (НСНП). В Устав НСРП был введен новый пункт, предусматривающий возрастной ценз: в него могли вступать только те, кому в начале первой мировой войны было не более 19 лет. Этот пункт устава преследовал цель оградить организацию от влияния старой генерации монархического толка и старых партийных деятелей, на которых возлагалась вина за трагедию России. Программа Союза была окончательно принята на III съезде Союза в 1934 году. Его задачей были: борьба с коммунистическим порядком, распад Советского Союза, связи с пробуждающимися народными силами, идеологическое давление на эти силы, возвращение стране исторического имени «Россия», национальная автономия для всех народов страны, защита территориального единства России и неприкосновенности ее границ. НСНП признал необходимость применения террора в борьбе с Советской властью, на что были направлены основные усилия по воспитанию нового поколения. В 1936—1939 гг. НСНП через Польшу и Румынию вел активную деятельность в СССР. НКВД делало попытки перевербовки арестованных им членов Союза и их нелегальной засылки в страны Европы.

В 1934 г. в Словении возникло отделение НСНП и в мае того же года в Любляне состоялось его общее собрание, на котором были избраны председатель, секретарь, бухгалтер, ревизоры. Было принято решение об установлении тайных связей с молодежью Советского

Союза. Тем временем в НСНП стали стекаться сведения, поступавшие от новых эмигрантов из СССР. В Любляне в 1936 г. был прослушан доклад эмигрировавшего из СССР И.Л. Солоневича, издавшего книгу «Россия в концлагере», которую можно было приобрести в магазине русской книги в Любляне. В рамках Союза в Любляне в 1937 и 1938 гг. состоялись заседания на тему «Двадцать лет коммунистического гнета в России», которые проводили русские профессора Люблянского университета А.Д. Билимович, Спекторский, председатель Общества русских студентов в Любляне Ткачёв и др. Заседания Союза как наиболее активной организации проводились в Любляне иногда даже дважды в день.

Еще одна монархическая эмигрантская организация, у которой было много сторонников в Королевстве СХС, и участниками которой была, в том числе, и молодежь — кирилловцы. Основатель движения легитимистов — сторонников восстановления династии Романовых в российском монархическом движении — был двоюродный брат Николая II Кирилл Владимирович. Оказавшись в 1924 г. в эмиграции, он самопровозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I. В дни Февральской революции Кирилл Владимирович вместо поддержки Николая II, предпринял шаги, которые пагубным образом повлияли на историю России. Он стал первым из членов императорской фамилии, нарушивших присягу царю и заявивших, что он лично и вверенная ему воинская часть перешли на сторону Государственной думы и радуются по поводу происходящей революции. Поведение Кирилла Владимировича в дни революции впоследствии ставилось ему в вину его противниками, но это не помешало ему претендовать на российский престол. В начале беспорядков он вместе с великим князем Павлом Александровичем участвовал в подготовке проекта манифеста («великокняжеский манифест»), который они хотели вручить на подпись Николаю II. План предусматривал сохранение на престоле императора Николая II путем частичных уступок умеренному крылу революционеров, то есть принятия конституции и превращения России в конституционную монархию. В рядах эмиграции произошел раскол: сторонники Николая II стали именоваться николаевцами, а Кирилла Владимировича — кирилловцами. Последний в апреле 1924 г. создал Корпус императорской армии и флота, в составе которого в 1928 г. было 15 тыс. человек. В 1933 г. главнокомандующий Корпусом генерал-поручик А.И. Апухтин стал представителем кирилловцев в Югославии, но здесь они приобрели мало сторонников. В Белграде в 1931 г. кирилловцами было создано общество «Русское согласие» — дискуссионный клуб легитимистов, которое начало издавать журнал «За веру, царя и отечество» и монархическую газету «Царский вестник», редактором которого был ярый монархист Н.П. Рклицкий. После смерти Кирилла Владимировича в 1938 г. продолжателем его дела стал его сын Владимир Кириллович.

Отделение кирилловцев в Словении находилось в Любляне, но и здесь они, как и в Белграде, не завоевали особой популярности. Во главе словенского отделения кирилловцев стоял бригадный генерал Евгений Измайлов.

Из-за ограниченного объема настоящей статьи мы не можем подробно осветить вопросы, связанные с религиозной и культурной жиз-

нию русской диаспоры в Словении. Отметим лишь, что в межвоенное двадцатилетие на подмостках Люблянской Драмы (начиная с 1922 г.) с колоссальным успехом выступали актриса Мария Николаевна Наблоцкая (1892—1969) и ее муж — режиссер и актер Борис Николаевич Путята (1871—1925), создавшие яркие образы в «Лесе» А.Н. Островского, «Идиоте» Ф.М. Достоевского, «Сирано де Бержераке», «Агонии», «Анне Корениной» Л.Н. Толстого, «Ревизоре» Н.В. Гоголя, «Пигмалионе» Б. Шоу и много других.

Образ русского эмигранта нашел яркое отражение в произведениях словенской прозы³⁰.

Таким образом, различные союзы русской эмиграции в Словении наряду с целью объединения и помощи соотечественникам в изгнании стали маркером этнической и культурной идентичности, символом единения русских за рубежом. Важнейшей опорой их этнического самосознания была религиозная идентификация, что во многом сопрягалось с традициями христианства. Ими свято чтились христианские праздничные даты, которые соотносились с национальной исторической памятью и показывали историко-культурную самобытность и автономность своей группы.

Изучение различных аспектов жизни русской диаспоры в Словении в перспективе может помочь открытию множества новых направлений в исследовании русских сообществ за рубежом, послужит ключом к пониманию общих процессов российской истории, поможет восстановлению нашего исторического прошлого.

Примечания

1. Имеются лишь фрагментарные материалы о «русском следе» в истории словенского драматического театра. См., например: КОСИК В.И. Русские краски на балканской палитре. М. 2010; ВАГАПОВА Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб. 2007.
2. О русско-словенских научных контактах в конце XVIII—XIX столетии см: ЧУРКИНА И.В. Русские и словенцы. М. 1986.
3. VADE KLAUS J. Evropa v gibanju: migracije od poznega 18 stoletja do danes. Založba. Ljubljana. 2005.
4. АРСЕРЬЕВ А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. — Новый журнал. 2010, № 259.
5. Arhiv Republike Slovenije (ARS). 1931. Republiški sekretariat za notranje zadeve Socialistične republike Slovenije, a.e. 1053, s. 1.
6. Ibid., s. 21—22; PULKO R. Ruska emigracija na slovenskem 1921—1941. Logatec. 2004.
7. PULKO R. Op. cit., s. 23.
8. 30% из них составляли высшие, а 50% — низшие офицеры.
9. PULKO R. Taborišče ruskih beguncev v Stnišču. In: Sbornik občine Kidricevo. Kidričevo. 2010, s. 159.
10. По другим данным, в 1938 г. в Любляне проживало 293 русских, в Мариборе — 94; в 1941 г. во всей Словении насчитывалось всего 588 «эмигрантов из царской России» (включая и тех, кто принял югославское гражданство), а в 1955 г. — 489 (447 из них имели югославское гражданство). См.: АРСЕНЬЕВ А. Две книги о русской эмиграции в Югославии: Александар Стерјовски. Битола — руската колонија. Битола. 2003; Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921—1941. Logatec. 2004. — Кадетская переключка. 2006, № 77, с. 218—233.
11. АНЧАБАДЗЕ Ю.Д. Харбин в этнокультурном развитии кавказской диаспоры на Дальнем Востоке. В кн.: Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. М. 2014, с. 181—197.

12. БРГЛЕЗ А., СЕЛЯК М. Россия в Словении. Русские профессора люблянского университета в период с 1920—1945 гг. Любляна. 2003, с. 62.
13. АРСЕНЬЕВ А.Б. Жизнь русских эмигрантов в Сербии.
14. ARS. 1931. Republiški Sekretariat za notranje zadeve SRS. Tehn. enote 945. Мара 9 (Русская Колония).
15. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5939, оп. 1, ед. хр. 1 (1920—1922 гг.)
16. ARS. 1931. St. 945. Ruska kolonija, № 9, l. 350—353.
17. Русская Матица (1924—1934). Любляна. 1936, с. 6.
18. ARS. 1931. Republiški Sekretariat za notranje zadeve SRS. Tehn. enote 945. Inv. 40. 2318-3. Ruska društva in organizacije od 1921—1945, l. 90—93.
19. Ibid. Ruska Matica, st. 263, l. 3—11; st. 10270.
20. ТАНИН С.Ю. Русский Белград. М. 2009.
21. ARS. 1931. Tehn. enote 945, № 5. l. 124—148.
22. ПУЛКО Р. Санаторий в Вурберке. — Новый журнал. Н.-Й. 2010, № 259, с. 229—238.
23. ЙОВАНОВИЧ М. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. М. 2005, с. 258.
24. Там же, с. 259.
25. PULKO R. Taborišče ruskih beguncev v Stnišču, s. 168.
26. ARS. 1931. Republiški sekretariat za notranje zadeve SRS. Tehn. enote: K-2318-3, № 2, l. 39. Статья о Деникине была опубликована в журнале «Slovenec», № 285, 16.12.1934.
27. ARS. 1931. Republiški sekretariat za notranje zadeve SRS. Tehn. enote: K-2318-3, № 4, l. 105—112; ARS 1931, št. 1053, l. 706—711.
28. ПОПОВ А.В. История эмиграции и проблемы зарубежной архивной россики. В кн.: Руска дијаспора и словенски свет. Београд. 2013, с. 67
29. ARS III. 1315-5. Republiški sekretariat za notranje zadeve SRS. Tehn. enota 1053. Peter Borisov: Iz življenja ruskih emigrantov v Ljubljani. 27.11.1952.
30. СОЗИНА Ю.А. Образ русских эмигрантов в словенской прозе. В кн.: Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М. 2014, с. 449—464.

«Кухня» придворного балета во Франции в XVII в.

М.А. Сидоренко

Аннотация. В XVII в. придворный балет являлся не только излюбленным развлечением королей Франции, принцев, грандов и придворных, но также эффективным средством создания репрезентативного образа монаршей власти и способом общения государя с подданными — как с представителями придворного общества, так и простолюдинами. Автор данной статьи обращает внимание на то, что не только сами балетные постановки, но и процессы, связанные с их подготовкой (выбор сюжетов, сочинение музыки и либретто, распределение ролей, обустройство театральных залов, репетиции) являлись средством проведения политики королевской власти при Старом порядке.

Ключевые слова: Людовик XIII, Людовик XIV, Старый порядок, абсолютная монархия, придворный балет, придворное общество Франции.

Abstract. In XVII century court ballet was not only a favourite entertainment for French kings, princes, grandees and court circle, but it was also an effective means to create a representative image of monarchical power and it was a means of communication between a sovereign and citizens, as court society representatives so commoners. The author of this article pays attention to the fact that not only the ballet performances but the preparation processes (choice of subjects, composing music and libretto, distribution roles, arrangement auditorium, rehearsals) were means of royal policy during the Ancien Régime.

Key words: Louis XIII, Louis XIV, Ancien Régime, Absolute monarchy, ballets de cour, court society of France.

В XVI—XVII вв. спектакли в жанре придворного балета были не только одним из видов развлечения короля и подданных, как участников балетных постановок, так и многочисленных зрителей (придворных и простолюдинов), но и разновидностью государственного церемониала французской монархии Старого порядка. Конечно, они не встали в один ряд с такими традиционными церемониями, как коронация и заседание Парламента с участием короля (*lie de justice*), но, тем не менее, нельзя недооценивать их значимости. Каждый придворный

Сидоренко Максим Анатольевич — кандидат исторических наук, докторант Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: masid@list.ru.

Sidorenko Maxim A. — candidate of historical sciences, doctoral candidate of Novosibirsk State Pedagogical University. E-mail: masid@list.ru.

балет представлял собой грандиозное публичное действо продолжительностью три — четыре часа, в котором участвовали король, члены монаршей семьи и придворные.

Этот вид зрелища возник в 1581 г. при дворе последнего короля из династии Валуа, Генриха III, когда монаршая власть во Франции переживала не лучшие времена. Екатерина Медичи, придававшая большое значение роли искусства в управлении государством и созданию положительного общественного образа королевской власти, надеялась посредством грандиозной постановки «Комического балета королевы» (15 октября 1581 г.), приуроченной к свадьбе мадемуазель де Водемон, сестры королевы Луизы, с герцогом де Жуайёзом, одним из фаворитов короля Генриха, укрепить авторитет последнего. Однако своего расцвета жанр придворного балета достиг при Бурбонах, особенно при Людовике XIII (1601—1643 гг., короле Франции с 1610 г.) и Людовике XIV (1638—1715 гг., царствовал с 1643 г.) — оба короля-танцора существенно повлияли на развитие этого вида зрелища. Кроме того, каждый из них в силу своих предпочтений и желаний использовал балетные представления в создании нового репрезентативного образа королевской власти.

Людовик Справедливый делал это время от времени. При нем постановки героического балета чередовались с буффонадным, более популярным в первой половине XVII века. Сам король редко выходил на сцену в образах героев и богов Древности, чаще он танцевал в костюмах второстепенных персонажей бурлескного мира — пьяниц, цыган, калек и так далее. Порой это были и женские образы, что, стоит заметить, не было странным и эпатажным в глазах придворных и парижан века Барокко.

Людовик XIV, король, имевший исключительный «дар к празднествам и наслаждениям»¹, был более последовательным в использовании придворного балета в качестве средства репрезентации королевской власти. С началом его самостоятельного правления в 1661 г. буффонадный балет, еще господствовавший в годы юности монарха, практически прекратил свое существование. Вплоть до своего ухода со сцены в 1670 г. он танцевал только в героических балетах (исключением стало участие короля в двух комедиях-балетах Мольера и Люлли). Среди благородных и героических ролей, а король, как правило, танцевал главные партии, на первый план вышли Солнце и Аполлон — тем самым Людовик XIV заложил основу своего репрезентативного образа. Для его создания помимо придворного балета монарх призвал на помощь общественные и придворные празднества, в которых он опять-таки, как и подобает Солнцу, всегда был в центре внимания.

При Людовике XIV придворный балет стал еще и средством, позволившим монарху проводить угодную ему политику. Застенчивый и меланхоличный Людовик XIII при первой же возможности сбегал от своего окружения, то на войну, то на охоту, часто предоставляя принцев и придворных самим себе, что в определенной степени способствовало возникновению многочисленных заговоров против королевской власти, во главе которых всегда стояли члены монаршей семьи. Не желая повторить ошибок отца, Людовик XIV задался целью «приручить» принцев и грандов, сделать их верными слугами мо-

наршей власти, подчинить их существование своим интересам, а следовательно и интересам государства. И в этом королю помогли балетные постановки, посредством которых он общался со своими родственниками и придворными. А ведь еще совсем недавно большинство из них были активными участниками событий Фронды (1648—1653): одни выступали против монаршей власти на стороне Парижского парламента, другие поддержали мятеж принцев.

При помощи языка образов и символов балетных спектаклей, хорошо понятных современникам, Людовик указывал на то, каким он, монарх, желал бы видеть устройство придворного общества. В центре балетной сцены практически всегда находился король — это место он отвел себе и при дворе (если Людовик XIII избегал своего окружения, старался быть не с ним, то его сын, напротив, всегда оставался со своими придворными, подчинив их ритм жизни своему распорядку дня). Неслучайно брат короля Филипп Орлеанский от балета к балету исполнял второстепенные роли, что указывало на его незначительное место в деле управления королевством. Он, лишенный права заседать в Государственном совете, а значит и права голоса в делах государства, должен был стать «первым придворным» и всегда находиться в тени старшего брата. Так Людовик XIV хотел предотвратить появление второго Гастона Орлеанского, который при предыдущем царствовании был душой практически всех заговоров, направленных не только против кардинала де Ришелье, но и против короля. Принцы и гранды выходили на сцену в образах спутников главного светила — они, также более не причастные к государственным делам (управление королевством отныне было сосредоточено в руках короля, его министров и государственных секретарей), становились профессиональными придворными. Окружение Людовика XIV хорошо поняло послание своего государя и подчинилось его воле.

Когда историки изучают вопросы политической и репрезентативной значимости зрелища эпохи Барокко, будь то придворный балет, придворное и общественное празднество, театральная и оперная постановка, то анализу подвергаются все его слагаемые — сюжетные линии, тексты либретто, персонажи, аллегории с историческими событиями и современниками, музыка, декорации, костюмы и, конечно, сами участники. Ни одна деталь, даже, казалось бы, самая незначительная, не ускользает от внимания историков и искусствоведов. Однако нам кажется необходимым добавить к этому перечню еще один, немаловажный, по нашему мнению, пункт — закулисье барочного зрелища, в данном случае — придворного балета. Говоря об этой разновидности спектакля, надо помнить, что мы имеем дело не с простыми танцорами и актерами, которые, выходя на сцену, зарабатывали себе на хлеб, а с королем, принцами и аристократами (как французскими, так и иностранными), которые развлекаясь сами, развлекали и других (себе равных и простолюдинов).

Не исключено, что репетиции и сопутствующие им процессы, связанные с подготовкой постановок в жанре придворного балета, были столь же полезны королю Франции, как и сами балетные представления в решении некоторых политических задач. Трудно поверить, что Людовик XIV, тонкий знаток человеческой природы и умелый манипулятор умами своих придворных (и остальных подданных), не исполь-

зовал период подготовки к очередной балетной постановке, длившийся несколько недель, а то и месяцев, в своих интересах.

Говоря о многочисленных королевских празднествах и прогулках в Версаль первых двух десятилетий самостоятельного правления Людовика XIV (60—70-е гг. XVII в.), герцог де Сен-Симон подчеркивал, что они давали королю дополнительную возможность «отличить или унижить»². Мемуарист указал на их важную роль в придворной политике. Возможно, тот же принцип во взаимоотношениях короля с его окружением работал и в период подготовки к очередному балетному представлению.

Для того, чтобы определить важность репетиций придворных балетов для королевской власти, нам понадобится понять, как именно они проходили. Что собой вообще представлял процесс подготовки к выступлениям? Какое место он занимал в жизни монарха, его окружения и Парижа? Ведь достаточно много придворных балетов было поставлено не в стенах Лувра, а в театральных залах столицы и даже в ее Ратуше.

В год, как правило, давали один или два придворных балета. Прибавим к ним городские празднества и придворные увеселения, которые требовали столь же тщательной подготовки. Суммировав все это, мы увидим, что при Людовике XIII и, особенно в первое десятилетие самостоятельного правления Людовика XIV, когда празднеств и балетных постановок при французском дворе и в Париже было больше, чем когда-либо, на репетиции уходила значительная часть жизни короля и придворных.

Вот как проходила подготовка к «Балету богатой вдовы из Бильбао»³, данному Людовиком XIII 24 февраля 1626 г. в парижской Ратуше⁴. Этот придворный балет стал первым, поставленным в стенах столичного муниципалитета. Тем самым, король словно хотел напомнить городским чиновникам и жителям столицы о том, что у Парижа неспроста не было мэра, ибо, согласно традиции, «хозяином города», его управителем и покровителем являлся сам монарх.

О своем желании поставить балет в Ратуше Людовик XIII заранее предупредил купеческого старшину Парижа Н. де Байеля. Монарх сказал, что на сей раз, в день прощания с Масленицей, намерен дать традиционное балетное представление в стенах Ратуши. Купеческий старшина был несколько обескуражен таким желанием, поскольку знал, что здание Ратуши и его помещения не были предназначены для подобных увеселений (вопреки этому обстоятельству Людовик XIII впоследствии сделал балетные постановки в парижской Ратуше традиционными). Большой зал Ратуши наверняка был бы способен вместить многочисленную публику, а в примыкающих к нему помещениях можно было бы установить банкетные столы, однако неясным оставалось то, какие комнаты предоставить королю и десяткам придворных для переодевания и подготовки к балету. Вернувшись от монарха, купеческий старшина срочно созвал совет господ, который постановил, что костюмерной короля станет кабинет секретаря суда, остальные высокопоставленные артисты должны будут переодеваться в кабинете прокурора.

Так, Людовик XIII вовлек в процесс подготовки балетного представления не только придворных, актеров столичных трупп, декораторов, поэтов, музыкантов и костюмеров, как это бывало в подобных случаях, но и столичную власть. «Балет богатой вдовы из Бильбао»,

первый в череде придворных спектаклей, поставленных в парижской Ратуше, может послужить наглядной демонстрацией того, как зрелище эпохи Барокко объединяло людей различных социальных слоев, общественные и государственные институты, что давало монарху возможность отвлечь столичных жителей от будничных забот (тем более, что порой парижане были не совсем лояльны по отношению к королевской власти). И это было лишь верхушкой айсберга.

В связи с тем, что времени до представления оставалось немного, эшевены спешно обратились за помощью к городским служащим и снабженцам. Хозяину столярной мастерской поручили преобразовать Большой зал Ратуши в театр — возвести подмостки, на которых разместятся приглашенные зрители; ковровщикам — затянуть деревянные каркасы парчой, повесить гобелены, устлать паркет турецкими коврами (это делалось только на время представления, после чего залу возвращался его прежний вид; каждый раз в подобных случаях все работы проделывались заново). Артиллерийский офицер должен был приготовить необходимые боеприпасы, чтобы встретить и проводить монарха с придворными пушечными залпами. Самой популярной на тот момент в Париже трактирщице мадам Куаффье заказали поставить в Ратушу хлеб, вино и рыбу для пиршества; бакалейщику мэтру Иоахиму дю Пон — невиданное количество емкостей с разными вареньями и множеством свечей из белого воска (за вечер их меняли не раз). Все подготовительные работы велись под бдительным присмотром городских и придворных устроителей. Служащие дворца, муниципальные чиновники и горожане — все становились частями одного целого.

Поскольку король должен был танцевать в Ратуше впервые, что являлось небывалой честью для муниципалитета, парижские власти даже смирились с незапланированными расходами в 900 ливров, которые легли на их плечи. Семнадцатого февраля, незадолго до представления, посланец Людовика XIII сообщил им о том, что для постановки еще понадобится кое-какой реквизит⁵ (слон, верблюды, два мула и четыре попугая на человеческих ногах). Так как не было возможности доставить весь этот механический зверинец среди ночи из Лувра, пришлось заказать их копии у известного в Париже скульптора Мишеля Бурдена.

Самым хлопотным стал день представления — 24 февраля. Уже с утра была обеспечена охрана в залах, на Гревской площади воздвигли барьеры, чтобы оградить Ратушу от посторонних, ведь желающих посмотреть на придворный балет с участием короля было предостаточно. С четырех часов дня начали съезжаться приглашенные, среди которых были губернатор Парижа, самые красивые женщины столицы, в основном жены именитых горожан (советников, квартирнеров, членов Парламента, служащих и офицеров тюрьмы Шатле, начальников ополчения, видных коммерсантов). В ожидании короля гости не скучали: играла музыка, они танцевали. Погружая парижан в атмосферу придворного праздника до начала балетного представления, Людовик XIII еще больше располагал их к себе. Однако сам король задерживался, что, возможно, тоже было неслучайным: ожидание растягивало увеселение и копило нетерпение увидеть монарха и придворных танцующими на сцене. Наверняка для собравшихся лестной была сама мысль о том, что король будет танцевать не для придворной публики,

а для них, для тех, кто на сей раз стал избранной публикой. Не исключено, что члены магистрата и парламентарии, приглашенные на представление, в часы ожидания задавались следующим вопросом: что хочет сказать им король посредством придворного балета, неспроста же он решил дать его именно в этом месте и для этой публики? Ведь при Старом порядке придворный балет был средством общения монарха с подданными, проводником королевской воли.

О приезде Его Величества пушки возвестили лишь в четыре утра. Людовик первым делом извинился перед собравшимися за опоздание и спешно направился в свою костюмерную. Остальные, Гастон Орлеанский, двенадцать принцев и знатных придворных, пошли в предназначенные для них комнаты, где они могли переодеться.

Приготовившись к выходу, который должен был состояться в конце представления, король расположился в ложе городского старшины, откуда мог все видеть. Первые такты балетной увертюры зазвучали только в пять утра. Присутствующим заранее раздали маленькие книжечки со стихами и прозой, чтобы они могли разобраться в замысловатом сюжете действия ⁶, длившегося три часа. В финале балета на подмостках появился Людовик XIII, танцевальный номер которого сорвал бурные аплодисменты — воодушевление зрителей, увидевших короля на сцене, не знало пределов.

По окончании придворного балета, согласно традиции того времени, начался бал ⁷. Как правило, те его участники, которые только что танцевали в балете, не снимали своих сценических костюмов. Людовик XIII пригласил на бранль госпожу жену председателя Парламента. Во второй паре шли Месье с супругой купеческого старшины (еще один лестный жест, оказанный царствующим домом представителям третьего сословия), придворные кавалеры разделили между собой самых красивых горожанок. После бала состоялся банкет, который закончился к девяти часам утра.

Подобные увеселения, представления придворного балета, следовавшие за ними балы и банкеты, в которых участвовали не только король, его родственники и придворные, но и парижане, пускай и самые именитые, можно расценить, как трансформацию (или замену) некоторых устаревших средневековых ритуалов и церемоний, указывающих на единение монарха с подданными. А это значит, что придворный балет, сами представления и процесс подготовки к ним, помогал королю поддерживать традиционный образ отца народа в новой политической (становление абсолютной монархии) и социокультурной реальности.

На следующий, 1627-й, год в парижской Ратуше вновь была возведена сцена для венценосного танцора и его придворных. Новый придворный балет, представленный магистратам, назывался «Всерьез и гротескно» (еще один образчик буффонадного балета). Разница была лишь в том, что прологом к этому представлению служила уже не пушечная пальба, а фейерверк, что больше отвечало вкусам эпохи Барокко.

Если учесть всех причастных к подготовке балетного представления в XVII в., то мы получим настоящую «вавилонскую башню». Правда, вместо представителей разных национальностей и народов (хотя, помимо французов, над балетами работали и иностранцы, преимущественно уроженцы Апеннинского полуострова), это были выходцы из разных слоев городского населения и люди самого разного рода деятельности.

Около месяца парижане, в той или иной мере, были заняты одним делом и работали на один результат, что не могло не повлечь за собой чувство единения, как внутри городской среды, так и подданных вокруг своего монарха. И не ясно, что именно для парижских магистратов, буржуа, ремесленников, кондитеров и поваров являлось главным стимулом — исполнить приказ короля, тем самым, доставив ему удовольствие, или сделать все на высшем уровне, дабы в итоге самим насладиться зрелищем исключительной красоты? Полагаем, что и то, и другое являлось равнозначными стимулами для всех, кто был занят в процессе подготовки очередного придворного балета.

Если Людовик XIII, давая представления придворного балета в парижской Ратуше, руководствовался подобными соображениями, то это явно свидетельствует о прозорливости и политическом чутье монарха, личность которого многие историки до сих пор оценивают не так высоко, как она того заслуживает. Подобной логике следовали и его приемники — Анна Австрийская (1601—1666, регентша Французского королевства в 1643—1651 гг.), кардинал Мазарини и Людовик XIV. Тем более, что им пришлось заново завоевывать расположение парижан. Правда, главной балетной сценой в 50—60-х гг. XVII в. была уже не Ратуша, а театральные залы Пале-Рояль, Пти-Бурбона, Тюильри и Лувра (апартаменты короля, королевы-матери и Зал Карриатид). Таким образом, давая представления для городской публики в театральных залах королевских резиденций, монарх не сам приходил к парижанам, как это некогда делал его отец, а как бы приглашал их к себе, что можно расценить, как еще один подкупающий знак внимания к подданным со стороны королевской власти.

Однако не только в строптивых буржуа и горожанах короли Франции XVII в. видели угрозу своей власти: принцы крови и гранды — вот кого надо было отвлекать от мыслей о заговорах и интригах, причем в гораздо большей степени, чем представителей третьего сословия. Неслучайно граф де Бюсси-Рабютен, объясняя причины, толкнувшие его к написанию скандального произведения «Любовная история галлов» (1665), которое навлекло на него монаршую немилость, привел пословицу «праздность — мать всех пороков»⁸.

В 1661 г., со смертью кардинала Мазарини, до того момента державшего все нити власти в своих руках, Людовику XIV, 22-летнему королю, желавшему править самостоятельно, было необходимо укрепить свой авторитет и пресечь возможные попытки посягательства на свою власть. Тем более, что оппозиция была: возле трона находился человек, сюринтендант финансов Франции Никола Фуке (1653—1661), который претендовал на место покойного кардинала и не скрывал своих амбиций. За годы своего министерства Фуке, человеку обаятельному, образованному и талантливому, удалось создать многочисленную клиентскую и шпионскую сеть. К тому же, занимая должность генерального прокурора парижского Парламента, он оброс связями в главном суде королевства и был практически недосыгаем для правосудия короля. Среди современников Фуке слыл щедрым меценатом: он платил пенсии большинству ведущих артистов и писателей того времени. Желая снискать расположение грандов и придворных, министр устраивал для них увеселения и празднества. Однако он не учел того, что Людовик XIV больше не собирался мирить-

ся с положением одного из нескольких светил. Отныне у французского двора должно было быть лишь одно солнце — король.

Неслучайно вскоре за революционным заявлением Людовика XIV о желании править самостоятельно (10 марта 1661 г.) последовал отъезд двора в Фонтенбло, где король предложил своим придворным продолжительные увеселения и празднества. Они начались в конце апреля (а это значит, что Людовику XIV понадобилось примерно полтора месяца для организации дивертисментов) и продолжались все лето. Мадам де Лафайет, говоря о первых месяцах самостоятельного правления Людовика XIV, писала, что это было время «бесчисленных празднеств», когда «все думали только о развлечениях»⁹. Наглядный пример того, что не только выбор тем, но и времени для увеселений обуславливался политической необходимостью.

Одним из центральных событий пребывания двора в Фонтенбло летом 1661 г. стала постановка придворного балета «Времена года» (23 июля). «Это было самое приятное зрелище из всех когда-либо виданных»¹⁰, — писала мадам де Лафайет. Над балетом работали поэт Бенсерад, музыкант Люлли, хореограф Бошан и декоратор Вигарани — в последующее десятилетие этот творческий союз привел жанр придворного балета к небывалому ранее расцвету. Не стоит забывать, что у каждого балетного представления 60-х гг. XVII в. был еще один соавтор — король. Если Людовик XIII, принимая участие в создании балетов, сочинял музыку, продумывал хореографию, костюмы и декорации (в данном случае уместней говорить о реализации личностных потребностей монарха, большинство увлечений которого не было сопряжено с королевскими обязанностями), то его сын сосредотачивал свое внимание на выборе сюжета и распределении ролей.

Ни одна роль в придворных балетах самого Людовика XIV не была случайной, практически каждая из них отражала его понимание собственного репрезентативного образа, а значит и образа королевской власти, которую он воплощал. Как на сцене, так и в жизни. Ни товарищи по сцене, ни зрители никогда не забывали того, что перед ними танцевал король¹¹.

Так было и в случае с балетом «Времена года». Король только начал править самостоятельно. О серьезности своих намерений он уже сказал министрам и государственным секретарям, для чего выбрал наиболее подходящее место — заседание Государственного совета. Теперь королю предстояло обратиться к представителям двора, что он и сделал, прибегнув к помощи придворного балета — зрелища, язык которого хорошо был понятен королевскому окружению. В финале балета «Времена года», который, кстати, был поставлен не в театральном зале Парижа, а в саду Фонтенбло (Людовик сразу указал своему окружению на новые каноны придворных празднеств, перенеся их из столицы и театральных залов в сады загородных резиденций), король танцевал партию Весны.

С выходом на сцену короля (Весны), за которым следовали Игра, Смех, Радость и Изобилие, провозглашалось скорое наступление Золотого века¹². Авторы балета, естественно, связали это с именем Людовика XIV. Монарх давал понять принцам и грандам, что, потеряв право голоса в делах управления государством (ни один из них не вошел в Государственный совет; королева-мать, ранее заседавшая там,

была из него выведена — Людовик указал на удаление от государственных дел и представительниц слабого пола ¹³), они только выигрывали. Впереди их ждал Золотой век — нескончаемые празднества, развлечения и балетные постановки, на что указывали персонажи, сопровождавшие короля на сцене ¹⁴. И за доказательствами далеко идти было не нужно — двор уже на несколько недель погрузился в продолжительные увеселения. Людовик был честен со своим придворными: посулив им праздную и беззаботную жизнь рядом с собой (король прописал свой распорядок дня так, чтобы практически все время находиться в окружении своих родственников, придворных и слуг), он остался верен своему слову до конца правления.

В век Барокко подобное послание монарха, обращенное к придворным, по значимости можно было приравнять к королевскому эдикту. Однако не все восприняли (или не захотели воспринять) волю короля всерьез: 17 августа 1661 г. сюринтендант Фуке устроил в своем замке Во-ле-Виконт еще более великолепное и масштабное празднество для короля и шести тысяч приглашенных. Тем самым он как бы указывал на убожество «сельских забав», организованных Людовиком в Фонтенбло. Затмив увеселения короля, министр бросил ему вызов.

Тремя годами ранее Лафонтен уже предсказывал наступление Золотого века и царства Муз, но он связал это не с именем короля, а с именем сюринтенданта финансов, своего покровителя и патрона ¹⁵. Еще одним примером нарушения королевской монополии на определенные репрезентативные образы могут послужить интерьеры Во: Лебрэн, воспевая славу, силу, справедливость, милосердие владельца замка, изобразил Фуке в образах могущественного Геркулеса и покровителя искусств Аполлона (солнечный бог в резиденции министра был столь же вездесущ, как затем в Версале Людовика XIV). Прямо над постелью сюринтенданта Аполлон был изображен в окружении других олимпийцев — Юпитера, Нептуна, Юноны и Кибелы ¹⁶. А ведь король уже несколько раз выходил на балетную сцену в образах Аполлона и Солнца, что в принципе одно и то же.

Главной ошибкой Фуке было то, что в его замке античная мифология не имела никакого отношения к монарху: боги и легенды Древности не взывали к служению ему, как это можно было увидеть на примерах Медона, принадлежавшего Лувуа, и Со Кольбера — оба министра, обустроивая и декорируя свои резиденции, подчеркивали верность королю и воздавали хвалу величию французской монархии. Фуке, обращаясь к языку символов, хотел царить в репрезентативном пространстве наравне с королем, что и стало одной из причин его немилости. Сомнительными выглядят утверждения некоторых историков о том, что строительство Версаля и первые версальские празднества стали результатом ревности, которую якобы испытывал Людовик XIV после посещения Во-ле-Виконт. Однако отрицать значимости празднества в Во для развития культуры светских увеселений во Франции второй половины XVII в. тоже не стоит.

Прием в Во-ле-Виконт выигрышно отличался от скупых, а порой и вовсе аскетичных увеселений Людовика XIII. Празднества, организованные Анной Австрийской и Мазарини в 50-е гг. XVII в., сразу после Фронды, были милы и многочисленны, но Фуке, бросившему все силы на подготовку приема в Во и заручившемуся поддержкой

самых талантливых артистов и художников своего времени, было легко затмить их. Людовик XIV, из-за нехватки средств в казне королевства, еще не успел в полной мере продемонстрировать своего пристрастия к увеселениям.

Придворные, увидев в Фуке новое светило, потянулись к нему, невольно повернувшись спиной (или полубоком) к своему господину — королю. «Фуке, наш гений и мудрец, / Для всех французов образец»¹⁷.

«Небывалое празднество удалось на славу», — вслед за газетчиком Лоре писала мадам де Лафайет¹⁸. Причем, «небывалым» современница назвала празднество в Во, когда Фуке уже томился в Пинероле, а Людовик XIV организовал «Забавы волшебного острова»¹⁹.

В создавшейся опасной для короля ситуации ему необходимо было перехватить инициативу и одним арестом Фуке обойтись было трудно. Желая заставить свое окружение забыть о красотах Во, король решил не медлить с организацией новых дивертисментов. Образцом организованного им городского празднества стала Карусель 1662 г., официально приуроченная к рождению дофина (1 ноября 1661 г.) Была еще одна причина для проведения столь «грандиозного и прекрасного спектакля, который удивил публику количеством упражнений, новыми костюмами и разнообразными девизами»²⁰: монарху было необходимо ярко, по-королевски ознаменовать начало своего самостоятельного правления, свой персональный триумф. Въезд Людовика XIV и Марии-Терезы в Париж 26 августа 1660 г. скорее был апофеозом триумфа Франции, вступившей в эру мира, и дипломатической победы Мазарини. Людовик на этой церемонии был лишь символом триумфа, но не триумфатором. В Карусели 1662 г. король уже символизировал свой персональный триумф.

Меньше года прошло после приема в Во и на сей раз принцы и гранды были не очарованными зрителями, а непосредственными участниками масштабного представления. Как и в случае с придворным балетом, Людовик XIV сам распределил роли между своими родственниками и приближенными. «Пятого (и шестого. — М.С.) июня король организовал карусель, состоящую из пяти кадрили: кадрили Его Величества, кадрили его брата герцога Орлеанского, кадрили принца Конде, кадрили его сына герцога Энгиенского и кадрили герцога де Гиза», — перечислил главных участников действия Бюсси-Рабютен²¹. Монарх, являясь центральной фигурой празднества²², выбрал для себя символ солнца. «Я подумал, что, если не обращать внимания на некоторые мелочи, она (эмблема солнца. — М.С.) должна была символизировать в какой-то мере обязанности государя и постоянно побуждать меня самого выполнять их», — писал Людовик XIV²³. Каждый из участников Карусели имел свой герб и девиз, которые указывали на верность представителей второго сословия монарху. Творцом этого нового уклада в мире геральдики барочных увеселений и празднеств, полностью подчиненного желанию короля, был отец-иезуит Менестрие, крупный специалист в области геральдики.

Великолепные кавалькады воинов в замысловатых костюмах на лошадях, убранных не менее экстравагантно, проехали по улицам Парижа, дав возможность горожанам полюбоваться ими. Затем они въехали на площадь перед Тюильри, где на глазах пятнадцати тысяч

зрителей²⁴, расположившихся на специально сооруженных трибунах, развернулось основное действо. Карусель представляла собой не соревнование на ловкость и силу, подобно средневековым турнирам, а конный балет в духе Возрождения²⁵ — происходящее на ристалище напоминало спектакль, подчиненный строгому сценарию. Каждый участник действия, словно актер на сцене, имел свое место и хорошо знал свою роль. На полотне неизвестного художника, написанном в 1662 г., мы видим манеж, зрительские трибуны и участников Карусели, которые своим расположением напоминают танцоров на балетной сцене. В центре — король в костюме римского императора — золотом «античном» доспехе и золотом шлеме с фонтаном алых перьев²⁶.

В первый день «Забав волшебного острова» (7 мая 1664 г.), празднества, заставившего окружение Людовика XIV забыть о приеме в Во, и на долгие годы ставшего эталоном придворных увеселений (как для французского двора, так и для других дворов Европы), король галопировал перед королевами (официально дивертисмент был посвящен им), Луизой де Лавальер (тайной, но истинной хозяйкой празднества) и 600 приглашенными в костюме рыцаря Роже. Как и два года назад на «римском» доспехе монарха сверкали драгоценные камни, его отличала богатая отделка и шлем, увенчанный алыми перьями²⁷. Не менее экстравагантно были одеты и остальные участники представления. Людовик использовал девиз «Nec cesso nec ergo», окончательно закрепив его и символ солнца за собой (в 1662 г. перед городской публикой, в 1664 г. — перед придворной). Наверняка монарх помнил о том, что Фуке дерзнул использовать солнечную тематику в оформлении интерьеров своего замка. Сказать, что Людовик XIV взял реванш, было бы не совсем правильно; скорее он все расставил на свои законные места — единственным солнцем в королевстве мог быть только король.

На третий день празднеств (9 мая), во время представления балета из шести выходов «Дворец Альсины» роль Роже уже исполнял Бошан, вместе с ним на сцене танцевали мадемуазель Дюпарк в роли Альсины и другие актеры труппы Мольера. Король вместе с придворными на сей раз находился не на сцене, а в зрительном зале²⁸. Пригласив на первое версальское празднество²⁹ 600 чел. из своего окружения, Людовик сделал из них и участников праздничного действия, и зрителей.

В обоих празднествах, знаковых для первых лет правления Людовика XIV, балетное искусство играло одну из главных ролей. Оно задавало тон, подсказывало, как именно преподнести действо. Помимо конного балета с участием короля и придворных, устроенного в рамках дивертисмента 1664 г., приглашенные насладились балетом «Дворец Альсины» и двумя спектаклями в жанре комедии-балета. Помимо новой пьесы Мольера «Принцесса Элиды» (8 мая) драматург по приказу короля вновь сыграл «Несносных» (11 мая).

Впервые эта комедия-балет, с которой началась история жанра, была показана 17 августа 1661 г. в Во: тогда Мольер поставил ее по приказу Фуке, теперь — короля. Причем с тех пор драматург добавил в пьесу еще один персонаж, подсказанный ему монархом. «Я обязан, Ваше Величество, этим успехом (успехом пьесы. — М.С.), превзошедшим мои ожидания, не только милостивому одобрению, которым Ваше Величество с самого начала почтили пьесу и которое повлекло такое

громкое одобрение света, но и повелению прибавить еще один тип несносных, черты которого Ваше Величество имели снисходительность мне раскрыть и который всюду признан лучшей частью произведения. Надо признаться, Ваше Величество, что никогда и ничего я не создавал с такой легкостью и быстротой, как предуказанное мне Вашим Величеством для разработки место», — писал Мольер ³⁰.

Не исключено, что представление «Несносных», ставшее частью первого версальского праздника, нужно было Людовику XIV не только для того, чтобы развлечь придворных, но и напомнить им о печальной участи опального сюринтенданта, которая на тот момент еще не была определена. После трех лет расследования и попыток собрать доказательств против Фуке, приговор ему был вынесен только 20 декабря 1664 года.

В 1662 г. Людовик XIV писал: «Это общество удовольствий дает придворным почетную близость с нами, волнует и очаровывает их более, чем можно сказать... Тем самым мы привязываем их разум и сердце крепче, быть может, чем наградами и благодеяниями» ³¹. Предполагаем, что король, говоря эти слова, подразумевал не только балетные представления и дивертисменты, но и репетиции, предшествующие им. Ведь в них принимали участие не только актеры и музыканты, но также король, члены его семьи и придворные — исполнители главных ролей в балетных постановках. Важно не столько то, как проходили эти репетиции, а то, как они изменяли жизнь придворного общества и самого короля.

Французский двор жил по правилам, которые упорядочивали отношения между его обитателями, в первую очередь, между монархом и его окружением до переезда в Версаль (1682). В повседневной жизни этот неписанный кодекс позволял королю дистанцироваться от придворных (и остальных подданных), а порой напротив, быть более доступным для них. Если придворным надо было обратиться к монарху с личными просьбами, то они знали, когда и где это можно сделать. Также они знали, когда этого делать не следует, тем самым этикет в определенной степени страховал их от провала ходатайств.

Однако в период подготовки к очередному придворному балету или празднеству этикет словно забывался. Король, придворные и все остальные участники предстоящего представления (профессиональные танцоры, театральные актеры, музыканты, певцы — многочисленная и разношерстная группа людей, разнящихся между собой по положению, статусу и возрасту), на продолжительный отрезок времени, а репетиции порой шли по два месяца, жили без оглядки на церемониал. Причем распорядителем этого процесса, пускай и де-юре, являлся не король, а так называемый руководитель балетных репетиций ³². Монарх в данной круговерти был лишь одним из артистов, готовящихся к выходу на сцену.

С приближением дня премьеры число репетиций возрастало, порой до трех в день. Иногда они шли одновременно в нескольких местах замка, в котором на тот момент пребывал двор. Что касается Людовика XIV, то, когда ему доставалась сложная роль ³³, перед выходом на сцену он репетировал по многу раз ³⁴.

Сохранились свидетельства того, как Людовик XIV готовился к спектаклю. Самое раннее относится к 1651 г. — тогда Людовик впер-

вые танцевал перед публикой в придворном балете. По словам камердинера короля Дюбуа, готовясь к балетному представлению³⁵, монарх много репетировал, разучивая свою партию³⁶. Флорентийский посланник Пьетро Бонси писал, что в декабре 1656 г., в период подготовки к балету «Больная любовь», король всякий раз, как только выдавалась свободная минута, приказывал оставить его одного в комнате, чтобы он мог порепетировать³⁷.

В своем стремлении оттачивать танцевальную технику Людовик XIV ничем не уступал отцу. Так, согласно записям в журнале личного врача Людовика XIII Эроара, в 1616 г. 15-летний король репетировал перед балетом каждый день, и так продолжалось более месяца³⁸. Скорее всего, речь идет о «Балете освобождения Рено», который был поставлен в январе 1617 года. Данное представление примечательно тем, что король вышел на сцену с сольным номером, что свидетельствует о его хорошей танцевальной технике (иначе как объяснить то, что этот застенчивый юноша с множеством комплексов не побоялся какое-то время быть в центре зрительского внимания). Кроме того, «Балет освобождения Рено» послужил своего рода манифестом, провозглашавшим желание монарха избавиться от опеки королевы-матери и ее итальянского окружения. Людовик XIII понимал, что пришло время править самостоятельно, о чем он и сказал своим подданным посредством балетной постановки. Людовик XIV, для которого каждый придворный балет был проводником его политической воли, готовился к ним не менее тщательно.

Примерно за два месяца до каждого балетного представления все законы привычной жизни монарха и его окружения (подъем, обед, отход ко сну, церемониал и т.д.), за исключением утренней мессы, аннулировались³⁹. А там, где не было строгих рамок этикета, у придворных появлялась дополнительная возможность сблизиться с монархом, быть лишним раз замеченным им, вознагражденным кивком головы. А уж если в процессе репетиции король заговаривал с придворным... Подготовка к предстоящему балетному представлению, как и любое общее дело, сближала его участников, монарха и придворных, поскольку предполагала менее формальное и кодифицированное общение.

В «Версальском экспромте» (1663) Мольер представил на суд зрителей курьезную ситуацию, связанную как раз с репетицией спектакля. Драматург знал, что Людовику XIV и его окружению (пьеса была написана именно для придворной публики⁴⁰) была близка атмосфера театрального закулисья. Да и персонажами комедии в основном являлись комические и докучливые маркизы. В пьесе есть и король, правда, на сцене он не появляется. Достаточно того, что этот персонаж находился в зрительном зале, и к нему можно было обратиться со сцены. Мольер подчеркнул, что монарх понимал их, актеров, как никто другой.

Репетиции балетов влияли и на взаимоотношения Людовика XIV с представителями третьего сословия — например, с актерами парижских театральных трупп. В 60-е гг. XVII в. актеры, к которым еще недавно относились, как к людям второго сорта, стали не только постоянными участниками монарших увеселений, но и в определенном смысле коллегами короля — они делили с ним сцену. Репетируя с королем, видя его старания, усердие и результат, они проникались к нему уважением не столько как подданные к своему государю, сколько как к коллеге по цеху. Актеры видели в Людовике XIV истинного человека сцены.

Прежде всего, это касается труппы Пале-Рояль ⁴¹, актеры которой чаще остальных участвовали в придворных балетах. Кроме того, в постановках двух комедий-балетов Мольера танцевал и Людовик XIV, который оказывался на одной сцене с Жаном-Батистом. Можно предположить, что в период расцвета жанра комедии-балета актеры Пале-Рояль имели больше возможностей и поводов для общения с королем вне рамок придворного этикета, нежели большинство обитателей королевской резиденции. Особенно это касается директора труппы, у которого была еще придворная должность, позволявшая ему видеть короля ⁴². Репетиции придворных балетов, разговоры по поводу новых заказов и обсуждения спектаклей давали Мольеру достаточно поводов для общения с монархом.

В 1670 г. Людовик XIV ушел с балетной сцены, и придворный балет перестал быть средством репрезентации королевской власти. На смену ему пришли такие виды искусства, как архитектура, живопись, скульптура. Придворный балет уступил место другому королевскому жанру — музыкальной трагедии. Теперь хвалу правящему монарху воздавали постановки Люлли и Кино. Однако король не стал лишать придворных привилегии общения с ним вне строгих рамок этикета. Альтернативой репетициям балетных постановок стали Большие апартаменты — вечера, устраиваемые монархом для своего окружения три раза в неделю (чаще всего в понедельник, среду и четверг) в Версале, развлечения с фиксированным местом и временем, впрочем, как и вся жизнь короля во второй половине правления. Из писем мадам де Савинье известно, что традиция Больших апартаментов зародилась до переезда двора в Версаль. Так, в письме от 29 июля 1676 г. она описывала один из таких вечеров, при этом указав на возможность свободного доступа к монарху: «Я приветствовала Короля... который ответил мне столь же любезно, как если бы я была юной и красивой особой» ⁴³. Большие апартаменты проходили не только в Версале, но и в других королевских резиденциях — в Фонтенбло, Шамборе и Компьене. Таким образом, придворные три раза в неделю на несколько часов получали возможность находиться в обществе короля, при этом они не были скованы строгими рамками этикета.

Примечания

1. СЕН-СИМОН, герцог де. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Т. 2. М. 1991, с. 105.
2. SAINT-SIMON. Louis XIV vu par Saint-Simon. Le mémorial des siècles: Louis XIV. Paris. 1963, p. 198.
3. Людовик XIII захотел представить очередной буффонадный балет избранной столичной публике. Согласно либретто, действие происходит на балу, устроенном некой богатой вдовой из Бильбао. Немолодая дама, уверенная в своей неотразимости, становится предметом розыгрыша своих «друзей». Шутники уверяют ее в том, что пять королев со всех частей света (в XVII в. Австралию еще не открыли) оспаривают ее руку и сердце. В финале балета, после шутовского поединка «пяти королев», на сцену должен выйти король Франции в образе исполнителя серенад.
4. МАНЬ Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII. СПб. 2002, с. 121.
5. В Париж уже начала проникать из Италии мода на представления с декорациями.
6. Наверняка Людовик XIII считал язык буффонадного балета более приемлемым для непридворной публики. Тогда как героический балет с множественными ал-

- легориями на античную мифологию и рыцарские легенды мог только запутать магистратов и буржуа.
7. ROUCHER E. *Entre le bel estre et le paroistre: La danse au temps de Louis XIII. Regards sur la musique: Au temps de Louis XIII.* Wavre. 2007, p. 101.
 8. БЮССИ-РАБЮТЕН. Письмо герцогу де Сент-Эньяну. В кн.: БЮССИ-РАБЮТЕН. Любобная история галлов. М. 2010, с. 171.
 9. ЛАФАЙЕТ М.-М. де. История Генриетты Английской, первой жены Филиппа Французского, герцога Орлеанского. В кн.: ЛАФАЙЕТ М.-М. де. Сочинения. М. 2007, с. 203.
 10. Там же, с. 185.
 11. Например, Мария-Антуанетта намеренно создала в Версальском парке свою знаменитую ферму, где она могла бы играть «не королеву», а также театр Мари-Антуанетты в Малом Трианоне, на сцене которого ставились любительские постановки с ее участием. При этом остальные «актеры», друзья королевы, и зрители как бы сохраняли ее инкогнито. Таким образом, Мария-Антуанетта играла на сцене сразу две роли — персонажа пьесы и простой женщины, «не королевы».
 12. APOSTOLIDÈS J.-M. *Le roi-machine. Spectacle et politique au temps de Louis XIV.* Paris. 2008, p. 64.
 13. Людовик XIV помнил о роли, которую в событиях Фронды сыграли принцессы (Великая Мадемуазель, принцесса Конде, герцогиня де Лонгвиль и т.д.) и аристократки (герцогиня де Шеврез, ее дочь, мадемуазель де Шеврез, герцогиня де Монбазон и т.д.). Влияние же фавориток Людовика XIV распространялось лишь на двор, особенно маркизы де Монтеспан. Рядом с королем должна была быть женщина, исполнявшая обязанности хозяйки придворного общества. Королева Мария-Тереза в силу своих личностных качеств и недостаточного воспитания не могла справиться с этой непростой ролью. Скромница Луиза де Лавальер тоже не была создана для такого предназначения, даже после того, как стала официальной фавориткой короля и родила ему детей. Поэтому с 1661 по 1670 г. хозяйкой двора была Генриетта Английская, герцогиня Орлеанская, а после ее смерти — маркиза де Монтеспан.
 14. Не первый раз в царствование Людовика XIV посредством придворного балета говорилось о наступлении Золотого века. В 1654 г. в «Балете времени» король танцевал сначала Золотой век, затем — Весну. Обе роли послужили еще одним напоминанием, после образа Людовика Восходящего солнца в «Королевском балете ночи» (1653 г.), о конце беспорядков Фронды, наступлении эры благоденствия и процветания в королевстве.
 15. PETITFILS J.-C. Fouquet. Paris. 2005, p. 171.
 16. NÉRAUDAU J.P. *L'Olympe du Roi-Soleil: Mythologie et idéologie royale au Grand Siècle.* Paris. 1986, p. 174.
 17. Цит. по: МИШЕЛЬ Д. Ватель и рождение гастрономии. С приложением рецептов эпохи Людовика XIV, адаптированных Патриком Рамбуром. М. 2002, с. 79.
 18. ЛАФАЙЕТ М.-М. де. Ук. соч., с. 187.
 19. Правда, «История Генриетты Английской» была опубликована в 1720 г., через пять лет после смерти Людовика XIV.
 20. LOUIS XIV. *Mémoires. Manière de montrer les jardins de Versailles.* Paris. 2007, p. 171.
 21. BUSSY-RABUTIN, conte de. *Mémoires.* Paris. 2010, p. 274.
 22. Во время действия, развернувшегося на площади перед Тюильри, Людовик находился в центре сценического, а значит и репрезентативного пространства.
 23. LOUIS XIV. *Op. cit.*, p. 172.
 24. Французский историк Ф. Боссан удвоил это число: «Между Лувром и Тюильри сооружали скамьи и трибуны, вмещавшие 15 000 человек. Карусель продолжалась два дня: это составляет, если не ошибаюсь, 30 000 зрителей. Эта цифра соответствует приблизительно десятой части населения Парижа». БОССАН Ф. Людовик XIV, король-артист. М. 2002, с. 72.
 25. Жанр конного балета появился в конце XVI в. в Италии, «где турниру всадников аккомпанировала музыка, а с ней — пение, танец и декламация. Лошадей учили выступать под музыку, и танцмейстерам приходилось быть также наездниками и фехтовальщиками. Геометрические построения всадников слагались в фигурные танцы, а их маневры включали рысь и галоп, курбеты, кабриоли и прыжки. На

- обширных ристалищах, окруженных зрителями, кони и всадники претворяли в действие драматические сценарии». КРАСОВСКАЯ В.М. Западноевропейский балетный театр: Очерки истории: От истоков до середины XVIII века. М. 1979, с. 154. Во Франции первые конные балеты были поставлены при Генрихе IV. Так, в 1606 г. во дворе Лувра был показан конный «Балет четырех стихий».
26. О масштабе и красоте Карусели 1662 г. можно судить по многочисленным письменным и изобразительным источникам. «Великим и прекрасным зрелищем» назвал Карусель Людовик XIV. LOUIS XIV. Op. cit., p. 171. В 1670 г. король, очарованный этим празднеством, заказал Израэлю Сильвестру серию гравюр, посвященных ему. Великая Мадемуазель тоже писала о Карусели 1662 г. как о «самом красивом зрелище в мире». GRAND MADEMOISELLE, la. Mémoires. Paris. 2005, p. 464.
27. MASSON R. Les Plaisirs de l'Île enchantée. — Château de Versailles de l'Ancien régime à nos jours. 2011, № 1, p. 43.
28. GOULET A.-M. Les variations de la fête. Regards sur la musique: Au temps de Louis XIV. Textes réunis par J. Duron. Wavre. 2007, p. 101.
29. Некоторые исследователи первым версальским празднеством называют увеселения, устроенные королем для придворных в октябре 1663 года. Однако вряд ли их можно назвать дивертисментом в чистом виде, скорее это было обычное пребывание двора в одной из королевских резиденций во время охоты. Согласно «La Gazette» за 15 октября 1663 г. Людовик XIV прибывал в Версаль с королевами и дофином, где он организовал праздник, состоящий из представлений труппы Мольера. Цит. по: BEAUSSANT P., BOUCHENOT-DÉCHIN P. Les plaisirs de Versailles: Théâtre et musique. Paris. 1996, p. 27.
30. МОЛЬЕР. Несносные. В кн.: МОЛЬЕР. Полн. собр. соч. в одном томе. М. 2009, с. 271.
31. LOUIS XIV. Op. cit., p. 170.
32. В феврале 1654 г. в результате очередной реорганизации процесса подготовки придворных балетов на должность руководителя балетных репетиций был назначен некий Мишель Лежер. Позднее эти обязанности были поручены композитору Жану-Батисту Люлли, ставшему эталонным организатором балетных представлений и других придворных спектаклей.
33. Самые сложные хореографические партии в придворных балетах чаще всего распределялись между профессиональными танцорами, королем и немногими придворными, танцевальное мастерство которых не уступало умению профессионалов сцены.
34. LA GORCE J. de. Louis XIV et les compositeurs de son temps. Le prince et la musique: Les passions musicales de Louis XIV. Wavre. 2009, p. 106.
35. Мемуарист не уточнил, о каком именно балете идет речь. Но известно, что в тот год 12-летний Людовик танцевал в двух придворных балетах — в «Балете Кассандры» (26 февраля) и «Балете праздников Бахуса» (2 мая).
36. DUBOIS M. L'enfance et l'adolescence de Louis XIV racontées par ses valets de chambre Pierre de La Porte et Marie Dubois. Le mémorial des siècles: Louis XIV. Paris. 1963, p. 120.
37. LA GORCE J. de. Op. cit., p. 107.
38. ROUCHER E. Op. cit., p. 119.
39. BEAUSSANT P. Le Roi-Soleil se lève aussi. Paris. 2000, p. 172.
40. Впервые Мольер поставил «Версальский экспромт» 14 октября 1663 г. в Версале.
41. Людовик XIV редко приглашал на придворные увеселения и балеты актеров других театральных трупп Парижа, как, например, было в 1666 г. при постановке «Балета муз». Желая развлечь двор после долгого траура по королеве-матери, король организовал целую серию увеселений в Сен-Жермен-ан-Ле. Он заказал Мольеру, Бенсерату и Люлли балет из тринадцати выходов. Чтобы воплотить масштабный замысел в жизнь, были созданы все труппы столицы — Бургундский театр, Марэ, Пале-Рояль, итальянские и испанские актеры.
42. Должность королевского обойщика, доставшаяся Мольеру от старшего брата, давала ему право присутствовать при пробуждении короля.
43. SÉVIGNÉ, madame de. Lettres. Paris. 1976, p. 206.

Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 г.

П.А. Искендеров

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния сербо-албанских отношений в контексте межэтнических конфликтов на Балканах осенью 1913 года. На основе неопубликованных ранее архивных документов анализируются действия лидеров албанского национального движения и руководства Сербии, в том числе, по урегулированию противоречий в Косово. Особое внимание уделено роли великих держав, а также применимости интеграционных моделей в урегулировании сербо-албанского межэтнического конфликта.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Сербия, Албания, Косово, великие державы, конфликтология, интеграционные модели.

Abstract: The article is devoted to the Serbo-Albanian relations in autumn 1913 in the context of the inter-ethnic conflicts pattern. It is based on various unpublished archive documents. The author analyzes activities of the leadership of the Albanian national movement as well as Serbian government concerning Kosovo problem. Key attention is devoted to the role of Great Powers and the applicability of integration models towards Serbo-Albanian inter-ethnic conflict.

Key words: Russia, Balkans, Serbia, Albania, Kosovo, Great Powers, conflictology, integration models.

В конце октября 1913 г. в Белград стали поступать сведения о готовящемся новом вторжении на территорию Сербии албанских отрядов. В отличие от ситуации предыдущих месяцев, на сей раз оно планировалось в направлении Призрена и Дзяковицы, причем, по данным сербского правительства, в этих приготовлениях принимали участие австро-венгерские представители, доставлявшие албанцам оружие и боеприпасы¹.

Принимая во внимание эту информацию, сербское правительство премьера Николы Пашича приняло решение увеличить численность пограничных гарнизонов в указанных областях, а также обра-

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: turantz@land.ru.

Iskenderov Petr A. — MA, senior researcher of Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: turantz@land.ru.

тилось к дипломатическим представителям великих держав с заявлением о намерении дать самый решительный отпор в случае перехода албанцами сербо-албанской границы. Однако до серьезного вооруженного столкновения дело так и не дошло. По свидетельству военного министра Сербии, албанские отряды, предварительно занявшие позиции на албанском берегу Черного Дрина, после незначительной перестрелки с сербским пограничным постом у села Джелекушта отошли вглубь албанской территории ².

На заседании Контрольной комиссии 5 декабря 1913 г. по просьбе сербского правительства был поднят вопрос о сосредоточении албанцев в районе Дебара и Люмы. В результате обсуждения было принято решение обратиться по этому поводу с запросом к правителям Дурреса и Эльбасана. Одновременно члены Комиссии выразили мнение, что опасения сербской стороны являются преувеличенными, ибо после недавних жесточенных боев албанцы вряд ли предпримут новое наступление ³.

Однако в самой Албании ситуация от этого не становилась стабильнее. Красноречивая констатация содержалась в секретной телеграмме Петряева в Санкт-Петербург от 10 декабря 1913 г. касательно возможных способов формирования местных органов обеспечения правопорядка. Российский комиссар в международной Контрольной комиссии был категорически против того, чтобы «поручить устройство милиции местным муниципалитетам, состав коих, из находящихся во вражде элементов, лишь только увеличил бы опасность кровавых столкновений» ⁴. Он сообщал, что «вчера и сегодня комиссия совещалась с вернувшимися из поездки по Албании голландскими офицерами. По их мнению, теперешнее анархическое состояние Албании делает неотложной организацию жандармерии, которая могла бы быть образована в Валлоне и Скутари, как только будут даны средства. Они высказали также мысль о возможности образовать теперь же в виде первого опыта жандармский отряд для посылки на юг Албании. В этом смысле комиссией сформулировано тождественное предложение... Измаил Кемаль Бей сочувствует этой мере и готов помочь людьми и оружием» ⁵.

В середине декабря 1913 г. Эссад-паша сообщил Контрольной комиссии, что нет никаких оснований опасаться нападения албанцев на сербские гарнизоны в районе Дебара и Люмы, где в данное время ведет свою работу направленная им лично специальная комиссия для организации в указанных областях гражданской администрации ⁶.

Тем не менее, сербо-албанские отношения продолжали оставаться напряженными. Находившиеся в окрестностях Шкодера албанцы — уроженцы областей, отошедших к Сербии — отказывались возвращаться на родину без получения гарантий безопасности со стороны сербского правительства. В связи с этим Австро-Венгрия и Италия решили обратиться к кабинету Пашича с официальным представлением о необходимости обеспечения свободного доступа албанского населения на места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского совещания, которые предусматривали доступ албанцев на рынки Дебара и Джяковицы, а также равное положение албанцев с представителями других народов с точки зрения их гражданских прав. Это требование было также поддержано российс-

ким правительством с оговоркой, что албанцы, находящиеся на сербской территории, должны подчиняться законодательным положениям, установленным сербским правительством ⁷.

В соответствии с указаниями российского Министерства иностранных дел, Гартвиг имел специальную беседу с Пашичем, в ходе которой обратил внимание главы сербского кабинета на необходимость создания благоприятных условий для беспрепятственного возвращения албанских беженцев на родину. Со своей стороны, Пашич подчеркнул, что «сербское правительство не только не препятствует, а напротив оказывает всяческое облегчение возвращению иноплеменным уроженцам земель, отошедших к Сербии при условии, конечно, подчинения их установленным законоположениям, приравнивающим всех к коренным сербам» ⁸. Тем не менее, председатель Совета министров сообщил, что его правительство, в соответствии с указаниями России и в предупреждение возможного официального представления Австро-Венгрии, не замедлит подтвердить посредством телеграфных сообщений манифест короля Сербии о всеобщей амнистии, с изъятием, правда, «лиц, совершивших уголовные преступления и известных главарей, продолжающих поджигать албанцев к восстанию, как Болетинац, Риза-бей и другие» ⁹.

Но даже и в эти месяцы второй половины 1913 — первой половины 1914 г. власти Сербии не оставляли попыток установить взаимовыгодные контакты с отдельными влиятельными албанскими лидерами в интересах стабилизации обстановки и встречали позитивный отклик со стороны последних. Назначенный сербским консулом в Дуррес Симич в беседе с Петряевым весьма деликатно сообщил последнему 17 декабря 1913 г., что он «имеет доверительное поручение вступить с Эсад-Пашой в переговоры по вопросам, интересующим Сербию и Албанию» ¹⁰.

В этой связи представляет определенный интерес депеша Гартвига, отправленная за месяц до его вышеуказанной беседы с Пашичем, 4 ноября 1913 г., в которой, со ссылкой на только что полученные сербским правительством сведения говорилось о том, что «двое из наиболее выдающихся албанских главарей — Иса Болетинац и Риза-бей — заявили королевским пограничным властям, что они горят желанием жить в мире и согласии с сербами, к которым албанский народ питает доверие», объясняя недавнее албанское восстание подстрекательской деятельностью эmissаров Австро-Венгрии, «лживым обещаниям которой они более не поддадутся» ¹¹.

В данных обстоятельствах Эсад-паша, у которого установились близкие отношения с сербским генералом Дамьяном Поповичем, когда последний в период первой Балканской войны находился с сербским отрядом под Шкодером, направил делегацию из четырех албанских нотаблей в сопровождении сербского офицера, переодетого в штатскую форму, в Белград для секретных переговоров с сербским правительством ¹². После прибытия в сербскую столицу нотабли были приняты Пашичем, которому они заявили, что не признают находящееся во Влере правительство Исмаила Кемали, но и не желают иметь в качестве князя назначенного европейскими государствами принца Вильгельма Вида — ибо во главе Албании, большинство населения которой составляют мусульмане, должен стоять политический дея-

тель-мусульманин, чьи интересы они и собираются защищать; дав одновременно понять, что они имеют в виду в этом плане Эссад-пашу.

Пашич был крайне осторожен в своих высказываниях, стараясь не связывать себя конкретными обязательствами. Относительно избрания албанского князя глава сербского кабинета заявил, что этот вопрос находится в компетенции европейских держав, среди которых Сербия не имеет права голоса. Он заверил нотаблей в искреннем желании сербов жить в мире с соседними племенами и вручил им денежную помощь в размере 30 тыс. франков, с условием ее использования в целях установления порядка на сербо-албанской границе и оказания помощи албанским семьям, пострадавшим от действий сербских войск. 18 декабря 1913 г. нотабли, вполне удовлетворенные результатами переговоров, отбыли из Белграда ¹³.

Безусловно, развитие сербо-албанских отношений в бурные дни конца 1913 г. знало достаточно примеров непонимания, вражды, кровавого насилия. Соответствующие материалы, в частности, поступали в распоряжение делегатов Международной контрольной комиссии, начавшей работу в Албании в середине октября 1913 года. К чести делегатов — в том числе российского комиссара в Албании Петряева — они пытались объективно разбираться в сложившейся ситуации и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. 21 октября 1913 г. Петряев, в частности, весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющим здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей» — не подтверждая при этом официально конкретные факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-российских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить ко всем тем громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах ¹⁴.

Да и в целом различные албанские лидеры и вооруженные отряды боролись друг с другом — а заодно и с мирным населением — с не меньшим усердием, чем с сербами. Вот что писал в своей секретной телеграмме в российский МИД 26 октября 1913 г. российский комиссар Петряев: «Исмаил Кемаль боясь нападения со стороны Эссада сосредоточил у берегов Шкумбии около тысячи иррегулярный войск, состоявших из разбойников и башибузуков. Они предаются грабежам и насилиям. Окрестное население в панике» ¹⁵. А 5 декабря 1913 г. российский представитель в Контрольной комиссии телеграфировал, что «по сообщению командующего международным отрядом в Скутари (Шкодер. — П.И.) вследствие вендетты между албанскими беженцами и племенем шалья в его окрестностях начались кровавые столкновения. За последние дни убито 19 человек... Между малиссорскими племенами также вспыхнула вражда, приведшая к образованию отдельного правительства в Сан-Джиованни ди Медуа под главенством албанского главаря Ват-Мараша» ¹⁶.

Развитие сербо-албанских отношений в рассматриваемый период весьма осложнялось тем интересом, который проявляла в отношении вышеуказанных событий Болгария. Правящие круги этой страны вы-

нашивали планы расквитаться за недавнее унижение, полученное от сербов во второй балканской войне, и были готовы использовать для этого весь арсенал средств — от политико-пропагандистских до военных. По меткой характеристике российского историка М.А. Бирмана, «реваншистские настроения руководство страной подогревало с помощью беженцев с территорий Южной Добруджи, Македонии и Фракии, отошедших к соседним странам»¹⁷.

Что же касается возможных союзников Софии в новой балканской войне, то по негласным сведениям, полученным Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить контакты с албанскими лидерами в Дибре и Люме на предмет тайного направления болгарских офицеров в качестве инструкторов с целью организации добровольческих иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе¹⁸. Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством, болгарский кабинет предпринимал усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев, в связи с чем в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эмиссаров в крупнейшие центры Албании и, в особенности, в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта», слывущей в болгарской столице официозом¹⁹). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому — опять же по данным, сообщенным сербским правительством Гартвигу — предложил для обсуждения следующую программу:

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий с тем, чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны быть начаты не позднее, чем через шесть месяцев, по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы, со своей стороны, должны поставить под ружье не менее 30 тыс. человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы. В заключение болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том, что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

Тем не менее, Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией²⁰. Очевидно свою роль сыграли не только финансово-политические связи Эссада с Белградом, но и его объективная оценка расстановки сил на Балканах. Объединенный сербо-греческий фронт выглядел слишком сильным противником для объединенных албано-болгарских сил, тем более, что Белград и Афины связывало специальное межгосударственное соглашение (чего не

было в случае с Болгарией и Албанией). Еще 19 мая 1913 г. Сербия и Греция подписали приложенную к союзному договору секретную декларацию, в которой стороны зафиксировали, что ввиду «их специальных интересов на этих территориях Адриатического побережья», они решили поделить Албанию на сферы влияния. При этом сербской сферой была объявлена «территория к северу от линии, проходившей по течению реки Семан, Девол и вдоль горной цепи Камия, греческой — к югу от этой линии»²¹.

Следует отметить, что определенный вклад в создание у сербского правительства представлений о возможности реализации в ближайшем будущем всех внешнеполитических планов Сербии, включавших в себя образование единого югославянского государства, в которое войдет освободившееся от австро-венгерского господства население югославянских областей монархии Габсбургов, и которое будет иметь выход к Адриатическому морю, внесла деятельность российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига. На нее, вполне понятную, в силу испытывавшихся Гартвигом чувств искренней симпатии по отношению к сербам, но, тем не менее, создававшую определенные трудности для осуществления российской дипломатией более взвешенной и осторожной политики (в первую очередь, в том, что касалось сербо-албанских и сербо-австрийских отношений), справедливо указывал в своих воспоминаниях занимавший в то время пост министра иностранных дел России С.Д. Сазонов. Он подчеркивал, что существовавшие тогда в Сербии настроения патриотического подъема и близкого осуществления национальных идеалов были ему тем более понятны, что «тогдашний русский представитель в Белграде Н.Г. Гартвиг предпочитал выигрышную роль потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов, той, менее благодарной, но более соответствующей истинным интересам Сербии, которую он должен был играть в качестве русского представителя, ближайшей обязанностью которого было, жертвуя личной популярностью, предостерегать правительство и народ от опасных увлечений. Гартвиг истолковывал в Белграде русскую политику по-своему и тем крайне затруднял мою задачу, пока, наконец, политическое напряжение не достигло, во всей Европе, такого состояния, что возможность серьезных европейских осложнений, из-за вопроса об Албанском побережье, становилась все вероятнее»²².

Реальные возможности Гартвига оказывать заметное влияние в том или ином направлении на политику сербского руководства определялись не в последнюю очередь тем обстоятельством, что он имел очень близкие и дружественные отношения с Пашичем и со многими ответственными работниками Министерства иностранных дел Сербии. Что же касается его политических симпатий и привязанностей во внешнеполитическом плане, которые накладывали определенный отпечаток на реализацию им общей стратегической линии российского МИД, то они становятся понятными при изучении содержания его донесений и телеграмм, регулярно направлявшихся российским посланником в Санкт-Петербург.

На основании данных документов можно наглядно убедиться в безусловном доверии, которое испытывал Гартвиг как к самому главе сербского кабинета Пашичу и сообщаемым им сведениям, так и в

целом к политике возглавляемого им правительства старорадикалов. Он высоко оценивал опыт и выдержанность председателя Совета министров, которые, по его мнению, гарантировали от каких-либо неосторожных и непродуманных шагов со стороны Сербии в албанском вопросе, а сам Пашич заслуживал исключительного доверия не только в своей собственной стране, но и в европейских столицах ²³. Характерным для Гартвига в этом плане явилось его частное письмо Сазонову от 14 января 1914 г., в котором он заверял министра иностранных дел, что Россия может не опасаться каких-либо непродуманных действий Сербии во внешнеполитическом плане, в особенности в албанском вопросе, в котором «сербы очень осторожны и совсем подчиняются Вашим советам и указаниям» ²⁴.

Подобное отношение к Пашичу и возглавляемой им партии резко контрастировало с негативными оценками, которые российский представитель давал другим политическим партиям Сербии, считая их неспособными к какой-либо серьезной государственной деятельности, и, в особенности, с его крайне критическим отношением к албанскому населению и Албанскому государству ²⁵. Гартвиг называл албанские вооруженные отряды, действовавшие на территории Сербии, не иначе как «разбойничьими шайками», а самих албанцев — «диким восточным народом», который «не разбирается в дипломатической казуистике, а преклоняется лишь перед реальной силой»; в связи с чем, отрицательно оценивал образование автономной Албании, которую рассматривал как государство, подаренное «дикому племени», руководствующемуся в своих действиях «разбойничьими инстинктами» ²⁶.

Далекой от объективности была и оценка Гартвигом текущего состояния и перспектив развития сербо-болгарских отношений, вину за неблагоприятное развитие которых он целиком и полностью возлагал на болгарскую сторону в лице ее правительства (которое Гартвиг дословно именовал «софийские заправилы») и «шовинистской македонствующей печати», заверяя российское Министерство иностранных дел в том, что в правительственных, а также политических, общественных и военных кругах Сербии практически сразу после заключения Бухарестского мирного договора возобладали чувства глубокого сострадания и даже искренней симпатии к Болгарии и желание скорее установить между двумя государствами добрососедские отношения, в то время, как болгарское правительство стремилось к заключению противоестественного союза с «враждебной славянам Турцией» ²⁷.

Характерно, что высказывавшиеся Гартвигом нелицеприятные оценки перспектив дальнейшего развития Албании подчас аргументировано оспаривались на страницах российской прессы. Один из ведущих знатоков албанских сюжетов тех лет В. Викторов писал в декабре 1913 г. из Албании следующее: «Если коренная реформа социально-экономического строя Албании вырвет из рук беев их исключительные полномочия, если албанское крестьянство познакомится с прелестями работы не на беев, а на самих себя, если извне пришедшая революция модернизирует устои этой страны, то все те положительные качества, которые я видел у албанцев, быстро приведут их к полному национальному самоопределению и обеспечат за ними в будущем самостоятельное национальное существование» ²⁸.

Однако вернемся к предложениям российского представителя в Международной контрольной комиссии Петряева касательно тех мер, которые правительство Сербии должно было, по его мнению, предпринять в целях обеспечения защиты своей территории от новых албанских вторжений. После получения информации о них российский посланник в Белграде Гартвиг имел по этому поводу объяснение с Пашичем, который заявил, что «сербское правительство по опыту убедилось, что материальная помощь албанцам к сожалению редко удерживает их от предательской измены в удобную для них минуту, и не раз обращали они полученное от сербов оружие против славянского населения»²⁹. Тем не менее, продолжал Пашич, некоторые албанские племена в последнее время проявляют стремление установить добрососедские отношения с сербским населением, вследствие чего местные сербские власти уже распорядились о выдаче денежных пособий отдельным влиятельным байрактарам. Однако, заключил глава кабинета, сербское правительство все же полагает, что пограничные волнения и столкновения едва ли прекратятся без установления в Албании администрации и международной жандармерии³⁰.

17 декабря 1913 г. назначенный сербским консулом в Дурресе Симич прибыл к месту несения дипломатической службы, имея доверительное поручение Пашича вступить в непосредственные переговоры с Эссад-пашой по вопросам, представлявшим взаимный интерес. Одновременно при правительстве Измаила Кемали во Влере должен был получить аккредитацию прибывающий в этот город через несколько дней генеральный консул Гаврилович³¹. Таким образом, Белград стремился установить рабочие отношения с двумя главными и непримиримыми противниками на албанской сцене.

Однако накануне прибытия Симича в качестве консульского представителя в Дуррес Эссад-паша, после консультации с австро-венгерским консулом, издал специальное постановление о том, что все подданные балканских государств должны покинуть управляемую им территорию. Посетившему его Симичу Эссад-паша предложил подчиниться данному распоряжению, категорически заявив, что в случае отказа он не ручается за личную безопасность сербского представителя, после чего Симичу не осталось ничего другого, кроме как спешно покинуть Дуррес. По данным российского комиссара в Албании, такая позиция Эссад-паши, являвшегося фактически верховным правителем Дурреса, объяснялась тем обстоятельством, что он регулярно получал советы и инструкции от венского кабинета через находившегося в данном городе австро-венгерского консула, заручившись предварительно обещанием, что Дуррес станет местом пребывания нового албанского князя (против прибытия которого он и его сторонники, как говорилось выше, активно апеллировали к Белграду). Для Эссад-паши австрийская поддержка имела особое значение в условиях его продолжавшегося соперничества с Исмаилом Кемали, штаб-квартира которого находилась во Влере.

Однако, не желая, вместе с тем, обострения своих в целом позитивных отношений с белградским правительством (с которым он продолжал вести тайные переговоры через специально командированных агентов), Эссад-паша за несколько часов до отъезда сербского пред-

ставителя направил к нему свое доверенное лицо выразить сожаление по поводу случившегося и подчеркнуть, что данная мера, не носившая враждебного по отношению к Сербии характера, была вызвана объективными и не зависящими от самого албанского лидера обстоятельствами.

Разумеется, председатель «центрального» албанского правительства во Влере, узнав о действиях своего политического соперника, настоял на скорейшем приезде в город назначенного сербским правительством генеральным консулом Гавриловича. По прибытии во Влеру сербский дипломат был тепло встречен самим Исмаилом Кемали, выразившим свое удовлетворение тем фактом, что Гаврилович вручил ему верительное письмо за подписью Пашича, в чем он усмотрел столь важное для себя косвенное признание своего правительства иностранной державой³².

Однако вышеуказанные шаги сторон навстречу друг другу в духе определенных интеграционных моделей оказались недостаточными для эффективного и долгосрочного урегулирования сербо-албанских противоречий в силу их ограниченности и запоздалости.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»), проект № 14-01-00264.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 530, л. 189; д. 531, л. 386.
2. Там же, д. 530, л. 189.
3. Там же, д. 2908, л. 29.
4. Там же, ф. Канцелярия. 1913 г., оп. 470, д. 19, л. 42.
5. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 2105, л. 188.
6. Там же, д. 2908, л. 37.
7. Там же, д. 531, л. 428.
8. Там же, л. 430.
9. Там же.
10. АВП РИ, ф. Канцелярия. 1913 г., оп. 470, д. 19, л. 49.
11. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 530, л. 189—190.
12. Там же, д. 2908, л. 38.
13. Там же, д. 531, л. 449; д. 532, л. 55—56.
14. Там же, ф. Канцелярия. 1913 г., оп. 470, д. 19, л. 11.
15. Там же, л. 17.
16. Там же, л. 36.
17. Краткая история Болгарии. М. 1987, с. 306.
18. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2908, л. 30.
19. Там же, д. 515, л. 6.
20. Там же, д. 2908, л. 56.
21. За балканскими фронтами первой мировой войны. М. 2002, с. 51.
22. САЗОНОВ С.Д. Воспоминания. М. 1991, с. 94—95.
23. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2912, л. 13, 16. Следует, в частности, отметить, что именно Гартвиг предоставил российскому правительству самые надежные гарантии финансовой ответственности сербской стороны в вопросе о предоставлении кредита сербскому офицерскому обществу, оказавшемуся на деле несостоятельным в плане возврата денежных средств. Что же касается политических качеств самого Пашича, то, не умаляя его значительных заслуг в сербской истории,

нельзя не отметить, что его деятельность имела и целый ряд ошибочных и негативных сторон, в первую очередь, в сфере межнациональных отношений. Показательной в этом плане является данная им в уже упоминавшейся беседе со Сватковским 4 октября 1913 г. характеристика албанского и турецкого населения присоединенных к Сербии областей, которое, по его словам, отличается спокойствием и покорностью и, в силу указанных качеств, не может создать никаких затруднений для сербских властей. Там же, д. 2907, л. 3.

24. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 532, л. 21. Более того, российский посланник, комментируя итоги второй Балканской войны, прямо заявил, что «идея славянской солидарности, совершенно отсутствующая у болгар», «напротив проходит красной нитью через всю сербскую историю», оставляя в стороне даже такое сравнительно недавнее событие, как развязанная Белградом сербо-болгарская война 1885 года. Там же, д. 530, л. 134.
25. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2912, л. 24.
26. Там же, д. 530, л. 178, 188.
27. Там же, л. 134; д. 531, л. 252, 378; д. 532, л. 41—44, 69, 76.
28. Речь. 12.XII.1913.
29. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 531, л. 432.
30. Там же.
31. Там же, д. 2908, л. 53.
32. Там же, л. 57.

Российско-английские дипломатические отношения в период войны за австрийское наследство

Е.М. Собко

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития российско-английских дипломатических отношений в годы войны за австрийское наследство. Автор приходит к заключению, что в изучаемый период российско-английские отношения развивались в благоприятном направлении, что выразилось в подписании целого ряда соглашений. Это объяснялось отсутствием существенных противоречий между двумя странами и общностью позиций по ряду ключевых проблем войны за австрийское наследство. Россия стремилась войти в состав великих держав, и ее отношения с Великобританией в ходе войны за австрийское наследство были большим шагом вперед в этом направлении.

Ключевые слова: русско-английские дипломатические отношения, война за австрийское наследство, дипломатические отношения в XVIII в., международные отношения в Европе XVIII века.

Abstract. In the proposed article the author considers the main stages of the development of the Russian-English relations in the years of the War of the Austrian Succession. The author comes to the conclusion that during the period under study the Russian-English relations developed in the favorable direction. That was expressed in signing of a number of agreements. It was explained by lack of essential contradictions between two countries and a community of positions on a number of key problems of the War of the Austrian Succession. Russia sought to be a part of great powers, and its relations with Great Britain during the War of the Austrian Succession were a big step forward in this direction.

Key words: Russian-English diplomatic relations, the War of the Austrian Succession, diplomatic relations in the 18th century, European international relations in the 18th century.

С.М. Соловьёв писал, что благодаря реформам Петра Великого Россия вступила в «систему европейских государств»¹. По мнению А.И. Тургенева, первым шагом на пути полноправного участия России в общеевропейских делах было признание Анной Иоанновной Прагматической санкции императора Карла VI. До этого Россия «оставалась как бы вне цивилизованного мира». В царствование Елизаветы Россия «впервые по-настоящему вошла в число великих держав»². Историки до сих пор расходятся во мнениях, когда же действительно

Собко Елена Михайловна — кандидат исторических наук, профессор Московского государственного института культуры. E-mail: esobko@mail.ru.

Sobko Elena M. — Ph.D., professor of the Moscow State Institute of Culture. E-mail: esobko@mail.ru.

это произошло, неоспоримым является лишь тот факт, что именно в XVIII в. шло становление России как одной из ведущих европейских держав, и ее роль в международных делах постоянно росла. Изучение дипломатических отношений России с крупнейшими европейскими государствами помогает понять ее место и роль в общеевропейском «концерте». Это, в первую очередь, относится к годам крупных коалиционных войн, таких как война за австрийское наследство. Так например, изучение российско-английских отношений в указанный период помогает понять проблемы вхождения России в «систему европейских государств».

Несмотря на наличие ряда работ по истории российско-английских отношений в XVIII в.³, а также исследований, касающихся истории войны за австрийское наследство⁴, специально изучаемая тема рассматривалась лишь в диссертации М.В. Кумока⁵, посвященной российско-английским отношениям в 30—40-е гг. XVIII века. Следует отметить, что это серьезное исследование, значительную часть которого занимает изучение торговых отношений между двумя странами. Однако диссертация была защищена в 1987 г., и поэтому на ее содержание и выводы повлияли идеологические установки советского времени. Кроме того, с момента появления данной работы увидели свет новейшие исследования, в частности, посвященные роли английской дипломатии в годы войны за австрийское наследство⁶. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что необходимо проведение комплексного исследования с учетом достижений новейшей историографии. Оно должно сочетать изучение русско-английских дипломатических отношений в 40-е г. XVIII в. и исследование проблем истории войны за австрийское наследство.

Как известно, война за австрийское наследство началась с захвата в декабре 1740 г. прусским королем Фридрихом II Силезии — богатейшей провинции, принадлежавшей Габсбургскому Дому. В России в этот период внутривосточная ситуация была крайне нестабильной — только что умерла императрица Анна Иоанновна, власть перешла к Брауншвейгской фамилии. Тем не менее, в Петербурге активно обсуждалась ситуация в Европе, в российскую столицу прибыли с особыми указаниями министры Австрии, Англии и Саксонии — стран, желавших видеть Россию своей союзницей. Факт говорит сам за себя: позиция России в общеевропейском конфликте была важна для стран, участвовавших или заинтересованных в нем. Далее на всем протяжении войны за австрийское наследство мы можем проследить процесс «борьбы» за Россию со стороны практически всех европейских стран (естественно, речь идет о государствах, так или иначе связанных с военным конфликтом). Что касается России, то можно с уверенностью утверждать, что ее внутривосточная обстановка самым непосредственным образом влияла на внешнеполитический курс страны. Внутренняя нестабильность мешала выработке определенной внешнеполитической стратегии, а попытки иностранных держав повлиять на этот вопрос усугубляли положение. Единство взглядов отсутствовало еще до вступления на престол императрицы Елизаветы: А.И. Остерман выступал за поддержку Марии Терезии, Б.Х. Миних — за союз с Пруссией. С приходом к власти Елизаветы Петровны разногласия по поводу проведения внешнеполитического курса про-

должились. «Поскольку награда за обеспечение Российской помощи обещала быть очень весомой, — отмечает исследователь вопроса Браунинг Рид, — европейские государства принялись неумолимо завоевывать расположение императрицы и ее приближенных»⁷. В самом начале царствования Елизаветы большое влияние на императрицу оказывала так называемая «французская партия», главную роль в которой играл французский посол в Петербурге Ж.И. Шетарди. Используя свое личное обаяние, Шетарди завоевал расположение российской императрицы. Сторонниками развития российско-прусских отношений были лейб-медик императрицы И.-Г. Лесток и М.И. Воронцов, ставший с 1744 г. вице-канцлером. Что касается такой влиятельной фигуры в российских дипломатических кругах, как А.П. Бестужев-Рюмин (вице-канцлер, а затем канцлер правительства Елизаветы), то можно отметить, что в 1741—1743 гг. его позиция в отношении Пруссии была вполне лояльной. И в то же время Сирил Вейч, представлявший интересы Британии при русском дворе с июля 1742 г., писал, что поведение Бестужева «всегда оставалось неизменным, всегда было направлено к утверждению теснейшего союза морских держав с Россией»⁸. Бестужев, мастер интриги, в начале царствования Елизаветы, видимо, действовал в соответствии с российской внешнеполитической линией, направленной, в частности, на союз с Пруссией, а впоследствии стал открыто демонстрировать свои проанглийские симпатии. В дальнейшем он все больше проникался антипрусскими настроениями, став в итоге убежденным сторонником союза России с Австрией и Англией, можно сказать оплотом британских интересов при русском дворе. Елизавета довольно долго не могла решиться принять ту или иную сторону. Такова была расстановка сил в российских правящих кругах на начальном этапе войны за австрийское наследство.

Оценим позицию Великобритании в начавшемся военном конфликте. Великобритания не была заинтересована в поражении Марии Терезии — это бы нарушило европейское равновесие в пользу Франции и ее немецких союзников. Поэтому английский король Георг II (являвшийся одновременно курфюрстом Ганновера) настаивал на соблюдении Прагматической санкции⁹. В 1740—1741 гг. для европейских стран еще не были очевидны все масштабы развернувшейся войны, поэтому Великобритания рассчитывала на мирное ее завершение, выступая посредником на различных переговорах. Здесь ее позиция была близка к точке зрения, которой придерживалась Россия, также выступавшая за мирное решение прусско-австрийского конфликта. Российскому посланнику в Вене Людовику Ланчинскому предписывалось советовать Марии Терезии примириться с Фридрихом II. Британскому посланнику в Петербурге Э. Финчу в марте 1741 г. была послана специальная инструкция, в которой указывалось, что Великобритания стремится к восстановлению мира в Европе и поддерживает Марию Терезию, а вовлечение новых государств в конфликт недопустимо¹⁰. Как видим, на первом этапе войны Россия и Великобритания придерживались сходных взглядов на развитие военного конфликта в Европе. И, несмотря на многочисленные просьбы Марии Терезии об оказании военной помощи Австрии, и Россия, и Великобритания ограничились лишь дипломатической поддержкой австрийской монархии.

Сходство точек зрения на прусско-австрийский конфликт способствовало процессу сближения России и Великобритании, который наметился незадолго до начала войны за австрийское наследство. В 1738 г. «британская дипломатия повернула к поиску военно-политического союза с Россией...», и в 1739 г. в Петербурге начались переговоры о его заключении¹¹. Петербургский союзный договор был подписан 3 апреля 1741 года¹². Однако с приходом к власти императрицы Елизаветы внутривосточная ситуация изменилась, и 11 декабря 1742 г. был заключен новый — Московский союзный договор, повторявший в своей основе предыдущий. Исследователь А.А. Киселёв, признавая идентичность данных договоров, характеризует первый из них как «обычный субсидный договор, не выходящий за рамки традиционной субсидной политики Великобритании...»¹³. С такой точкой зрения трудно согласиться: «обычными субсидными» были договоры, заключенные во второй половине 1740-х гг., а, к примеру, Московский договор 1742 г. включал в себя статьи об оказании обеими сторонами помощи на случай войны, более того, в сепаратном артикуле трактата оговаривалось содействие в ходе настоящих войн (с Испанией и со Швецией), если союзники будут атакованы¹⁴. Таким образом, можно говорить о военно-политическом характере достигнутых договоренностей. Заключению русско-английского Московского договора предшествовали важные события, имевшие место в ходе войны за австрийское наследство. Прежде всего — это подписание 28 июля 1742 г. Бреславского мирного договора между Австрией и Пруссией на условиях передачи последней почти всей территории Силезии. Бреславский мирный договор ознаменовал собой окончание Первой Силезской войны. Однако никто в Европе не питал иллюзий по поводу мирного исхода событий: противники Австрии не оставили своих захватнических планов, сама же Империя вовсе не являлась «фантомом Габсбургского дома», как полагали ее враги, что показал дальнейший ход истории войны за австрийское наследство.

О важности позиции России в общеевропейском конфликте говорит тот факт, что английский посланник Сирил Вейч (так же, как и австрийский министр Антонио Ботта и прусский дипломат Аксель Мардефельд) развернул активную деятельность, направленную на то, чтобы Россия присоединилась к Бреславскому трактату. Дело это тянулось достаточно долго. Только 12 ноября 1743 г. Елизавета Петровна наконец-то подписала акт присоединения к Бреславскому договору¹⁵. Причиной его подписания явилось, на наш взгляд, то, что Россия все еще надеялась на мирный исход военного конфликта. Следует, однако, отметить, что, несмотря на присоединение к Бреславскому миру, Россия отказалась дать гарантии приобретенных Пруссией земель в Силезии. По мнению Сирила Вейча, причина завершения долгих переговоров заключалась в том, что прусскому послу Мардефельду удалось убедить императрицу в том, что Фридрих II был возмущен так называемым «делом Ботты»¹⁶. (Интересно, что в отечественной историографии факт присоединения России к Бреславскому договору либо замалчивается, либо упоминается как незначительное событие).

Как указывалось выше, в российских дипломатических кругах отсутствовало единство взглядов по вопросам проведения внешней

политики. Ситуация осложнялась тем, что Россия была связана союзными договорами с Пруссией (1740, 1743), Австрией (1726), Великобританией (1741, 1742) и Саксонией (1744). Эти страны находились в разных коалициях, и России нужно было сделать свой выбор.

В августе 1744 г. Пруссия нарушила Бреславский договор, возобновила войну с Австрией и вторглась в Саксонию. России, наконец, необходимо было занять четкую позицию по вопросам проведения внешней политики. 3 октября 1745 г. было принято окончательное решение: оказать Саксонии военную помощь. Таким образом, в октябре 1745 г. Россия сделала свой выбор: решение оказать помощь Саксонии означало переход России в лагерь врагов Пруссии. Главной причиной определения четкого внешнеполитического курса явилось, на наш взгляд, осознание опасности, исходившей от Пруссии.

Определившись со своей внешнеполитической стратегией, Россия в 1746 г. подписала договор с Австрией, а в 1747 г. начались активные контакты с Великобританией, выразившиеся в подписании субсидных конвенций. В июне 1747 г. была заключена русско-английская конвенция, предусматривавшая содержание 30-тысячного российского корпуса в Прибалтике, вблизи границы, за 100 тыс. фунтов стерлингов в течение 1747 года¹⁷. Чтобы понять смысл и этих конвенций, рассмотрим военно-дипломатическую ситуацию, сложившуюся к этому времени в ходе войны за австрийское наследство. После подписания Дрезденского мира 1745 г. военные действия в Европе не прекратились: мир был подписан между Австрией, Саксонией и Пруссией, но война продолжалась на западе. Здесь боролись Австрия, Англия и Голландия — с одной стороны, Франция и Испания — с другой. В 1746 г. активные военные действия велись между австрийскими, английскими и французскими войсками в австрийских Нидерландах. И никто не мог дать гарантию, что честолюбивый прусский король вновь не вмешается в войну, нарушив Дрезденский мир, как он это сделал, проигнорировав Бреславский мирный договор. Об антипрусской направленности июньской субсидной конвенции 1747 г. писал английский статс-секретарь по северным делам лорд Ф. Честерфильд в письме к лорду Хиндфорду. Он подчеркивал, что «в настоящее время есть большое основание предполагать, вследствие разных симптомов, что король прусский действительно готовится нарушить мир...» Поэтому при первых же враждебных действиях со стороны Фридриха II российский корпус, находившийся на границах Лифляндии и Курляндии, должен быть послан туда, «куда будет направлен удар этого государя»¹⁸.

В ноябре 1747 г. между Россией, Англией и Голландией была подписана новая конвенция, согласно которой российское правительство обязывалось за 300 тыс. фунтов стерлингов ежегодно посылать на Рейн «для службы на Мозеле или в Нидерландах» на 2 года еще 30-тысячный корпус войск. В декабре 1747 г. была возобновлена конвенция о содержании 30-тысячного российского корпуса на прибалтийских границах в 1748 году¹⁹. Результатом подписания ноябрьской субсидной конвенции явилось то, что в январе 1748 г. тридцатитысячный российский корпус (некоторые исследователи называют цифру 35 тыс. человек) под командованием князя В.А. Репнина двинулся через Польшу и Богемию к Нидерландам. Российский корпус

не дошел до театра военных действий из-за позиции Франции, которая хотя и оценивала критически российское войско, однако же поспешила подписать в апреле 1748 г. прелиминарный мир с Англией и Голландией, по условиям которого предусматривался отзыв из Фландрии французских войск, действовавших против англичан, в ответ на недопущение туда российского корпуса. Таким образом, подписание Россией субсидных конвенций с Англией в 1747 г. повлияло на ход войны за австрийское наследство. Все эти соглашения имели значение для прекращения военных действий в Европе.

Таким образом, на протяжении всей войны за австрийское наследство российско-английские отношения развивались в благоприятном направлении, что выразилось в подписании целого ряда соглашений, самыми действенными из которых были субсидные конвенции 1747 года. Между Россией и Великобританией не было существенных противоречий, а в ходе войны за австрийское наследство обе страны придерживались сходных взглядов на многие проблемы — их объединяла общность позиций на начальном этапе войны, а также враждебность к Франции на завершающей стадии военного конфликта. Россия стремилась войти в состав великих держав, и ее отношения с Великобританией в ходе войны за австрийское наследство были большим шагом вперед в этом направлении. Именно в рассматриваемый период Великобритания признала Россию империей. «Силу этой гигантской восточной страны, показавшей свое превосходство над Швецией, стали теперь ощущать и в Версале, и в Лондоне»²⁰.

Примечания

1. СОЛОВЬЁВ С.М. Политика России во время войны за австрийское наследство. СПб. 1867, с.1.
2. ТУРГЕНЕВ А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб. 2005 (СПб. 1907), с. 33, 133.
3. АЛЕКСАНДРЕНКО В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. 1. Варшава. 1897; КУМОК М.В. Русско-английские отношения в 30—40-х гг. XVIII в. (1738—1750). Дисс. канд. ист. наук. М. 1987; ЛЮБИМЕНКО И.И. Россия и Англия в первой половине XVIII века. Л. 1952; LODGE R. An Episode in Anglo-Russian Relations during the War of the Austrian Succession. Transactions of the Royal Historical Society 4th ser., 9 (1926), p. 63—83; EJUSD. Lord Hyndford's Embassy to Russia, 1744—1749. — The English Historical Review. 1931, vol. 46, issue 181, p. 48—76; issue 183, p. 389—422; EJUSD. Russia, Prussia and Great Britain, 1742—1744. — The English Historical Review. 1930, vol. 45, p. 579—611; EJUSD. Studies in Eighteenth Century Diplomacy (1740—1748). London. 1930; EJUSD. The First Anglo-Russian Treaty, 1739—1742. — The English Historical Review. 1928, vol. 43, p. 354—375.
4. АЛЕКСЕЕВА М.Н. Английская дипломатия в годы войны за австрийское наследство. 1740—1748. Дисс. канд. ист. наук. Смоленск. 2005; ЕЕ ЖЕ Англо-австрийские отношения и Россия во время войны за австрийское наследство. В кн.: Священная Римская империя, Германия и Россия в европейских конфликтах Нового времени. М. 2012; АРДАБАЦКАЯ А.М. Из истории борьбы с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. — Ученые записки Саратовского университета. Т. 66. Саратов. 1958, с. 116—163; БЕРЕЗНЯКОВ Н. Борьба России с Фридрихом II. — Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия ист. наук. 1939, № 36, вып. 3, с. 124—144; ЕМЕЛИНА М.А. Российско-прусские отношения во внешнеполитической «системе» А.П. Бестужева-Рюмина (1741—1750). Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2006;

- ИВОНИН Ю.Е. Отношение прусской дипломатии к России в начале войны за австрийское наследство. — Вестник Удмуртского Университета. 2011, вып. 1, с. 68—74; КИСЕЛЁВ А.А. Великобритания в войне за Австрийское наследство (1740—1748 годы). — Вестник Волгоградского государственного университета. 2006, сер. 9, вып. 5, с. 10—15; ЛИШТЕНАН Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство, 1740—1750. М. 2000; СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч.; ANDERSEN M.S. The War of the Austrian Succession. 1740—1748. L.-N.Y. 1995; BROWNING REED. The War of the Austrian Succession. N.Y. 1994; MEDIGER W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum Europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig. 1952.
5. КУМОК М.В. Ук. соч.
 6. АЛЕКСЕЕВА М.Н. Ук. соч.; КИСЕЛЁВ А.А. Ук. соч.
 7. BROWNING REED. Op. cit., p. 141.
 8. С. Вейч к Картерету, 8 июля 1742 года. Сборник Русского Исторического Общества (Сб. РИО). Т. 99. 1897, с. 9.
 9. У Карла VI Габсбурга не было детей мужского пола, и еще в 1713 г. им был принят закон о престолонаследии — так называемая «Прагматическая санкция». Согласно этому документу, обширные владения Габсбургов (Австрия, Богемия, Венгрия, Южные Нидерланды, земли в Италии) должны были оставаться нераздельными. Санкция была принята ввиду отсутствия и у императора, и у его умершего старшего брата наследников. Согласно этому закону, устанавливался порядок, по которому престол в случае отсутствия у императора сыновей переходил к его будущим дочерям. Право наследования престола перешло к старшей дочери Карла — Марии Терезии.
 10. Гаррингтон к Э. Финчу, 17 марта 1741 г. Сб. РИО. Т. 91. 1894, с. 21—24.
 11. КУМОК М.В. Русско-английские отношения в 30—40-х гг. XVIII в. (1738—1750). Автореф. канд. дисс. М. 1987, с. 6, 11.
 12. МАРТЕНС Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IX(X). Трактаты с Англиею. СПб. 1892, с. 93—112.
 13. КИСЕЛЁВ А.А. Ук.соч., с. 11.
 14. МАРТЕНС Ф.Ф. Ук.соч., т. IX (X), с. 117—133.
 15. Там же, т. V. СПб. 1880, с. 353—356.
 16. Вейч к Картерету, 21 сентября 1743 года. Сб. РИО. Т. 99. 1897, с. 414; О «Деле Ботты» или «Лопухинском деле» см.: СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч, с. 25.
 17. МАРТЕНС Ф.Ф. Ук.соч., т. IX (X), с. 146.
 18. Сб. РИО. Т. 103. СПб. 1897, с. 363 — 364.
 19. МАРТЕНС Ф.Ф. Ук.соч., т. IX(X), с. 147—172.
 20. BROWNING REED. Op. cit, p. 367.

Судьба «корейского Фёдора Раскольниковова» Ли Сан Чо

И.Н. Селиванов

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и деятельность Ли Сан Чо — посла Северной Кореи в Советском Союзе в 1955—1956 гг., который после XX съезда КПСС стал критиком режима Ким Ир Сена. Являясь официальным представителем своей страны в Советском Союзе, он выступил против проводимой Корейской Народно-Демократической Республикой внутренней и внешней политики. Осенью 1956 г. Ли Сан Чо обратился за помощью в ЦК КПСС к Никите Хрущёву, а потом с открытым письмом к Ким Ир Сену, которое часто сравнивают с письмом советского дипломата Фёдора Раскольниковова Сталину в 1939 году.

Ли Сан Чо отказался возвратиться в Северную Корею, был исключен из рядов партии и остаток жизни прожил в Советском Союзе.

Ключевые слова: история Северной Кореи, советско-северокорейские отношения, внутрипартийная борьба в Северной Кореи, Ли Сан Чо, Ким Ир Сен.

Abstract. The article describes the life and work of Ri Sang-jo — North Korea's ambassador to the Soviet Union in 1955—1956, respectively, which, after the Twentieth Party Congress became a critic of the regime of Kim Il Sung. As an official representative of his country in the Soviet Union, he spoke out against the ongoing North Korea's domestic and foreign policy. In the fall of 1956 Ri Sang-jo turned for help to the Central Committee Nikita Khrushchev, and then an open letter to Kim Il Sung, which is often compared with the letter of the Soviet diplomat Fedor Raskolnikov Stalin in 1939.

Ri Sang-jo refused to return to North Korea, was expelled from the party and the rest of his life he lived in the Soviet Union.

Key words: history of North Korea, the Soviet-North Korean relations, inner-party struggle in North Korea, Lee Sang Cho, Kim Il Sung.

Состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС оказал большое влияние не только на Советский Союз, но и на другие государства, составлявшие «социалистический лагерь». Не стала исключением и Северная Корея, где, под воздействием критики культа личности внутри правящей партийно-государственной элиты возникло оппозиционное течение. Одной из ярких его фигур был посол в Советском Союзе Ли Сан Чо, не побоявшийся выступить против внутренней и

Селиванов Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор Курского государственного университета. E-mail: ivan13117@yandex.ru.

Selivanov Igor N. — doctor of historical sciences, professor of Kursk State University. E-mail: ivan13117@yandex.ru.

внешней политики высшего партийного и государственного руководителя — Ким Ир Сена, обратившись к нему с открытым письмом.

Ли Сан Чо родился в 1916 г., с 16 лет участвовал в антияпонской партизанской борьбе на территории Северо-Восточного Китая, где проживала большая корейская община. После освобождения советскими войсками в августе 1945 г. Северной Кореи от японцев он прибыл в Пхеньян и стал принимать активное участие в становлении режима «народной демократии».

В сентябре 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Главой правительства и правящей Трудовой партии (ТПК) стал приехавший из Советского Союза бывший капитан Красной Армии Ким Ир Сен. Уже тогда стал формироваться, не без участия советских консультантов, культ его личности, а местными пропагандистами фальсифицировалась, в угоду молодому лидеру, история корейского революционного движения. Обиды за незаслуженное забвение своих заслуг многими представителями местной элиты (Ли Сан Чо не был исключением) накапливались, и нужно было лишь время и подходящий повод, чтобы они выплеснулись наружу.

В годы войны 1950—1953 гг. Ли Сан Чо находился на ответственных должностях в Корейской Народной Армии (КНА), в том числе выполнял «спецзадания» Ким Ир Сена в Китае. В конце войны в звании генерал-лейтенанта он был утвержден начальником разведывательного управления КНА.

Летом 1953 г. Ким Ир Сен назначил Ли Сан Чо главным делегатом от КНДР в комиссии по разграничению противостояния сторон по 38-й параллели, работавшей в Кэсоне.

Скорее всего, у лидера КНДР возникли подозрения относительно лояльности Ли Сан Чо, который по собственной инициативе изучил особенности проведения на территории Кэсона аграрной реформы и направил по этому поводу Ким Ир Сену свои критические замечания. В 1954 г. его решили отправить послом в Москву. Такой способ избавления от потенциальных «смутьянов» периодически применялся и в других странах социализма, включая Советский Союз.

Сложно сказать, как бы дальше сложилась судьба этого деятеля, но наступила новая эпоха. Вскоре после окончания XX съезда КПСС Ли Сан Чо, вероятно, после предварительного согласования своих шагов с Москвой и Пекином, решил бросить открытый вызов Ким Ир Сену и его сторонникам в руководстве партией и государством.

На состоявшемся в конце марта 1956 г. Пленуме ЦК ТПК был заслушан отчет партийной делегации, посетившей XX съезд КПСС, и до его участников было доведено содержание секретного доклада Н.С. Хрущёва. Информация была «принята к сведению», но отнюдь не в качестве «руководства к действию», по крайней мере, со стороны группировки Ким Ир Сена.

В конце апреля 1956 г., во время работы III съезда ТПК, формально одобрявшего решения XX съезда КПСС¹, Ли Сан Чо направил в президиум пхеньянского форума два письма, в которых предлагал обсудить проблему культа личности, а также сделал ряд критических замечаний в адрес Ким Ир Сена. Естественно, обсуждать эти предложения не стали и даже публично их не озвучили. По другим

сведениям, Ли Сан Чо предложил внести в Устав партии положения об осуждении культа личности и о коллективном руководстве, но его предложения были отвергнуты ².

Более того, на съезде произошла стычка Ли Сан Чо с одним из заместителей Ким Ир Сена в партии — Ким Чан Маном — предложившим освободить «смутьяна» от занимаемой должности. Конфликт удалось на время замять благодаря заступничеству симпатизировавшего оппозиционеру главы Верховного Народного Собрания Ким Ду Бона ³. Ли Сан Чо был даже избран кандидатом в члены ЦК ТПК, оставлен в прежней должности и возвратился в Москву для продолжения исполнения своих обязанностей.

Произошедшее на съезде ТПК поставило в сложную ситуацию Л.И. Брежнева, только что возвратившегося в высшую советскую партийную номенклатуру. Хрущёв поручил ему возглавить делегацию КПСС на пхеньянском партийном форуме ⁴. Речь Брежнева была опубликована в советской печати, и внимательные наблюдатели заметили, что в ней не упоминался культ личности ⁵.

Однако не все было так однозначно, о чем наглядно свидетельствует письменный отчет по итогам поездки. В нем Леонид Ильич, явно с подачи местных оппозиционеров, сумевших проинформировать высокопоставленного советского партийного чиновника о ситуации в стране в нужном для себя ключе ⁶, обрушился с критикой на Ким Ир Сена, обвинив того в серьезных ошибках, а отчетный доклад и выступления в прениях определил как не проникнутые «духом XX съезда» ⁷.

Естественно, до северокорейского посла доходила подобного рода информация, и он решил прозондировать ситуацию как в Пхеньяне, так и в Москве. Такая возможность у него появилась 11 мая, когда Ким Ир Сен собрал совещание послов КНДР в странах социализма и сообщил, что во время своего предстоящего визита в Советский Союз будет просить льгот по кредитам и аннулирования части долговых обязательств. Через десять дней о том же заявил на другом дипломатическом совещании министр иностранных дел Нам Ир.

Возвратившийся 30 мая в Москву Ли Сан Чо получил возможность встретиться с заместителем министра иностранных дел СССР Н.Т. Федоренко и проинформировать того о намерениях Ким Ир Сена. Он также сообщил советскому дипломату о саботаже в КНДР вопроса о культе личности, фальсификации подлинной истории корейского революционного движения, неоправданном возвеличивании личности Ким Ир Сена и других, с его точки зрения, «неприглядных» явлениях ⁸.

Одним из показателей похолодания в двусторонних отношениях стало освещение поездки Ким Ир Сена по странам социализма в средствах массовой информации СССР. О его первом приезде в Москву по пути в ГДР стало известно из небольших сообщений в центральных советских газетах. Так, в номерах «Правды» и «Известий» от 5 и 8 июня 1956 г. появилась информация о том, что делегацию КНДР встречали и провожали на Центральном аэродроме первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.И. Микоян и посол КНДР в СССР Ли Сан Чо ⁹. 5 июня, судя по информации в «Правде», Ким Ир Сена принял глава Советского правительства Н.А. Бул-

ганин. Ли Сан Чо участвовал в этой встрече в качестве сопровождающего лица.

На следующий день Ким Ир Сена приняли в ЦК КПСС как «находящегося в Москве проездом» партийного лидера дружественного социалистического государства. В беседе Ким Ир Сена и сопровождавших его членов северокорейской делегации с Хрущёвым, Микояном и Брежневым, «проходившей в сердечной дружественной обстановке», Ли Сан Чо также принимал участие ¹⁰.

На сегодняшний день не представляется возможным точно сказать, велись ли в тот момент какие-либо двусторонние переговоры по конкретным вопросам или это была всего лишь «транзитная» остановка. Тем более, что в те дни в Москве с большим размахом принимали, в формате официального визита, «ревизиониста» Тито, а Ким Ир Сен никоим образом не выражал симпатий в отношении «враждебной» Югославии.

В «Правде» от 9 июня появилось сообщение ТАСС о том, что «недавно» советское правительство пригласило правительственную делегацию КНДР посетить СССР и что на это приглашение северокорейской стороной был дан положительный ответ. Скорее всего, Ким Ир Сен вначале не планировал «официальное» посещение СССР, но затем по каким-то причинам изменил свои намерения.

!6 июня посол КНДР был принят заведующим Дальневосточным отделом И.Ф. Курдюковым и проинформирован о положении в стране, сложившемся накануне зарубежной поездки Ким Ир Сена. Курдюков поинтересовался, насколько различается материальное положение населения на севере и юге Кореи. Ли Сан Чо честно ответил, что «экономическое положение на Юге несколько лучше, чем на Севере». Причем, исходя из его собственных наблюдений во время исполнения дипломатических обязанностей, материальное положение рабочих в КНДР на порядок ниже, чем в Советском Союзе ¹¹.

Сказанное северокорейским послом вполне соотносилось с той информацией, которую изложил Брежнев. Скорее всего, именно в эти дни он как раз и составил свой отчет в ЦК КПСС по поводу поездки на III съезд ТПК ¹².

Второе, уже «официальное», пребывание северокорейской делегации в Москве в средствах массовой информации СССР также было отражено значительно скромнее, чем, например, проходившие почти в одно с ним время визиты камбоджийского политического деятеля Нородома Сианука, а также иранских шаха и шахини, отстаивавших в политической жизни своих государств ярко выраженные антикоммунистические позиции ¹³.

Правда, ситуацию наверняка разрядило сообщение, что в день приезда Ким Ир Сена в Москву в пхеньянской газете «Нодон син-мун» был опубликован текст постановления ЦК КПСС «О культуре личности и его последствиях» ¹⁴.

Ли Сан Чо, снова участвовавший во всех официальных церемониях и организовавший 12 июля в здании посольства КНДР официальный прием по случаю завершения поездки ¹⁵, решил дальше действовать так, как ему подсказывала политическая интуиция и накопленный дипломатический опыт. Вероятнее всего, к самим переговорам Ким Ир Сена с лидерами СССР, в ходе которых северокорейский

лидер услышал нелицеприятные оценки о ситуации в своей стране, его не допустили.

По сведениям, содержащимся в архивных документах МИД СССР, 16 июля, то есть спустя ровно месяц, Ли Сан Чо вновь встретился с Курдюковым и во время беседы критично отозвался о ситуации внутри КНДР и лично Ким Ир Сене. Слышать в этом ведомстве такие оценки главы зарубежного дипломатического представительства о руководителе своего государства доводилось не часто, нужны были дополнительные разъяснения. Поэтому 9 и 11 августа произошли встречи с Курдюковым, в ходе которых Ли Сан Чо пошел еще дальше, заявив о необходимости отстранения Ким Ир Сена от руководства. Место нового лидера, по его мнению, должен был занять член Президиума ЦК ТПК Цой Чан Ик¹⁶. Здесь уместно вспомнить, что этот политик вскоре после окончания XX съезда КПСС встречался в Пхеньяне с советником посольства СССР С.Н. Филатовым и достаточно откровенно высказывал критические замечания в отношении ситуации, сложившейся внутри ТПК. У советского дипломата сложилось впечатление о его лояльности Москве, о чем он тут же сообщил в МИД, оттуда его письменный отчет поступил на Старую площадь¹⁷.

Оптимизм в Ли Сан Чо наверняка вселяло то обстоятельство, что к тому времени при советском участии были отстранены от руководства ярые сталинисты — глава правящей в Венгрии Партии трудящихся М. Ракоши, руководитель компартии Греции Н. Захариадис и понижен в должности глава правительства Болгарии и бывший руководитель ее компартии В. Червенков.

Некое подобие попытки смещения Ким Ир Сена «внутренними силами» было предпринято на созванном 30 августа 1956 г. пленуме ЦК ТПК, в повестке которого стоял отчет северокорейской делегации о поездке в страны социализма. Оппозиционерам своей цели добиться не удалось, а некоторые из них — заместители главы правительства Цой Чан Ик и Пак Чан Ок, министр торговли Юн Гон Хым, глава Центрального совета корейских профсоюзов Сэ Хви, начальник управления строительных материалов при Кабинете министров Ли Пхир Гю и др. — были выведены из состава руководящих органов партии или вообще исключены из нее¹⁸. Из посольства СССР в КНДР 31 августа и 1 сентября поступили тревожные телеграммы за подписью главы представительства В.И. Иванова об итогах пленума ЦК ТПК и о его встрече с Ким Ир Сенем, проинформировавшим советского дипломата о кадровых перестановках в высших эшелонах северокорейского руководства¹⁹.

Спустя три дня после завершения работы августовского пленума, Ли Сан Чо составил личное послание на имя Хрущёва, в котором попросил ЦК КПСС напрямую вмешаться во внутренние дела ТПК. Рассмотрим содержание этого во всех отношениях любопытного документа²⁰.

Вначале письма Ли Сан Чо выразил надежду, что Хрущёв уже получил сообщение из Пхеньяна, в котором содержалась информация о «серьезных событиях», «серьезных ошибках и промахах», которые имели место в деятельности ТПК. Речь шла об обстоятельствах созыва августовского пленума. Его созыв, писал корейский посол,

был обусловлен тем, что в руководстве ТПК некоторые товарищи указывали Ким Ир Сену, «в порядке товарищеской критики», на промахи и недостатки в руководстве партией и государством. Тот, однако, не посчитался с их мнением. Тогда вопрос и был вынесен на рассмотрение Пленума ЦК, в ходе которого «развернулась суровая партийная критика» по следующим основным вопросам.

1. О культе личности Ким Ир Сена.

2. О карьеристах в рядах ТПК и ее руководства, «которые под воздействием культа личности фальсифицировали историю нашей Партии».

При этом, по его мнению, выступавшие с критикой преследовали только одну цель: «ликвидировать негативные последствия культа личности в нашей Партии, обеспечить полностью в соответствии с Уставом нашей Партии внутрипартийную демократию и коллективность в руководстве». Однако, с горечью констатировал Ли Сан Чо, сторонники Ким Ир Сена «расправились с теми, кто смело и по партийному выступал с критикой направленной на ликвидацию последствий культа личности и устранения серьезных недостатков в нашей Партии». Несколько человек, «имевших богатый опыт революционной борьбы», были выведены из состава ЦК и его Президиума, что, в итоге, создало внутри ТПК «серьезное и сложное положение».

В таких условиях, считал Ли Сан Чо, когда внутри ТПК «не обеспечивается внутрипартийная демократия», становится невозможным исправить выявленные недостатки «внутренней силой» и предотвратить их дальнейшее негативное развитие.

Далее он высказал ряд собственных предложений, которые просил «серьезно рассмотреть».

1. Командировать в Корею «ответственного руководителя» ЦК КПСС для созыва пленума ЦК ТПК, в работе которого должны были принять участие и ранее исключенные из его состава на августовском пленуме.

2. На пленуме «более глубоко и всесторонне» рассмотреть положение внутри ТПК и «выработать конкретные меры, направленные на устранение недостатков в нашей Партии».

3. В случае невозможности реализации первых двух предложений, «пригласить в Москву ответственных представителей ЦК Трудовой Партии и исключенных товарищей, которые вместе с членами Президиума ЦК КПСС рассмотрят сложившееся положение в Трудовой Партии и выработают конкретные меры по устранению недостатков в Партии».

4. В случае невозможности реализации третьего пункта, рекомендовать ЦК КПСС направить в адрес ЦК ТПК «письменное обращение, в котором было бы изложено существо вопроса».

Подобное товарищеское замечание, считал северокорейский посол, «было бы более эффективным, если бы к нему присоединился ЦК Китайской Компартии»²¹.

Понимая, что личной встречи с советским лидером добиться будет очень трудно, Ли Сан Чо, продолжая оставаться действующим главой дипломатического представительства, обратился в МИД СССР с просьбой о приеме одним из его руководителей. Выбор снова пал на Федоренко. Кроме того, к беседе решили подключить специалиста,

еще более компетентного в делах Кореи, — советника Дальневосточного отдела МИД Б.Н. Верещагина.

Во время аудиенции, состоявшейся 5 сентября, Ли Сан Чо обратился с просьбой передать рассмотренное нами выше послание о положении в ТПК Хрущёву в связи с состоявшимся в августе пленумом ЦК. При этом он добавил, что если Хрущёва сейчас нет в Москве, то он просил бы передать его заявление Микояну. Скорее всего, северокорейский посол был хорошо осведомлен, что этот советский руководитель при Хрущёве фактически исполнял обязанности «теневого министра иностранных дел» и специального представителя по самым щекотливым делам, связанным с разрешением «кадровых проблем» в странах «социалистического лагеря». Тем более, что посол Иванов во время встречи с Ким Ир Сенем еще 24 марта 1956 г. передал тому пожелание Микояна посетить Пхеньян ²².

В центральных советских газетах появлялись заметки о том, что Микоян находился в Венгрии как раз в те дни, когда был освобожден от должности М. Ракоши ²³. Естественно, у Ли Сан Чо могли возникнуть соответствующие ассоциации: если Микоян сумел «решить» кадровый вопрос в Будапеште, почему то же самое не повторить в Пхеньяне?

В ходе беседы с Ли Сан Чо Федоренко также выразил надежду, что ЦК КПСС и ЦК КПК «помогут» Трудовой партии Кореи в сложной обстановке, создавшейся в результате проведения руководством ЦК ТПК «поспешных и неоправданных репрессий против товарищей, выступивших с критикой».

Ли Сан Чо спросил советского дипломата, верна ли информация о том, что ЦК КПСС передал через посла СССР в КНДР Иванова Нам Иру указание, запрещающее критиковать Ким Ир Сена ввиду того, что это повредило бы его авторитету и «означало бы критику политической линии ТПК». На вопрос Федоренко, когда и где Нам Ир говорил о таком указании, Ли Сан Чо ответил, что Нам Ир на заседаниях президиума и на пленуме ЦК ТПК ссылался на наличие таких указаний. Заместитель министра иностранных дел СССР заявил, что ему «ничего не известно о подобном указании ЦК КПСС» ²⁴.

В ходе аудиенции Ли Сан Чо с возмущением рассказывал, что Нам Ир и заместитель председателя ЦК ТПК Пак Ден Ай «обманым путем» использовали имя ЦК КПСС для того, чтобы оказать содействие Ким Ир Сену и Цой Ен Гену «в расправе с товарищами, выступившими с критикой руководства ЦК ТПК». Он добавил, что в партии «сложилась обстановка угроз и террора». Например, Пак Ы Вану Ким Ир Сен сказал, что против него имеется много компромата по поводу растраты бюджетных средств и обещал дать ход уголовному расследованию этого дела, если тот продолжит выступать против него.

Ли Сан Чо рассказал и о том, что, по его информации, в ходе работы августовского пленума его участниками было признано, что в стране имели место «некоторые проявления» культа личности в пропагандистской работе, но одновременно было заявлено, что никаких вредных последствий это явление в Корее не имело. По мнению Ли Сан Чо, высказанному Федоренко, такая оценка «резко противоречит фактам». В КНДР аресты проводились даже в том случае, если

изображения Ким Ир Сена были низкого качества, были случаи ареста за то, что, например, человек обернул книгу в газету, в которой была напечатана фотография Ким Ир Сена. И это были далеко не единичные случаи, по таким делам арестовывались тысячи людей. Все это, подчеркивал Ли Сан Чо, «говорит о наличии в КНДР самых отрицательных последствий культа личности».

Корейский посол также проинформировал о том, что уже получил второй по счету вызов в Пхеньян. Он хотел бы возвратиться на родину через Китай, но не знал, как там «посмотрят на такую просьбу». Он осознавал, что в Пхеньяне его «ждет расправа», так как по указанию Ким Ир Сена «за любой поступок к каждому гражданину может быть применена любая мера наказания вплоть до расстрела при наличии показаний двух свидетелей»²⁵.

На вопрос Федоренко о времени отъезда, Ли Сан Чо сказал, что «намерен подождать до выяснения отношения ЦК КПСС к его заявлению»²⁶. Скорее всего, такой пассаж означал, что Ли Сан Чо хотел подстраховаться: если в СССР ему по каким-то причинам откажут в убежище, не желая из-за него ссориться с Ким Ир Сеном, то защиту он найдет в Китае, когда расскажет о творящемся на его родине беззаконии.

Федоренко дал обещание направить письмо Ли Сан Чо по назначению. Понимая, что Хрущёву в тот момент было не до приемов, тем более на таком уровне, подлинник письма корейского посла он отправил Микояну, который должен был вылететь в Пекин во главе партийной делегации для участия в работе VIII съезда КПК. Во время пребывания в Пекине тот планировал обсудить положение в Корее с Мао Цзэдуном, также выражавшим недовольство ситуацией в Северной Корее.

На следующий день Федоренко вместе с прилетевшим из Пхеньяна послом Ивановым принял участие в специально созванном заседании Президиума ЦК КПСС, в ходе которого они проинформировали о создавшейся ситуации. Было высказано предложение партийной делегации КПСС во время пребывания в Китае «серьезно поговорить» с ее руководителями о происходящем в КНДР, а также «продумать ответ» послу КНДР Ли Сан Чо и сообщить послу КНР в Москве о том, что в Пекине предполагается соответствующий «обмен мнениями». Предлагалось «обдумать и подготовить проект указаний, как вести делегации в беседах с китайцами и корейцами»²⁷.

Выполняя решение Президиума ЦК, 10 сентября заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарёв, который также был включен в состав партийной делегации на VIII съезд КПК, принял Ли Сан Чо. К тому времени северокорейский посол отправил личное послание на имя Мао Цзэдуна и поэтому в беседе с Пономарёвым попросил, чтобы две братские партии совместно разобрались в ситуации внутри КНДР и помогли ее руководителям «исправить нынешнее ненормальное положение» в Трудовой партии Кореи. По информации Ли Сан Чо, Ким Ир Сен ввел в заблуждение руководство КПСС, поскольку во время последнего визита в Москву согласился с правильностью высказанных а его адрес замечаний, но по возвращении в Пхеньян «стал действовать наоборот».

В свою очередь Пономарёв заметил, что в Москве встревожены всем происходящим в Северной Корее и что делегация КПСС во

время пребывания в Пекине на VIII съезде КПК «имеет поручение обсудить этот вопрос с корейской делегацией и побеседовать с китайскими товарищами о положении в ТПК»²⁸.

В первые дни нахождения делегации КПСС в Пекине состоялись как минимум две встречи с Мао Цзэдуном, и было принято решение о направлении в Пхеньян, без получения оттуда хотя бы формального приглашения, совместной советско-китайской партийной делегации²⁹. Ее возглавили Микоян и министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай, командовавший в период корейской войны китайскими «добровольцами».

Перед китайской делегацией, по всей видимости, Мао Цзэдуном была поставлена задача — попытаться прозондировать почву для отстранения Ким Ир Сена от руководства партией и государством и подыскать ему замену, устраивавшую как Москву, так и Пекин. Причем, судя по всему, у Пекина было намного больше претензий к Ким Ир Сэну, чем у Москвы.

Следует отметить, что Микоян в таком «деле» был не случайный человек, поскольку в начале апреля 1956 г. участвовал, совместно с китайским представителем Чэнь Юнем, в исправлении «перегибов», обнаруженных в деятельности Партии трудящихся Вьетнама. Тогда представители КПСС и КПК настояли на «оргвыводах» за ошибки, допущенные при проведении в северной части Вьетнама аграрной реформы, но в высшем руководстве они коснулись лишь генерального секретаря ПТВ Чыонг Тиня, занимавшего в местной иерархии приблизительно такое место, на каком в КНДР находился Цой Ен Ген. Главного лидера, Хо Ши Мина, согласившегося с рекомендациями московских и пекинских гостей, «оргвыводы» не затронули.

Перед поездкой в Пекин и Пхеньян, судя по сохранившимся архивным материалам, Микоян кроме отчета Брежнева, выписки из дипломатического дневника Федоренко и письма Ли Сан Чо на имя Хрущёва затребовал для ознакомления еще ряд материалов. В частности, это были: отчет Ким Ир Сена на августовском пленуме о работе правительственной делегации КНДР, посетившей братские страны, и о «некоторых очередных задачах нашей партии»; переведенное с китайского языка письмо члена ЦК ТПК Со Хуэя и «других трех товарищей» в адрес ЦК КПК; проект выступления Юн Кон Хэма на августовском пленуме; поступивший в МИД СССР из посольства в Пхеньяне текст решения пленума ЦК ТПК «Об антипартийной, сектантской деятельности Пак Ир У», а также список лиц, представших перед чрезвычайным военным трибуналом КНДР 3—6 августа 1953 года³⁰.

Нам не удалось выяснить, имел ли Микоян возможность познакомиться с содержанием других документов, в тот период поступивших в ЦК КПСС из КНДР. Например, с письменными отчетами советских дипломатов из посольства в Пхеньяне о встречах с уже упоминавшимся Пак Чан Оком, с другим оппозиционно настроенным деятелем, ответственным работником Кабинета министров Ли Пхир Гю, с придерживавшимся прокимирсеновских взглядов министром иностранных дел, выходцем из советской фракции Нам Иром³¹.

Как нам представляется, даже и без этой информации, Микоян был достаточно хорошо подготовлен к поездке в Пхеньян. Судя по

тому, что в июне-июле он участвовал во всех проходивших встречах, а также проводах Ким Ир Сена, он мог вести с ним какие-то переговоры или консультации, но прямого подтверждения данному факту нам пока найти не удалось.

Приняв участие в нескольких заседаниях президиума ЦК ТПК, а затем и в срочно созванном 23 сентября пленуме, посланцы Хрущева и Мао Цзэдуна поняли, что они не смогут навязать Ким Ир Сэну свою позицию. Участники пленума высказали поддержку своему лидеру и, в качестве компромисса, обещали восстановить исключенных в августе из партии и ЦК оппозиционеров, а также признать «поспешность» своих действий³².

Спустя неделю, в главной северокорейской партийной газете «Нодон Синмун» появилось сообщение о восстановлении в партии и возвращении к руководящей работе исключенных на августовском пленуме оппозиционеров. Правда, постановление сентябрьского пленума так и не было в полном объеме опубликовано, вопреки договоренности, достигнутой между Микояном, Пэн Дэхуаем и Ким Ир Сеном.

Ким Ир Сен устоял. Более того, еще в большей степени укрепил свои позиции в руководстве партией и государством и начал готовить новые расправы с неугодными³³. Для Ли Сан Чо подобный результат поездки советско-китайской делегации означал политическую смерть.

Последним «хлопком дверью» в сторону оппонента стало его письмо, датированное 19 октября 1956 года³⁴. Знакомые с его приблизительным содержанием специалисты проводили аналогию с открытым письмом Ф.Ф. Раскольникову И.В. Сталину, обнародованным в 1939 г. в русской эмигрантской печати, а в Советском Союзе получившим широкий резонанс в период перестройки, благодаря публикации в журнале «Огонек» с комментариями известного историка В.М. Поликарпова³⁵.

Ниже мы приводим текст письма Ли Сан Чо с сохранением авторской орфографии и пунктуации и попробуем выяснить, насколько такое сравнение соответствует действительности.

«Товарищу Ким Ир Сэну!

Мне хочется напомнить Вам, что в результате грубого попира-ния внутрипартийной демократии и преследований честных коммунистов в стране создано такое положение, которое делает невозможным мое возвращение на Родину, хотя я с другими товарищами вел в течение 25 лет борьбу за освобождение родины и народную власть.

В связи с этим считаю необходимым написать Вам открытое письмо, в котором попытаюсь изложить свои соображения.

Что касается внутрипартийного вопроса, то прошу, Вас, серьезно рассмотреть мое письменное заявление, адресованное ЦК Трудовой Партии, и которое выслано в Пхеньян³⁶.

Заранее хочу сказать, что при необходимых условиях постараюсь сделать мое заявление, изъяв оттуда все материалы, строго относящиеся к секретным, достоянием других братских партий. Такой шаг будет продиктован тем, чтобы братские Партии были информированы о положении в Трудовой Партии Кореи.

Конечно, я этого не желаю, но в интересах Партии хочу с позиций коммунистических принципов решить все наболевшие вопросы.

В обстановке, когда власть сосредоточена в руках немногочисленных людей и когда она проявляет свои свойства во всех областях государственной и партийной жизни, фактически становится невозможным путем внутрипартийной демократии устранить серьезные недостатки в партийной работе. Думаю, что, Вы, не будете отрицать этот факт.

Во имя достижения несправедливых целей руководство партией использует печатные органы Партии и ее организации всех ступеней и подвергает преследованиям честных коммунистов. Об этом напоминаю, чтобы Вы трезво оценили создавшееся положение внутри Партии. Если, Вы, займете правильную принципиальную позицию в решении партийных вопросов, то не поздно устранить серьезные ошибки в нашей партийно-государственной работе.

Прошу, Вас, еще раз глубже и всесторонне рассмотреть товарищеские замечания, сделанные ответственными представителями КПСС и КПК накануне сентябрьского Пленума ЦК в Пхеньяне. Вы, правда, пытаетесь скрыть от партийной массы этот факт. Но, как Вам известно, в Пхеньяне почти все знают об этом.

Вам следовало бы знать, что ваши несправедливые действия заставляют многих товарищей из нашей Партии и братских Партий задуматься над создавшимся положением в Корее. Мы все должны с горечью признать тот факт, что в результате нарушения коммунистических принципов подорван международный авторитет Трудовой Партии.

Вам следовало бы также знать, что в сообщениях о Корее, публикуемых на страницах печати братских Партий, все больше стараются не связывать достижения нашей страны с именем Ким Ир Сена. Почему так поступают? Да, потому, что несколько похвальных слов, сказанных в адрес нашей Партии, немедленно используется как оружие для подавления критических замечаний отдельных товарищей и как политический капитал, чтобы заглушить голос против культа личности.

С помощью власти, которая сосредоточена в руках подхалимов и тов. Ким Ир Сена, в стране создана атмосфера страха и голого подчинения, в условиях которой ныне живут коммунисты и весь народ. Во что все это обошлось, Вы, сами хорошо знаете. В настоящее время в Пхеньяне даже кадровые работники избегают между собой встречи, так как боятся.

Тов. Ким Ир Сен! Надо же понять, что крайне несправедливо, когда пытаются методом давления сохранить произвол и беззакония. Если так, Вы, думаете, то это — большая ошибка. Метод давления и насилий в партийной работе несовместим с коммунистическими принципами, выработанными в международном рабочем движении. Вы, также знаете, что история развивается в соответствии с объективными законами общественного развития.

Как показывают исторические опыты, несправедливость, в том числе, беззаконие могут с помощью власти приобретать окраску справедливости на определенное время. Но пройдет некоторое время, и история вынесет все эти несправедливости на осуждение общественного мнения. Часть товарищей, боровшихся в годы японского господства в самой Корее, ныне занята расследованием дела об убийстве одного товарища, который после освобождения Кореи сразу был Пред-

седателем партийного комитета провинции Канвон. Его труп был обнаружен вблизи Пхеньяна под снегом весной следующего года. Известно, что он выступил на одном собрании против переоценки революционной деятельности тов. Ким Ир Сена, а после собрания был убит. Нужно выявить до конца организатора и убийцу этого товарища. Мы также знаем, что сейчас ищут тех товарищей, которые в свое время без вести пропали.

Методом террора расправляются эксплуататорские классы. Сколько человек, которые выступили против Ким Ир Сена в свое время, осталось в живых? Тов. Пак Ир У тоже хотели убрать с пути, но к счастью, с помощью зарубежных друзей он спасен. Этот факт не для кого не составляет тайну. В ходе нынешней внутривластной борьбы также применялись недопустимые бессовестные методы борьбы и создавали всевозможные наговоры против тех, кто выступил с критикой культа личности. Все мы знаем, что члены семьи тов. Юн Гон Хыма, Сэ Хви, Ли Пхир Гю, которые ныне находятся в Китае, подвергаются преследованиям. Пора положить конец этому позорному факту. Я лично требую этого. Тов. Ким Чан Хым, находившийся на излечении в Москве, немедленно был вызван в Пхеньян только из-за того, что он имел смелость бросить несколько критических товарищеских замечаний по адресу тов. Ким Ир Сена. До его приезда в Пхеньян, уже успели отобрать автомашину, закрепленную за ним, а с его квартиры сняли телефон. После августовского Пленума по указанию самого тов. Пак Кым Чера из квартир были выселены тов. Цой Чан Ик и Пак Чин Ок.

Все эти факты показывают насколько беспочвенны обвинения, выдвинутые против тов. Цой Чан Ика, Гон Хыма, Сэ Хви, Пак Чан Ока и Ли Пхир Гю, Эти обвинения касаются их личной жизни, их биографических данных и т.д. Я требую, чтобы положили конец этому позорному факту.

По собственному опыту знаю, что ваши обвинения ложные. Вы знаете хорошо, что против меня также выдвигаются подобные обвинения. Об этом можно судить из телеграммы, полученной мной из Пхеньяна.

В период отступления наших войск по заданию Правительства я находился в Северо-Восточном Китае, где с помощью китайских товарищей выполнял ответственное поручение Партии и Правительства. Когда я вернулся в Пхеньян Вы, главнокомандующий Народной армией и тов. Нам Ир, предлагали мне работать Начальником разведуправления. Сперва я намеревался отказаться от этой работы, но по вашему настоянию дал согласие работать на этой должности. По истечению 3-х месяцев меня направили в качестве члена делегации в Кэсон на переговоры о перемирии в Корее. Когда уезжал в Кэсон, я попросил Вас и Министра национальной обороны организовать ревизию моей деятельности, особенно, в части финансов с тем, чтобы на будущем предотвратить всякие сплетни и разговоры на этот счет. В результате ревизии выяснилось, что никаких грехов нет за мной, о чем Вы сами тогда подтвердили.

После освобождения меня от обязанностей главного делегата в Военной комиссии по перемирию я также попросил Вас и Начальника Генерального штаба КНА произвести соответствующую ревизию

моей деятельности. В результате ревизии было установлено, что никаких недочетов в материальной ценности нет. Все эти факты Вам хорошо известны, и несмотря на все эти очевидные факты, как объяснить содержание шифрованной телеграммы, в которой предлагается выехать мне в Пхеньян в целях выяснения вопросов, касающихся прошлой моей деятельности в области финансов. Я это объясняю не иначе как попытку отомстить мне за то, что на 3-ем съезде я определенно выразил свое отношение к вопросу культа личности Ким Ир Сена в нашей Партии.

У меня возникло определенное подозрение, что Вы выработали против меня план политического и физического уничтожения, так как я один из тех, кто больше других знает факты нарушения нормы партийной жизни, секретные данные в отношении нашей Партии и Правительства с братскими партиями и Правительствами и слабые стороны подхалимов, примазавшихся к власти.

Правда, не знаю под чьим руководством вынашивался такой зловещий план по отношению меня, но одно ясно, что подобный план — нельзя рассматривать не иначе как действия труса и беспринципного политикана.

Неужели Вам приятно сколачивать вокруг себя всевозможных политиканов и карьеристов, которые еще вчера говорили только на японском языке и кричали на всех перекрестках «Да здравствует император Японии!» Этим Вы отталкиваете от себя настоящих честных революционеров.

Можно в нынешних условиях, когда малейшее критическое выступление против подхалимов воспринимается, как попытка «свергнуть» руководство партии и правительства, нам вместе работать? В подобной обстановке можно питать доверие к руководству Партией?

Товарищ Ким Ир Сен! Мы вступили на путь революционной борьбы не для того, чтобы нас преследовали и оскорбляли те подхалимы, которые сплотились вокруг Вас. Не для этого мы, рискуя жизнью, боролись против иноземных колонизаторов. Вам следует об этом подумать. Далее. Мы не для того участвовали в революции под руководством ККП³⁷ и боролись в подполье, чтобы занять высокие посты и обеспечить личное благополучие.

Когда мы дрались на передовых линиях фронта и в тылу врага, то не знали, увидим ли свою родину освобожденной при нашей жизни. Но мы твердо знали, что стоим на правильном пути, освещенном коммунистической идеей, поэтому для нас смерть не была страшна.

Я хорошо знал, почему т. Ким Чан Ман, которого, Вы по-своему очень любите, ныне занимает пост заместителя Председателя ЦК. В своей деятельности он всячески пытается умалить роль тех товарищей которые боролись в Китае и вернулись из Яньани. Их революционное прошлое растопталось. Тов. Ким Чан Ман упорно проповедовал теорию о том, что только партизанская борьба Ким Ир Сена и деятельность «Общества по возрождению отечества»³⁸ составляет историю партизанской борьбы корейского народа. Мы не относимся к таким, с позволения сказать, политическим деятелям. Мы можем с гордостью сказать, что не жалея своей собственной жизни, боролись с врагами нашей родины в то время, когда Вы находились в Хабаровске.

Я знаю, что это письмо Вам не понравится. Вместе с тем отдаю отчет в том, что настоящее письмо заставит Вас выдумать против меня и моих родственников всевозможные ложные обвинения.

Однако никакие трудности и препятствия не заставят меня отказаться от революционной правды и я готов продолжить свою борьбу во имя торжества справедливости.

Если в Корее власть была бы антинародной, то без малейшего колебания организовал бы подпольную борьбу.

Однако мы твердо знаем, что, несмотря на грубые ошибки и недостатки в партийной жизни, наша страна под руководством Партии идет по пути строительства социализма. Именно поэтому со своей стороны всячески буду помогать Вам в этой борьбе.

Я думаю, что партийность коммуниста определяется не его беспрекословным подчинением неправильному одностороннему решению руководства. А наоборот, подлинная партийность коммуниста предполагает непримиримую его борьбу с недостатками в интересах истины и класса пролетариата. Другими словами, коммунист, вооруженный марксистско-ленинским мировоззрением — диалектическим материализмом, обязан настойчиво бороться за устранение недостатков и ошибок, идущих вразрез с истиной, с тем, чтобы укрепить партийные ряды и поднять авторитет Партии. Именно коммунист, поступающий таким образом, может себя считать настоящим членом Партии, у которого крепка партийность.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма нигде не сказано, чтобы коммунист беспрекословно подчинился тем руководителям, действия которых нарушают принципы марксистско-ленинской истины. Ни в одной братской Партии не требуют того, чтобы коммунист безусловно склонил свою голову перед теми руководителями, политика которых явно нарушает марксистско-ленинские принципы.

Я хорошо знаю с какой целью Вы отзываете меня из Москвы. Вы хотите заставить меня написать «саморазоблачительное» письмо, в котором бы я оклеветал себя и моих товарищей за принадлежность к группировке, выдуманной Вами. Вы хотите подвергнуть меня домашнему аресту, а затем путем угроз и запугивания хотите вывести меня из равновесия. И когда для меня сама жизнь будет ничтожной, Вы сфабрикуете против меня всевозможные материалы. Я хорошо знаю, что Вы и ваши подчиненные в таком деле опытные люди.

Сейчас Вы от тов. Ко Бон Ги, который подвергнут домашнему аресту, требуете подобных материалов. Я знаю, что Вы хотите также использовать меня в качестве одного свидетеля, подтверждающего правильность ваших выдуманных материалов.

Никогда я не стану таким лжесвидетелем. За такое мое действие, Вы, будете квалифицировать меня, как коммуниста, не подчиняющегося[ся] решениям ЦК Партии, и нарушителя партийной дисциплины. И на основе этого, Вы, будете наказывать меня. Формально я действительно не подчиняюсь той партийной дисциплине, установленной насильственно Вами, а на самом деле, Вы, совершаете незаконные действия, несправедливо квалифицируя честных коммунистов как антипартийных элементов, и не заслуживая наказания их.

В такой обстановке лучше быть заклеянным, чем быть подлым человеком, идущим против правды истины.

У меня есть дети и родственники, на головы которых также обрушатся преследования только из-за того, что они дети и родственники «антипартийного фракционера». Я лично не потерплю этого.

Как революционер, я выбрал путь трудностей и препятствий в интересах торжества истины. Как революционер моя совесть не позволяет стать меня на путь подхалимства и угодничества. Но я твердо знаю, что история осветит с правильных позиций нынешнюю внутрипартийную борьбу в нашей Партии. Со своей стороны, если это возможно, приложу усилия, чтобы написать правдивую книгу о борьбе корейских революционеров.

Буду стремиться также к тому, чтобы опубликовать книгу или статью, в которых попытаюсь правдиво рассказать историю антияпонского движения корейского народа. Я понимаю, что подобные статьи сейчас трудно напечатать, но твердо верю, что настанет время и эти статьи увидят свет.

Я жил и боролся, чтобы истина восторжествовала. Буду жить таким же путем, В силу указанных причин я не могу быть преданным Вам «революционером» и поэтому не имею возможность сейчас вернуться на родину. Для меня родная земля, во имя которой я боролся, рискуя своей жизнью, очень дорога. На этой земле живут и ждут меня мои старые родители, братья и товарищи, на этой земле я родился и вырос, она для меня бесконечно дорога.

Но в условиях, когда не допускается правда и истина в жизни, я вынужден отказаться временно от возвращения на родину. Я считаю необходимым сказать, что все эти отрицательные явления в нашей жизни являются типичным проявлением культа личности в нашей Партии.

На основе вышеизложенного я прошу Центральный Комитет Партии рассмотреть следующую мою просьбу:

1. Позаботиться о том, чтобы я мог проживать на территориях СССР или Китая и перевести мою партийную принадлежность в КПСС или в КПК. Номер моего партийного билета 00010. Как Вам известно, я вступил в ряды Коммунистической партии Китая до освобождения Кореи. Документы о моей партийности находятся в отделе партучета ЦК.

2. Прошу принять мое заверение в том, что в целом, и впредь буду бороться за интересы народа и Партии. Однако это не значит, что я не буду бороться против отдельных личностей, которые находятся ныне на ответственных постах и с которыми у меня различные взгляды по принципиальным вопросам партийной политики.

Если Вы не изменили ранее принятого решения в отношении меня, то прошу меня направить на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, предварительно, освободив меня, от обязанностей посла.

Надеюсь, что из указанных просьб, Вы удовлетворите хоть одну просьбу в организационном порядке.

Если, Вы, откажитесь удовлетворить мою просьбу в организационном порядке, то я вынужден буду сам решить эти вопросы собственными усилиями. Прежде всего, напишу соответствующие заявления на имя тов. К.Е. Ворошилова и Н.С. Хрущёва. Кроме того, попытаюсь вступить в переговоры с представителями братских стран.

Решение вопросов всецело зависит от той принципиальной позиции, которую Вы займете. И не исключаю возможности того, что Вы официально попросите Советское Правительство сопроводить меня до границы, или Вы попытаетесь создать для меня материальное затруднение и другие препятствия. Но заранее скажу, что по-вашему не получится. Вам не удастся физически уничтожить меня.

Я лично не хотел бы, чтобы из-за меня возникли недоразумения между нашими странами. Но, если Вы продолжите свои преследования в отношении меня, то я попытаюсь вынести на обсуждение общественного мнения ваши несправедливые действия, идущие вразрез с истиной. Я представляю, что это все вызовет временное бурление в нашей Партии, но в перспективе мы сумеем ликвидировать диктаторство в Партии, обеспечим внутрипартийную демократию и коллективное руководство и спасем многих честных товарищей от систематической травли.

Я вновь повторяю, что хотел бы, чтобы все эти вопросы решались внутрипартийным порядком. Недавно в Москве пребывал в составе Парламентской делегации ³⁹ Заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК [ТПК] т. Ко Хим Ман, который собрал сотрудников Посольства, чтобы рассказать о результатах августовского пленума ЦК. В своем заявлении он сказал, что Юн Гон Хым, будучи Министром торговли, расхитил огромное количество свиней и коров. При этом он сказал, что для Юн Гон Хыма говядина и свинина стали невкусными, поэтому он переключился на кур. В самом его заявлении можно обнаружить вопиющие противоречия. Как же так: человек, который преимущественно ел куриное мясо, вдруг расхитил сотни голов скота в целях употребления в качестве пищи.

Со своей стороны могу сказать следующее: когда я был на 3-м съезде Партии, Юн Гон Хым дважды приглашал меня на обед. И надо заметить, что он меня, как гостя, угостил только рыбой. Нигде не видел ни говядину, ни свинину.

Группа подхалимов сейчас фабрикует всевозможные небывлицы лишь бы оклеветать честных людей. Сейчас вытащили на божий свет его прошлую деятельность. Все мы хорошо знаем, а это он сам не скрывал, что Юн Гон Хым, когда ему было 20 лет, учился в училище гражданского воздушного флота в Японии. Этот факт выдают, как служение японскому империализму. А между тем мы знаем, с какой целью он поступал в это училище. Цель его заключалась в том, чтобы на японском самолете сбросить бомбу на здание Японского генерального губернатора и выбросить агитационные листовки. Когда его заговор раскрылся, то его бросили в тюрьму, где он находился в течение ряда лет. После выхода из тюрьмы он уехал в Китай, где и вступил в ряды КПК.

В отношении Ли Пхир Гю, Сэ Хви и других также фабрикуются мнимые дела в целях клеветы и оскорблений личностей.

Если говорите правду, то почему, Вы о себе умалчиваете. Ведь до недавней поры в Вашем распоряжении без всякой надобности находились автомашины “ЗИС-110”, “бронированный ЗИС”, “ЗИМ” “Победа”, “Самая лучшая американская комфортабельная легковая машина” и два Виллиса, Кроме того, как Премьер-министр, Вы, расходовали неограниченно государственные деньги, тогда как по закону для Вас установлена твердая ставка.

На государственные деньги для своих родственников Вы построили в родном селе — Мангенде — огромный европейский дом. Мало того, Вы сделали могилу своей матери, как императорскую. На все это была расходована огромная сумма государственных денег.

Вам следовало бы прислушаться к голосу народа, который поговаривает, что на эти деньги можно построить школу, больницу и другие культурно-бытовые учреждения,

Я лично требую восстановления в Партии всех тех товарищей, исключенных из Партии после августовского Пленума ЦК, за то, что они выступили против культа личности. Требую того, чтобы восстановили их в тех должностях, в которых пребывали они до исключения. Пора прекратить всякую пропаганду клеветы и оскорбления против исключенных из Партии товарищей.

И наконец, я настоятельно требую удаления из руководства Партией ярых подхалимов и угодников — Пак Кым Чера, Ким Чан Мана, Пак Ден Ай, Нам Ира, Хан Сан Ду и других. И наконец, я требую преданию суду Пан Хак Се ⁴⁰, который незаконно арестовал тысячи людей и тем самым нарушил священный долг коммуниста.

Жду срочного ответа на мое письмо» ⁴¹.

Какие же выводы напрашиваются после анализа содержания письма «корейского Раскольникова» в адрес «корейского Сталина»?

Во-первых, отчетливо прослеживается, что Ли Сан Чо не считал Ким Ир Сена «антинародным элементом», а лишь руководителем, окружившим себя «недостойными» людьми — подхалимами и карьеристами, в том числе и с «сомнительным» прошлым. В случае их удаления от управления государством и замены «достойными», к которым, наверняка, он относил и себя, ситуация могла существенно измениться в лучшую сторону.

Во-вторых, Ли Сан Чо считал, что Ким Ир Сен, будучи выходцем из социальных низов, образно говоря, попав «из грязи в князи», не смог избежать увлечения материальным обогащением, что выразилось в строительстве лично для себя и для своих родственников роскошных по корейским меркам резиденций, приобретении дорогих автомашин и т.п. При этом, намекал Ли Сан Чо, потраченные денежные средства наверняка можно было направить на улучшение жизни простых тружеников, как должно быть в государстве «социальной справедливости».

В-третьих, Ли Сан Чо пытался апеллировать к личной порядочности Ким Ир Сена и призывал его прекратить шельмование своих политических оппонентов, в том числе их дискредитацию как людей, морально нечистоплотных, злоупотреблявших служебным положением и совершавших другие недостойные поступки.

В-четвертых, ярко выраженное стремление автора изобразить себя политиком с высокими личными достоинствами и деловыми способностями, который, в случае исправления Ким Ир Сеном названных недостатков и «преступных деяний», всегда может быть полезным в любом качестве.

И, наконец, Ким Ир Сен должен был прислушаться не только к нему, Ли Сан Чо, но и к представителям СССР и КНР, которые имели более значимый опыт социалистического строительства.

Сложно сказать, была ли это наивность, либо тонкая игра функционера, уловившего политическую конъюнктуру и ощущавшего за своей спиной поддержку мощных политических сил, в том числе и внешних. В любом случае, в тех реалиях Ли Сан Чо как действующий политик был обречен. Конечно, это не был Фёдор Раскольников, в письме которого выражение недовольства политикой Сталина и созданным им режимом было еще более сильным и бескомпромиссным. Хотя нельзя исключать того обстоятельства, что это письмо могли отредактировать и сделать более мягким по тону или сам Ли Сан Чо или кто-либо из ответственных лиц в Москве, не желавших усиления конфронтации с вышедшим из-под контроля Ким Ир Сенем.

Можно сделать скидки на особенности корейского политического менталитета, а также на китайскую традицию, отраженную в классической литературе, с которой наверняка был знаком корейский посол. В отдельных сюжетах там описывалось, как к императору мог обратиться кто-нибудь из порядочных подданных, раскрыть ему глаза на творящиеся вокруг безобразия, быть за это наказанным, но потом, при прозрении владыки, оказаться возвращенным в качестве фаворита, призванного исправить выявленные им ранее недостатки ⁴².

По некоторым свидетельствам, осенью 1957 г. Мао Цзэдун и Пэн Дэхуай принесли Ким Ир Сену личные извинения за «сентябрьский инцидент» 1956 года. Ни Хрущёв, ни Микоян ничего подобного не сделали, поскольку изначально не ставили вопроса об освобождении северокорейского вождя от власти. Косвенным подтверждением смены советскими лидерами гнева на милость является приглашение в 1958 г. Ким Ир Сена с визитом в СССР, который он совершил в статусе главы партийно-правительственной делегации КНДР.

Для Ли Сан Чо не оставалось другого выхода как оставить занимаемый пост и просить политического убежища. Официальное вступление в должность нового посла КНДР в СССР Ли Син Пхаля произошло 14 октября 1956 года. Примерно в то же время Ли Сан Чо написал еще одно письмо, теперь уже в адрес ЦК КПСС — гораздо большее по объему, чем личное послание Ким Ир Сену, и существенно более радикальное по характеру обвинений в отношении северокорейского режима. Оно не вызвало на Старой площади сколько-нибудь заметного отклика. Спустя много лет, его реферат опубликовал в своей книге японский профессор Н. Симотомаи ⁴³.

Ли Сан Чо, видимо, еще какое-то время пользовался определенной свободой действий. В частности, его направили на стажировку в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, он имел возможность выступать с критическими высказываниями о режиме Ким Ир Сена в некоторых московских вузах. Однако после возмущенной реакции по этому поводу Ким Ир Сена и Нам Ира, руководство СССР лишило Ли Сан Чо возможности публичных выступлений. В этом состоял определенный компромисс между Москвой и Пхеньяном.

На пленуме ЦК ТПК в октябре 1957 г. Ли Сан Чо заочно был исключен из партии ⁴⁴.

Опального северокорейского политика, которому было чуть за сорок, отправили на постоянное жительство в Минск. Там он занимался научной работой по истории средневековой Японии, а также

преподавательской деятельностью, но это была уже его другая жизнь, сильно отличавшаяся от предыдущей.

Сложно сказать, насколько северокорейский оппозиционер, проживая в столице советской Белоруссии, мирился с реалиями хрущевских и, особенно, брежневских времен, но негативное отношение к политической системе, сложившейся на родине, он сохранил до конца своих дней.

Политический режим, который Ли Сан Чо так резко критиковал, оказался жизнеспособным и после ухода Ким Ир Сена с политической арены. КНДР и сегодня продолжает олицетворять практику строительства «реального социализма», а также социалистические идеалы, в верности которым, в формате концепции «чучхе-сонгун», его наследники по-прежнему клянутся.

Победи в 1956 г. политики, разделявшие взгляды Ли Сан Чо (на наш взгляд, в той исторической ситуации это было невозможно в принципе), в КНДР мог установиться режим северовьетнамского или китайского типа. В своем развитии Северная Корея наверняка испытала бы сходные с этими государствами проблемы, но могла иметь перспективы плавного перехода в конце 1970 — середине 1980-х гг. к рыночной экономике, с сохранением на своем фасаде элементов «социалистической» политической системы. Однако история не знает сослагательного наклонения.

Примечания

1. На XX съезде КПСС Ли Сан Чо присутствовал в качестве члена северокорейской партийной делегации, которую возглавлял заместитель главы партии Цой Ен Ген. Ким Ир Сен в его работе участия не принимал. Чтобы сгладить возможное негативное впечатление от этого шага, Ким Ир Сен в сентябре 1956 г. также не поехал в Пекин для участия в работе VIII съезда КПК. Северокорейскую делегацию, видимо, для соблюдения принципа «равноудаленности» между Москвой и Пекином, возглавлял Цой Ен Ген.
2. Горбачёв-фонд. Россия и межкорейские отношения. Итоговый доклад по проекту «Российско-корейские отношения в архитектонике СВА и АТР» на 2002 год (при поддержке Корейского Фонда), февраль 2003 г. http://www.gorby.ru/activity/conference/show_70/view_13117.
3. ЛАНЬКОВ А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М. 2009, с. 107.
4. Л.И. Брежнев в 1952 г. был избран кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК КПСС, но после смерти И.В. Сталина был оттуда выведен и стал занимать более скромные должности. На XX съезде КПСС его возвратили в состав высшего руководства в прежнем статусе.
5. Правда. 26.IV.1956. Составители доклада Горбачёв-фонда, видимо, не знали о существовании отчета главы делегации КПСС, отличного от его официальной речи, считали этот факт «показательным», явно подразумевая, что уже тогда Брежнев не разделял отрицательного отношения к «культу личности».
6. По информации А.Н. Ланькова, негласно встретиться с Брежневым во время съезда удалось оппозиционно настроенному заместителю главы правительства Пак Ы Ванну. ЛАНЬКОВ А.Н. Ук. соч., с. 116, 123.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 212—219.
8. СИМОТОМАИ Н. Ук. соч., с. 232.
9. Правда. 5, 8.VI.1956; Известия. 8.VI.1956.
10. Правда. 7.VI.1956.

11. Cold War History Project, issue 16 (Woodrow Wilson Center: Washington D.C.: Fall 2007/Winter 2008), p. 477.
12. Об этом косвенно свидетельствует последняя фраза его отчета: «Учитывая, что руководство ТПК заражено духом самовосхваления и приукрашивания действительности... считал бы необходимым обратить на это внимание т. Ким Ир Сена во время его пребывания в Москве». ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 219.
13. Правительственная делегация КНДР находилась в Москве с 6 по 13 июля 1956 г., затем она посетила, по пути в Монголию, Свердловск. Встреча в Кремле с Н.С. Хрущёвым, в ходе которой тот высказал Ким Ир Сэну критические замечания, сейчас в северо-корейской пропаганде представляется как «первый бой ревизионизму!». См., например: <http://rutube.ru/video/efe9d0aef415aa7de4dcd694435f59fa>.
14. Правда. 8.VI.1956.
15. Известия. 8.VII.1956; Правда. 13.VII. 1956.
16. ЛАНЬКОВ А.Н. Ук. соч., с. 124, 146, 151.
17. PERSON J. «We Need Help from Outside»: The North Korean Opposition Movement of 1956. The Cold war international history project. Working paper series. Wash. 2006, № 52, p. 51—61.
18. ЛАНЬКОВ А.Н. Ук. соч., с. 178—196.
19. PERSON J. Op. cit., p. 68—69.
20. Его текст (переведенный с копии, хранящейся в РГАНИ) был опубликован на английском языке в Вашингтоне Центром В. Вильсона (PERSON J. Op. cit., p. 51—61). В настоящей статье цитируется по копии, хранящейся в ГА РФ.
21. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 159—160.
22. СИМОТОМАИ Н. Ук. соч., с. 222.
23. Правда. 24.VII.1956; Известия. 24.VII.1956.
24. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 156.
25. Там же, л. 157.
26. Там же, л. 158.
27. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Т. 1. М. 2004, с. 166—167.
28. http://www.gorby.ru/activity/conference/show_70/view_13117.
29. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 717, л. 1—4.
30. Там же, д. 721, л. 69—98, 161—181, 182—202, 203—210, 244—247.
31. PERSON J. Op. cit., p. 61—68.
32. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 24—45.
33. В мемуарах К.Н. Брутенца содержится другая версия, изложенная со слов члена делегации КПСС Б.Н. Пономарёва, которая не соответствует составленным им же в Пхеньяне стенограммам, отправленным в ЦК КПСС. См.: БРУТЕНЦ К.Н. На Старой площади. М. 1997, с. 98. Другую, противоречивую, версию изложил еще один член делегации КПСС. См.: МУХИТДИНОВ Н.А. Река времени. М. 1995, с. 341—348.
34. По некоторым сведениям, Ли Сан Чо написал первый вариант своего письма еще летом 1956 г., однако не спешил его передавать адресату, видимо, на что-то надеясь.
35. Огонек. 1987, № 26.
36. В деле отсутствует.
37. Корейская коммунистическая партия.
38. Общество возрождения Отечества. Было образовано в 1936 г. на территории Китая как некое подобие единого фронта находившихся там корейских коммунистов и националистов. См.: SCALAPINO R, CHONG SEK LEE. Communism in Korea. Pt. 1. Berkley. 1973, p. 218—219.
39. Парламентская делегация КНДР находилась в СССР с 15 сентября по 15 октября 1956 года.
40. Глава службы безопасности КНДР, затем — министр внутренних дел, формально относился к «советской» фракции.
41. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 3—13. Этот же текст, в качестве приложения к отчету Б.Н. Верещагина о встрече с заведующим консульским отделом посольства КНДР в Москве 19 октября 1956 г., содержится в материалах Архива внеш-

ней политики РФ. См.: АВП РФ, ф. 0102, оп. 12, п. 68, д. 4. Публикация данного экземпляра была невозможна из-за запрета руководства архива. В ГАРФ такого ограничения не установлено.

42. Характерный пример такого рода — судьба жившего в XVI в. китайского чиновника Хай Жуя. В период правления императора Цзяцина этот честный и порядочный человек решил сообщить «сыну Неба» о злоупотреблениях, которые творились от его имени. За это Хай Жуй был наказан, но впоследствии реабилитирован и объявлен примером для подражания. Лавры такого рода не давали покоя не одному поколению чиновников в Поднебесной. Заместитель мэра Пекина У Хань написал историческую пьесу «Разжалование Хай Жуя», за которую в годы «культурной революции» подвергся жестокому гонениям.
43. СИМОТОМАИ Н. Ук. соч., с. 245—259. Надо иметь в виду, что письмо, вначале написанное по-корейски, было переведено в ЦК КПСС на русский язык, затем на японский, а потом (сокращенный вариант) переводчиком книги Н. Симотомай снова на русский.
44. Там же, с. 269—270.

Султан Мухамедгали Таукин

У. Кыдыралин, Ж.У. Кыдыралина

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности одного из первых казахских чиновников периода Российской империи, султана Младшего жуза, правителя Западной части области Оренбургского ведомства, полковника Мухамедгали Таукина. На основе впервые вводимых в научный оборот документов российских архивов М. Таукин представлен как один из наиболее известных султанов-правителей в Казахской степи, умный, образованный и талантливый управленец, преданный служебному долгу. Он был известен как сторонник мягких методов управления степью и проявлял участие к нуждам казахов, защищал их интересы. В статье освещаются заслуги М. Таукина как этнографа, известного своими трудами о жизни и быте казахского народа.

Ключевые слова: административные реформы, государственная служба, первые казахские чиновники, султан-правитель, Западная часть области Оренбургских киргизов (казахов), Российская империя, Казахская степь.

Abstract. The article is devoted to the professional and personal life of the Colonel Muhamedgali Taukin. Colonel Muhamedgali Taukin was the one of the first Kazakh officials, Sultan of Middle Zhuz, the ruler of the Western region of Orenburg territory, during period of the Russian Empire. M. Taukin presented as one of the most famous sultans, rulers in the Kazakh steppe, intelligent, educated and talented manager, loyal duty in the documents from Russian archives which the first time introduced into scientific circulation. He was known as a supporter of soft management techniques of the steppe and showed sympathy for the Kazakhs needs, protected their interests. The article highlights the achievements of the M. Taukin as the ethnographer, known for his works about life of the Kazakh people.

Key words: administrative reform, civil service, the first Kazakh officials, Sultan ruler, Western region Orenburg Kirghiz (Kazakhs), the Russian Empire, the Kazakh steppes.

В русле изучения истории государственности особый интерес представляет рассмотрение организации форм и методов управления, прин-

Кыдыралин Уркинбай — доктор исторических наук, профессор Атырауского государственного университета. Казахстан. E-mail: atyrauuniv@nursat.kz; *Кыдыралина Жанна Уркинбаевна* — доктор исторических наук, первый заместитель директора Института истории государства КН МОН РК. Астана. Казахстан. E-mail: kydyrlina@mail.ru.

Kydyralin Urkinbay — doctor of historical sciences, professor of Atyrau State University. Kazakhstan. E-mail: atyrauuniv@nursat.kz; *Kydyralina Zhanna U.* — doctor of historical sciences, first deputy director of the Institute of State History. Kazakhstan. E-mail: kydyrlina@mail.ru.

ципов государственной службы, этических норм и модернизационного потенциала чиновничества в прошлом и настоящем. Переосмысление традиционных взглядов придает новый импульс и изучению роли в истории первых казахских управленцев периода Российской империи. Административные реформы XIX в. царской России в Казахской степи выдвинули в региональную систему управления первую генерацию казахских чиновников из представителей родовой знати, получивших светское образование в русских учебных заведениях, а также классные чины в соответствии с российским Табелем о рангах и принадлежавших к привилегированному сословию в империи. Одним из них был правитель Западной части области Оренбургских киргизов (казахов. — У.К., Ж.К.) Мухамедгали Таукин (1813—1894 гг.), султан Младшего жуза, сын надворного советника султана Тауке Айчувакова и правнук Абулхаир хана. Сведения о нем, как в прежних, так и в современных изданиях представлены кратко и фрагментарно. Еще не до конца изучены и другие знаковые фигуры из целой плеяды первых казахских служащих и высших офицеров русской армии. Материалы, выявленные одним из авторов данной статьи, этнографом, еще в 1980 г. в архивах в Ленинграде, позволяют по-новому, с высоты общечеловеческих ценностей взглянуть на судьбу одного из почетных и талантливых западных ордынцев. Дело Таукина интересно тем, что содержит многоплановую информацию: отражает сложный контекст взаимоотношений между Российской империей и Казахской степью, затрагивает такие вопросы, как сущность и природа самого явления «империя», формы и методы управления и контроля в ней.

Жизнь Мухамедгали Таукина, так же, как и его предков из династии ханов Младшей орды, оказавшаяся в водовороте бурных событий эпохи, была насыщена взлетами и падениями и полна драматизма.

В 1831 г. Мухамедгали в числе пяти юношей-казахов закончил Азиатское отделение военного училища в Оренбурге (в 1844 г. преобразовано в Неплюевский кадетский корпус. — У.К., Ж.К.) и 25 ноября того же года был прикомандирован к правителю Западной части оренбургских казахов султану Баймухаммеду Айчувакову ¹.

Успешно начавшаяся административная и военная карьера Таукина стремительно развивалась. В одном из документов делопроизводства о киргизах (казахах), отложившихся в фонде Земского отдела МВД и хранящихся ныне в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, содержится следующая характеристика султана: «Султан-правитель из Западной степи подполковник султан Мухаммед-Галий Тяукин (так в документе. — У.К., Ж.К.) служит непрерывно местному управлению в степи с 1845 г., в настоящей должности с 1847 г., в офицерских чинах с 1830 г., в чине подполковника с 1853 г., в марте 1857 г. получил орден святой Анны 3 степени... Один из преданнейших Русскому правительству султанов, доказавший это многими на пользу его услугами в продолжение управления своей частью» ².

По данным оренбургских архивов, введенным в научный оборот в работах И.В. Ерофеевой, Мухамедгали Таукин основательно выучил в Оренбургском военном училище русский язык и письменный

литературный язык тюрки (использовавшийся с XIII по начало XX в.), а также приобрел хорошие знания по экономике, истории и культуре. В течение 20 лет, непрерывно занимая должность султана-правителя Западной части орды, он получил репутацию компетентного, эрудированного и добросовестного управленца³. Известно, что в 1848 г. М. Таукин направил и своего сына Шангирея для обучения в Неплюевский кадетский корпус.

Из опубликованных Б.Т. Жанаевым документов следует, что с самого начала своей карьеры Таукин снискал уважение оренбургского начальства. Так, в списке награждаемых за 1846 г. он представлен так: «сын заслуженного отца, есаул, султан Западной части орды Мухаммед-Галий Тяукин, несмотря на молодость, неоднократно оказывал усердие при исполнении возложенных на него поручений. Изучив русский язык, он неусыпно занимается делами по поручениям от правителя и Комиссии, а по знанию им следственного порядка с большой пользой употребляется по делам уголовным между степными киргизами, одним словом, по честности, беспристрастности ума, способностям и знанию дела лучший из помощников и со временем из него может выйти отличный правитель. В последние годы (1844 и 1845) от Комиссии на него возлагалось содействие дистанчным начальникам в сборе денег за кочевание и объяснение безграмотным, как выдавать квитанции и вести книги, в чем пять из них встретили затруднение и остановили было сбор. Тяукин все эти недоразумения ловко отстранил, и сбор, несмотря на тяжкие прошлогодние зимы по глубокости снегов и гололедицы, отчего киргизы лишились множества скота, личным усильным старанием его произведен успешно» (стилистика и орфография этого и следующих документов сохранены. — У.К., Ж.К.)⁴ А в «Списке должностных, влиятельных и особенно известных киргизов Западной части орды» чиновник особых поручений при председателе Пограничной комиссии Лазаревский, представляя султана к очередному награждению, так характеризовал вышестоящему начальству его человеческие качества и особенности темперамента: «Тяукин Мухаммед-Гали, войсковой старшина, султан, управляет Западной частью орды, 37 лет. Очерк наружной физиономии его пропускаю, так как этот султан известен Вашему превосходительству. Богат, ... весьма хорошего ума и способностей, с превосходным, добрым, благородным, но доверчивым и несколько нерешительным характером. Гостеприимство — одна из добродетелей киргизов, но Тяукин гостеприимен по превосходству. Один из любимых в орде султанов за свой благородный характер, участие к нуждам киргизов и неизменное расположение к добру. В высшей степени предан правительству; сколько я узнал этого султана, для него лучшее удовольствие и постоянное желание исполнить всякое распоряжение начальства удовлетворительно и с успехом»⁵.

О добросовестной службе полковника и султана-правителя Мухамедгали Таукина свидетельствует его послужной список, составленный в 1873 г.: «... ему 60 лет, происходит из султанских детей, воспитание получил в бывшем Оренбургском военном училище. За поимку в степи дезертиров 8 февраля 1836 г. награжден чином уряд-сотника. За успешный сбор кибиточного сбора 2 июня 1837 г. произведен в хорунжи. За преследование мятежного старшины Иса-

тая Тайманова получил в подарок 20 сентября 1832 г. от Оренбургского военного губернатора золотой перстень, а 25 января 1839 г. награжден золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее. За участие в Хивинской экспедиции 28 октября 1840 г. награжден чином сотника. За сопровождение в Бухару русской миссии 31 августа 1842 г. награжден золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее. За нахождение в военном отряде, преследовавшем мятежного султана Кенесары Касымова, 11 апреля 1844 г. произведен в есаулы. 17 января 1845 г. назначен помощником правителя Западной части оренбургских казахов. Во время нахождения в С.-Петербурге в свите султана Баймухаммеда Айчувакова в марте 1847 г. был представлен императору Николаю I и награжден чином войскового старшины. После смерти султана Баймухаммеда Айчувакова был определен на должность правителя Западной части оренбургских киргизов (казахов) (с 12 апреля 1847 г.) В 1853 г. произведен в подполковники. При представлении императору Александру II 13 августа 1860 г. награжден чином полковника»⁶.

Более 30 лет Мухамедгали Таукин исправно исполнял возложенные на него служебные обязанности. Но со временем в судьбе полковника Таукина наступил роковой поворот. По распоряжению Оренбургского генерал-губернатора от 28 октября 1865 г., султан-правитель М. Таукин был отозван от должности с оставлением по делам в Оренбурге. Как прослеживается по документам, еще 10 ноября 1865 г. он просил об увольнении в отставку по состоянию здоровья. Возможно, свою роль в принятии этого решения сыграли углубившиеся противоречия между метрополией и колонией. 14 декабря того же года приказом министра внутренних дел Таукин был уволен, согласно его просьбе, а 21 марта 1866 г. неожиданно последовал Высочайший приказ об увольнении Таукина со службы с отрицательным мотивом без назначения пенсии⁷. Это дает основание полагать, что взгляды крупного и опытного управленца с более чем 30-летним стажем военной и административной службы расходились с официальной точкой зрения на предпринимаемые правительством меры в данном регионе.

С июля 1866 г. Мухамедгали Таукин был привлечен к следствию по обвинению в «злоупотреблениях, допущенных во время управления Западной частью оренбургских киргизов (казахов)». По донесению управляющего областью Оренбургских киргиз (казахов), флигель-адъютанта, полковника Л.Ф. Баллюзeka министру внутренних дел о результатах своей поездки по Западной части области, «полковник Тяукин навлек на себя подозрения в незаконных поборах, продаже должностей по местному ордынскому управлению, противодействию распоряжениям высшего правительства, укрывательстве из-за разного рода корыстных видов разного рода преступлений и даже убийств»⁸.

«17 лет постоянно злоупотреблял властью, возбуждал киргиз против казаков», — говорилось в донесениях. Таукин представлял настолько серьезную опасность, что Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в своем отношении к министру внутренних дел докладывал о том, что «вынужден был задержать Тяукина в Оренбурге и воспретить ему выезд в степь даже и после отставки»⁹. Можно

понять тревогу колониального начальства в связи с ростом недовольства среди жителей степи. Восстания 1868—1870 гг. в Младшем жузе подтвердили опасения царизма о возможном неприятии местным населением Временного положения об управлении в степных областях 1868 г., вносившего серьезные изменения в административно-территориальную, хозяйственную, налоговую и судебную систему. Введение территориального принципа управления взамен родоплеменных отношений, организация выборных должностей, объявление всех казахских земель собственностью Российской империи, увеличение кибиточной подати вызывали возмущение казахского населения, что сильно напугало правительство.

После стольких лет блестящей карьеры, благоволения высших лиц империи отстранение от службы для Таукина было подобно катастрофе. В своем прошении министру внутренних дел от 1 января 1869 г. из Оренбурга бывший султан-правитель Мухамедгали Таукин, изложив по порядку, что он обманом был вызван в Оренбург и 9 месяцев находился на гауптвахте без права общения, что созданная по его делу комиссия произвела обыск его канцелярии и изъятие всех бумаг, но ничего не обнаружила и передала дело переводчику Искандеру Батыршину, давал следующие объяснения: «Уральское войсковое начальство было недовольно мною за постоянное заступничество мое за киргизов от стеснений их казаками и опровержение прав уральцев на сказанный берег (левый берег Урала. — У.К., Ж.К.). Еще при генерал-губернаторе Катенине я заявлял опасения свои о мести за это уральцев... Хотя произведенное следствие не имело юридических доказательств к обвинению меня, но нравственно оно убеждено в моей виновности. Независимо от такого формального определения областного правления управляющий областью сделал секретное представление, чтобы меня, виновного лишь по нравственным убеждениям, не отпуская в аул, перевести на жительство в Пермскую или Уфимскую губернию, подкрепив необходимость такой меры тем, что при введении в действие нового положения о киргизской степи, я могу вредить этому и возмущать киргизов... Бывший мой помощник хорунжий Чулак Айбасов успел оклеветать меня до того, как генерал Баллюзек, не видав еще меня и не зная, прямо заключил, что я составляю величайшее зло для всего края...»¹⁰

Он просил оправдания, освобождения из-под следствия и назначения пенсии, уверяя, что не причинял зла правительству¹¹. Обвинения, вынесенные по делу полковника Таукина, не подтвердились, поэтому оно было прекращено в административном порядке в 1869 году. Но в ноябре того же года Мухамедгали Таукин по распоряжению Оренбургского военного губернатора был выслан на жительство под надзор полиции в с. Холмогоры Архангельской губернии, а затем, в 1870 г., по распоряжению министра внутренних дел, был перемещен под надзор полиции в Екатеринославскую губернию¹². Генерал-адъютант Крыжановский указывал, что высылка Таукина состоялась под влиянием: «а) волнений в степи при введении в действие положения 1868 г. об управлении степными областями и б) опасения тайных происков со стороны недовольного султана к поддержанию такового волнения в среде киргиз бывшей Западной части, отошедших в ведение Уральского областного начальства»¹³.

В донесении за 1875 г. Крыжановского министру внутренних дел представлена характеристика «проступков» Таукина: «проступки эти, судя по делам, были присущи большей части ордынцев, занимавших должности в упраздненном с 1869 г. местном колониальном управлении, и имели побуждением: во-первых, извлечение имущественных выгод, пользуясь своим официальным положением в среде однородцев, во-вторых, противодействие успешному приведению в исполнение таких правительственных мер, которые своими последствиями могли навредить экономическим интересам киргиз»; а также выражались в «нерадении, беспечности, отразившихся в отступлениях от правильного производства дел, которые лежали на обязанности местного ордынского управления»¹⁴.

Пребывание бывшего правителя около 10 лет вдали от родины разорило его. Во время ссылки он оставил имущество своей старшей жене. После ее смерти состояние было пущено на самотек. Таукин несколько раз возбуждал ходатайство о назначении ему пенсии от казны. По мере постепенной стабилизации ситуации в степи генерал-адъютант Крыжановский посчитал разумным, «согласно существующих общих законов о службе, не лишать полковника пенсии, ввиду долголетней службы этого султана русскому правительству, которая, хотя и не была безупречна, но все же проявлялась многими, полезными заслугами, дававшими основание к удостоению почетными Всемиловейшими наградами»¹⁵. Отмечая, что Таукин находится в самом крайнем положении — «при своих преклонных летах (70 лет) и разбитом здоровье, представляется поистине жалким человеком и горько плачется на постигшую его судьбу» — Оренбургский генерал-губернатор заключал: «...В 1873 г., приняв во внимание, что население степи совершенно спокойно, причины первоначального неудовольствия некоторой части киргиз новыми порядками управления изгладилась..., и, наконец, сам Тяукин горьким опытом постигшего его несчастья убедился в невозможности противодействовать требованиям правительства, — я признал возможным возвращение Тяукина из ссылки...; я нахожу назначение ему пенсии мерою не только гуманной по отношению к самому Тяукину, но и полезной для укрепления в среде инородческого племени убеждения в правосудии, благости и милости Русского правительства...» Генерал-адъютант ходатайствовал о назначении бывшему султану-правителю пенсии в таком же размере, что получали и другие султаны (М. Баймухаммедов, А. Жантурин и др.) — 1 тыс. 200 руб. в год¹⁶.

Как видно из дальнейшей переписки с министром внутренних дел, генерал-адъютант Крыжановский, отметив все заслуги султана, предложил назначить ему вместо пожизненной единовременную пенсию в одну тысячу рублей, против чего не возражал и министр финансов¹⁷. Однако с пенсии удерживались 10 % в пользу инвалидов. В одном из писем Таукин выражал несогласие в связи с удержанием с пенсии 100 руб., необходимых ему для уплаты накопившихся за 10 лет ссылки долгов, и просил назначения пожизненной пенсии. Положение его было действительно катастрофическим. Как заявлял он в своих письмах, «меня направили из Оренбурга на жительство в Уфу, затем в Архангельск и Екатеринославль, сперва без всякого содержания, а потом мне с женою и малолетним сыном, бывших при мне,

отпускалось 37,5 копеек в сутки. В продолжение 12 лет, оттолкнутый от родных степей своих, томился я в тоске невыносимой и в то же время лишился всего своего достояния и доведен до крайней нищеты. И из человека богатого сделался нищим...»¹⁸

С неоднократными прошениями обращалась и жена султана Алтынай Кайыпкалиева. В одном из писем екатеринославскому губернатору с подписью-автографом на арабском от 9 ноября 1870 г. она с болью отмечала: «... Мужа моего перевели на жительство из Холмогор Архангельской губернии в Екатеринославль, где в настоящее время пребываем. Для мужа моего не столь тягостна и прискорбна ссылка, сколько самый факт обвинения. Тяжело на старости лет жить в бедности и на чужой стране»¹⁹. Однако прошения как самого Таукина, так и его супруги оставались долгие годы без последствий.

Мухамедгали Таукин известен в истории и как этнограф, он поддерживал тесные связи с Русским географическим обществом, Казанским музеем древностей и этнографии, являлся корреспондентом Вольного экономического общества. Он собирал для них казахские этнографические предметы, давал справки и писал статьи, в которых подробно описывал занятия казахов, домашние промыслы и ремесла, устройство жилища и его внутреннее убранство²⁰. Еще в период своей активной деятельности Таукин подготовил «Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи», опубликованные в № 41 журнала «Экономические записки» (СПб. 1861), «Родословный список о султанах и ходжах Западной части орды» (Оренбург. 1847).

Примечательно, что и в период ссылки в Екатеринославле бывший правитель Западной части Оренбургских киргизов, полковник, султан Таукин продолжал заниматься этнографическими изысканиями и направил 16 ноября 1871 г. министру внутренних дел свои «Соображения об улучшении быта киргизов» (казахов). Заслуживают внимания этнографические наблюдения автора, с которых и начинается сам представленный им документ: «Преуспевание рода человеческого в улучшении своего быта обусловлено климатом и местностью: житель Гренландии, не покинув родины, должен быть тем, чем он есть в отношении образа своей жизни и добывания средств к содержанию ее, — ему ничего не представляет обитаемая им страна, кроме рыболовства... Из того видно, что киргиз ведет кочевую жизнь по необходимости. В его родине нет материалов, нужных для жилищ, но этот питомец пустыни доволен своей бедной кибиткой, окруженный своими стадами. Если бы время дало средства обратить киргизов в оседлый народ, едва ли более мог он приносить ей пользы. Занимаемые степи киргизами мало представляют местностей, способных к земледелию и притом они не обогатили бы соседние области в такой степени, как скотоводство. Ведь продукцией скотоводства русский купец обогащается в короткое время; добытый дешево товар, преимущественно меною на русские мануфактурные произведения, далеко идет внутрь России и за границу»²¹.

Этот документ показателен и в свете культурно-цивилизационных аспектов казахско-русских отношений. Мухамедгали Таукина заботили принципы урегулирования взаимоотношений с метрополи-

ей. В этой же работе он посвящал официальных представителей российского управления в национальный характер и психологию степняка: «Киргиз — вольный сын пустыни — он никогда не испытывал рабства и стеснительного влияния своих племенных правителей, он не может не сознать своей зависимости от русского правительства, не мечтая о самостоятельности, и не упуская из виду, что занимаемые им степи, его свои собственные... кроткая с ними власть полезнее строгой: я успел привлечь из глубины степей Чумичли — Табыңского и Адайского родов ласковым обращением более 10 тысяч кибиток, что принесло увеличение казне доходов»²².

Бывший султан-правитель предлагал конкретные меры для налаживания мостов взаимопонимания и взаимообмена русского и казахского народов трудовыми навыками: «образование близких один от другого военных наблюдательных постов (о чем во время служения моего я официально представлял Оренбургскому областному начальству) на удобных местах к поселению русских земледельцев по рекам Эмбы и Уилу, распространить эти поселения и внутрь степи, где много находится мест, годных к хлебопашеству. Но, чтобы не возбудить ропота за отобрания земель, объявить киргизам, что они всегда получают такое же пространство за Уралом внутри России. Между русскими поселенцами размещать и киргизов, вспомагствуя на первый раз им строевым материалом и земледельческими орудиями. Русские поселенцы скоро обогатятся, чрез продажу хлеба и огородных продуктов вблизи кочующим киргизам; также нахожу полезным на известных местах зимовья построить жилища из лесу или нежженого кирпича. Эта благодетельная мера будет вполне оценена киргизами, испытывающими бедствие в своих кибитках в течение продолжительной суровой зимы; ярмарочных мест с приличными постройками полезно было бы образовать еще несколько внутри степи, чтобы киргизы не затруднялись гнать скот для продажи за несколько сот верст от места кочевья»²³.

Таукин считал, что русские чиновники должны приспособливаться к степной культурной специфике: «Чиновники из русских, назначенные для управления киргизами, по моему мнению, должны находиться на зимних кочевьях, как для узнавания их нужд, так и для предупреждения преступлений своевременно принимаемыми мерами. Каждый из русских чиновников по управлению киргизами должен очень хорошо изучить нравы и образ жизни заведываемых киргизов... Распространение образования между киргизами принесет также благодетельные плоды»²⁴. Этот документ со всей убедительностью свидетельствует о том, что султан Таукин прилагал усилия, чтобы приостановить, смягчить напор колониальной администрации в Казахской степи.

Тем временем, в ходе последующего рассмотрения жалоб Таукина возведенная на него клевета не подтвердилась. В дальнейшем генерал-адъютант Крыжановский счел целесообразным «на место отстраняемого доносчика Батыршина поставить Сейдалина». Судя по документам, султан Альмухамед Сейдалин, также один из пяти воспитанников Азиатского отделения Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, проявил благожелательное расположение и участие в судьбе своего старшего товарища по альма матер. Сейдалин поддер-

жал Таукина, отметив в своем докладе Баллюзеку, что возвращение Таукина на родину «не возмутит спокойствие в степи»²⁵. Еще в 1866 г. Крыжановский, давая лестную характеристику султану Сейдалину, как яркому, образованному, толковому среди казахов управленцу, ходатайствовал перед МВД о производстве молодого офицера из штабс-ротмистров в ротмистры, полагая, что это «послужит ему лучшим поощрением к употреблению в деле своих усилий для вполне добросовестного успешного выполнения возложенных на него обязанностей»²⁶. Как значится в представлении Крыжановского, «Альмухаммед Кунтюрич Сейдалин, штабс-ротмистр, 1-й исправляющий должность султана-правителя Западной части области Оренбургских киргизов, числящийся по Армейской кавалерии, родился в 1836 г., сын султана Восточной части области Оренбургских киргизов, имеет множество наград и поощрений за усердные труды и старания»²⁷.

В 1874 г. Таукин был возвращен из ссылки. Однако ответом министра финансов министру внутренних дел от 13 мая 1875 г. в ходатайстве генерал-адъютанта Крыжановского предоставить Таукину право на постоянное пособие от казны было отказано в связи со «многими злоупотреблениями, допущенными в службе полковником Тяукиным с целью противодействовать успешному приведению в исполнение правительственных мер по управлению киргизами, а также в прямое нарушение сим пенсионного устава»²⁸.

В своих неоднократных обращениях султан не переставал надеяться на милость и снисхождение правительства, указывая на свои заслуги перед ним, в частности, в урегулировании межродовых и межнациональных споров, и просил об освобождении от оплаты кибиточной подати. В свое время его дипломатические способности и искусство ведения переговоров использовались властями в разрешении спорных вопросов между адаевцами, туркменами и хивинцами в районе Арала и Каспия²⁹. Таукину удалось успешно осуществить «примирение в 1858 г. адаевцев с туркменами и возвращение туркменам 175 человек, взятых адаевцами в плен, примирение Адаевцев с Чумичли-Табынцами, а также разбирательство и удовлетворение их претензий»³⁰. В своих обращениях он указывал на свою верность высшим добродетелям империи и памяти своего потомственного рода: «Всемиловитевейшее жалованные грамоты предков моих доказывают, что я потомок Чингиз-хана, Абулхаир хана, добровольно принявшего подданство России со всем подвластным ему народом. Воспитавшись в их традициях, я заботился увековечить их память и, следуя их потомственному примеру, никогда не щадил своего здоровья на пользу престола Его Императорского Величества. На основании Высочайшего указа 14 марта 1776 г. дети ханов и их потомков, султанов должны считаться за князей, а дети киргизских тарханов за дворян... Моя же фамилия происходит по прямой линии от того же родоначальника, от которого происходит потомство ханов...»³¹ Таукин просил назначения пенсии и своей семье³².

Оставшуюся жизнь бывший правитель западных ордынцев боролся за восстановление своего честного имени. Он обращался и на Высочайшее имя: «Великий Государь Император Александр Алексан-

дрович!.. Просит бывший правитель... Более пятнадцати лет я ищу правды в Русской земле...»³³ Дело по жалобе бывшего правителя Западной части области Оренбургских киргизов, полковника, султана Таукина на неправильные в отношении к нему действия управляющего областью Оренбургских киргизов генерал-майора Баллюзека рассматривал по указу российского самодержца правительствующий Сенат, препроводив его вначале министру внутренних дел 15 февраля 1880 года³⁴. 11 июня 1881 г., поддерживая Баллюзека, Правительствующий сенат определил: «Прощения Тяукина, как не заслуживающие уважения, оставить без последствий»³⁵.

Лишь к концу жизни султан Таукин добился пенсии. Только с 1877 г. ему было назначено по 600 руб. в год, а с 1883 г. — до размера 1200 рублей в год³⁶. Заканчиваются материалы по делу султана, полковника Мухамедгали Таукина делом о назначении пенсии вдове султана. После смерти Таукина Алтынай Кайыпкалиева много раз обращалась в инстанции с прошением выплаты ей полагающейся в таком случае половины пенсии мужа. В Заключении министра внутренних дел за 1894 г. сообщалось: «Мухаммедгалий Тяукин, получавший пенсию из государственного казначейства в размере 1176 рублей в год, 24 января 1894 г. умер... имею честь представить о назначении половины пенсии мужа вдове султана, т.е. 600 рублей в год»³⁷.

Его сыновья продолжили династию. В послужном списке сына М. Таукина — Музаффара Мухаммед-Галиевича отмечено, что он происходит из династии потомственных дворян Оренбургской губернии³⁸.

Полковник, султан Мухамедгали Таукин увековечил свое имя в истории как один из первых казахских чиновников, просветитель, внесший вклад в развитие образования и культуры, этнографического изучения казахского народа.

Примечания

1. МАСАНОВ Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алматы. 2007, с. 285—286.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 82, д. 1, л. 6.
3. Родословная казахских ханов и кожа XVIII—XIX вв. (история, историография, источники). Алматы. 2003, с. 51.
4. История Казахстана в русских источниках. Т. VIII. Алматы. 2006, ч. 2, с. 67—68, 125.
5. Там же.
6. РГИА, ф. 1291, оп. 82, д. 17, л. 5.
7. Там же, д. 45, л. 1.
8. Там же, л. 2; д. 17, л. 25.
9. Там же, д. 45, л. 75, 159.
10. Там же, л. 9, 10.
11. Там же, д. 4, л. 11, 12.
12. Там же, д. 17, л. 6.
13. Там же, л. 27.
14. Там же, л. 1.
15. Там же.
16. Там же, л. 3, 4, 47.
17. Там же, л. 28.

18. Там же, л. 74.
19. Там же, д. 45, л. 133.
20. МАСАНОВ Э.А. Ук. соч., с. 285—286.
21. Там же, л. 137—142.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же, л. 22.
26. Там же, д. 9, л. 1.
27. Там же, д. 8, л. 5—12.
28. Там же, д. 17, л. 11.
29. Там же, д. 45, л. 98.
30. Там же, д. 1, л. 2, 3.
31. Там же, д. 8, л. 49, 73, 74, 262; д. 45, л. 9—12; д. 1, л. 1—3.
32. Там же, д. 17, л. 263.
33. Там же, д. 1, л. 136.
34. Там же, д. 45, л. 143.
35. Там же, л. 167.
36. Там же, д. 17, л. 234.
37. Там же, д. 48, л. 28.
38. Там же, д. 45, л. 143.

Развитие железнодорожной системы западных областей Белоруссии и Украины в сентябре 1939 — июне 1941 г.

В.Н. Назаров

Аннотация. В статье на основе изучения и обобщения архивных материалов рассматриваются мероприятия советского руководства по реконструкции и новому железнодорожному строительству в западных областях Белоруссии и Украины в сентябре 1939 — июне 1941 года.

Ключевые слова: подготовка СССР к войне, оборонное строительство, железная дорога, воинские перевозки, реконструкция транспортной системы, западные области Белоруссии и Украины.

Abstract. The author makes the analysis of the construction and reconstruction of the railways in the western regions of Belarus and Ukraine in September 1939 — June 1941, based on the study and generalization of archival materials.

Key words: Soviet preparation for the war, defense construction, railways, military transportation, reconstruction of the transport system, the western regions of Belarus and Ukraine.

Для обеспечения массовых воинских перевозок железные дороги, проходившие по территории западных областей Белоруссии и Украины, имели недостаточную пропускную способность, которая резко снижалась в связи с необходимостью совершать перегрузку с подвижного состава одной колеи (союзной 1524 мм) на подвижной состав другой колеи (западноевропейской 1435 мм). Это осложняло проведение массовых воинских перевозок по направлению к западной границе СССР и требовало проведения соответствующей реконструкции.

В сложившейся ситуации, когда потенциальный противник имел более чем двукратное превосходство в подаче поездов к своей границе, Советское руководство, даже если бы и захотело, не смогло бы начать превентивную войну против Германии. Наступательные операции Красной Армии, не успев начаться, остановились бы, так как не было бы возможности обеспечивать всем необходимым наступающие войска. Это беспокоило командование Красной Армии, поскольку благоприятное ранее соотношение пропускной способности железных дорог с присоединением западных территорий изменилось в пользу потенциального противника.

Назаров Владимир Николаевич — аспирант Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: historiograf@yandex.ru.

Nazarov Vladimir N. — postgraduate of the Russian State University for the Humanities. E-mail: historiograf@yandex.ru.

Для получения сквозных подходов из глубины страны в приграничные районы необходимо было ускорить работы по перешивке железнодорожных линий приграничных участков на союзную колею. В планах НКПС и НКО на 1939—1942 гг. предусматривались широкомасштабная реконструкция, а также строительство новых объектов оборонного значения в западных областях Белоруссии и Украины. В планы входила «постройка новых железнодорожных линий с пропускной способностью:

- 1) Минск — Негорелое до 48 пар поездов — протяженность 48 км;
- 2) Минск — Радошковичи до 48 пар поездов — протяженность 38 км;
- 3) Полоцк — Бигосово до 48 пар поездов — протяженность 85 км;
- 4) Полоцк — Фариново до 48 пар поездов — протяженность 38 км;
- 5) Деражня — Гречаны до 48 пар поездов — протяженность 43 км;
- 6) Цветково — Вапнярка до 48 пар поездов — протяженность 268 км;
- 7) Жмеринка — Бар до 48 пар поездов — протяженность 25 км»¹.

Кроме того, предусматривалось «усиление пропускной способности существующих железнодорожных линий:

- 1) Орша — Лепель с 24 пар поездов до 36 пар поездов — протяженность 132 км;
- 2) Гомель — Осиповичи с 89 пар поездов до 96 пар поездов — протяженность 195 км;
- 3) Осиповичи — Минск с 48 пар поездов до 96 пар поездов — протяженность 109 км;
- 4) Жмеринка — Деражня с 37 пар поездов до 48 пар поездов — протяженность 63 км;
- 5) Новоград-Волынский — Шепетовка с 17 пар поездов до 24 пар поездов — протяженность 63 км;
- 6) Шепетовка — Гречаны — Каменец-Подольский с 13 пар поездов до 24 пар поездов — протяженность 230 км;
- 7) Унеча — Хутор Михайловский — Конотоп с 24 пар поездов до 36 пар поездов — протяженность 246 км;
- 8) Белокоровичи — Олевск до 24 пар поездов — протяженность 25 км»².

Для изменения сложившегося не в нашу пользу положения в связи с изменением государственной границы нужно было, чтобы НКПС осуществил в течение 1940—1942 гг. следующие работы по увеличению пропускной и провозной способности приграничных железных дорог:

«По железным дорогам, обслуживающим Белорусский военный округ: Западная, Белорусская, Белостокская и Брест-Литовская железные дороги.

Довести пропускную способность подводящих линий к пограничным, выгрузочным пунктам до 264 поездов, в том числе:

- 1) по линии Бологое — Полоцк — Черемха с 16 пар поездов до 72 пар поездов;
- 2) по линии Минск — Брест с 27 пар поездов до 72 пар поездов;
- 3) по линии Калинковичи — Брест с 17 пар поездов до 24 пар поездов;
- 4) по линии Осиповичи — Барановичи — Белосток довести до 24 пар поездов;
- 5) по линии Орша — Лепель — Крулевщина довести до 24 пар поездов.
- 6) по линии Осиповичи — Минск — Молодечно с 16 пар поездов до 48 пар поездов»³.

«По железным дорогам, обслуживающим Киевский военный округ: Юго-Западная, Ковельская и Львовская железные дороги.

Довести пропускную способность подводящих линий к пограничным выгрузочным пунктам с 130 пар поездов до 240 пар поездов, в том числе:

- 1) по линии Коростень — Сарны — Ковель с 12 пар поездов до 24 пар поездов;
- 2) по линии Шепетовка — Ровно — Ковель с 36 пар поездов до 72 пар поездов;

- 3) по линии Здолбуново — Красне с 48 пар поездов до 72 пар поездов;
- 4) по линии Жмеринка — Деражня — Красне — Львов — Перемышль с 16 пар поездов до 72 пар поездов;
- 5) по линии Жмеринка — Могилев-Подольский с 18 пар поездов до 24 пар поездов;
- 6) по линии Гречаны — Ярмолинцы с 12 пар поездов до 48 пар поездов.
- 7) по линии Новоград-Волынский — Шепетовка — Гречаны с 12 пар поездов до 24 пар поездов;
- 8) по линии Шепетовка — Тернополь с 12 пар поездов до 24 пар поездов.

По железным дорогам Львовской, Ковельской, Брест-Литовской, Белостокской произвести перешивку 7019 км железнодорожного пути западноевропейской колеи на колею союзную с удлинением станционных путей до 750 метров»⁴.

Для проведения намеченных мероприятий в западных областях Белоруссии и Украины, где только предусмотренная перешивка железнодорожных линий составляла более семи тысяч километров, требовались значительные ресурсы. Кроме того, необходимо было проводить полномасштабные работы, включавшие замену балласта, шпал и рельсов, а также удлинение станций, их техническое оборудование, развитие станционных путей под составными поездами, выполнение необходимых работ по СЦБ и связи.

Для обеспечения маневра разгрузкой при оперативных перевозках войск требовалось более трехсот выгрузочных площадок и платформ. Из числа уже имевшихся, вследствие их непригодности, то есть малой длины и несовершенства покрытия, без реконструкции и дополнительного строительства можно было использовать только их ограниченное количество.

Что касается отдельных пунктов, которые были намечены под станции снабжения, то ни один из них по своему обустройству не удовлетворял необходимым требованиям, предъявляемым к работе станций снабжения. «Для устранения существующих ненормальностей крайне необходимо проведение следующих мероприятий:

1). Постройка новых железнодорожных линий:

- а) Лепель — Крулевщина протяженностью — 75 км;
- б) Тимковичи — Барановичи протяженностью — 66 км;
- в) Новоград Волынский — Ровно протяженностью — 101 км;
- г) Камень Подольский — Ларга протяженностью — 30 км.

2). Укладка вторых путей:

- а) Двинск — Свеняны протяженностью — 70 км;
- б) Гречаны — Ярмолинцы протяженностью — 40 км;
- в) Тернополь — Березовица — Остров протяженностью — 9 км;
- г) Канычинцы — Выгнанка — Бяла-Чертковска протяженностью — 29 км»⁵.

План воинских перевозок мог быть реализован в указанные сроки только в том случае, если необходимая норма поездов для НКО по воинскому графику движения 1941 г. была бы полностью обеспечена проводимыми работами по реконструкции и дополнительному строительству. В документах специально оговаривалось «требуемое проведение работ по плану НКО на железнодорожных направлениях и участках, на которых в 1941 году необходимо увеличить пропускную способность:

- 1) Крулевщина — Подбродзе протяженностью — 200 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;
- 2) Полоцк — Молодечно — Волковыск — Черемха — Семятичи протяженностью — 581 км, необходимо довести до 72 пар поездов в сутки;
- 3) Белосток — Граево протяженностью — 80 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;
- 4) Лапы — Курпе протяженностью — 80 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

5) Минск — Молодечно — Гудогай — Нововилейка протяженность — 175 км, необходимо довести до 48 пар поездов в сутки;

6) Минск — Барановичи — Жабинка — Брест-Литовск протяженность — 350 км, необходимо довести до 96 пар поездов в сутки;

7) Калинковичи — Лунинец — Жабинка — Брест-Литовск протяженность — 403 км, необходимо довести до 72 пар поездов в сутки;

8) Белокоровичи — Сарны — Ковель протяженность — 255 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

9) Новоград-Волынский — Шепетовка — Тарнополь протяженность — 205 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

10) Тарнополь — Копычинцы — Залещики — Черновицы протяженность — 230 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

11) Ярмолинцы — Копычинцы — Хриплин — Вороненка протяженность — 225 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

12) Тернополь — Ходоров — Стрый протяженность — 173 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

13) Львов — Стрый — Бескид протяженность — 164 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки;

14) Жмеринка — Могилев-Подольский — Жница — Ларга — Черновцы протяженность 300 км, необходимо довести до 24 пар поездов в сутки»⁶.

Таким образом, неудовлетворительное состояние пропускной и перегрузочной способности приграничных железных дорог вело к нарушению сроков оборонного строительства и своевременного подвоза снабженческих грузов, а в военное время — к срыву сосредоточения и развертывания войск и обеспечения их всем необходимым для ведения боевых действий.

По плану оборонного железнодорожного строительства, разработанного Генеральным штабом РККА, необходимые работы на присоединенных территориях должны были завершиться только к концу 1942 году. Мероприятия, проведенные в 1940 г., облегчили положение с использованием железнодорожного транспорта в интересах обороны, но полностью не устранили имеющиеся недостатки в пропускной способности приграничных железных дорог.

Так как работы по реконструкции и строительству не планировались заранее, а возникли после присоединения западных областей Белоруссии и Украины к СССР, то они сопровождались нехваткой рабочей силы, строительных механизмов и запасных частей к ним, строительных материалов, перебоями с подачей балласта на балластируемые участки и со снабжением топливом, что, в свою очередь, приводило к простоям и замедлению темпов работ. Это ставило под угрозу срыва подготовку Западного театра военных действий и, соответственно, развертывание армейских частей и соединений в приграничной полосе с целью создания преимущества над потенциальным противником, особенно в начальный период войны.

Примечания

1. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 81, оп. 3, д. 330, л. 115—118.
2. Там же.
3. Там же, л. 120—126.
4. Там же.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 169—172.
6. Там же, л. 175—276.

Социально-экономический и правовой статус вдовы в Древней Руси

С.В. Омелянчук

Аннотация. В статье исследуется социально-экономическое и правовое положение вдовы в Древней Руси, раскрывается влияние социального статуса, наличия детей и их возраста на ее состояние, показываются проблемы, с которыми сталкивались вдовы, а также роль государства и церкви в их разрешении.

Ключевые слова: вдова, семья, брак, дети, имущество, Древняя Русь.

Abstract. The article examines the socio-economic and legal status of the widow in Ancient Russia, reveals the influence of social status, presence of children and their age on her condition, showing problems faced by widows and the role of church and state in their resolution.

Key words: the widow, family, marriage, children, property, Ancient Rus.

В настоящее время проблемы брачно-семейных отношений и положения женщины в Древней Руси рассматриваются как в рамках исторической науки, так и истории права. Однако даже наиболее авторитетные авторы ¹, работающие в этом направлении, лишь затрагивают проблему социально-экономического и правового статуса вдовы в Древней Руси домонгольского периода.

В древнейшие времена одним из главных достоинств человека была физическая сила, позволявшая выжить не только отдельному индивидууму, но и всему племени. Поэтому высшую степень общественной и семейной иерархии занимали мужчины-воины, которые могли накормить и защитить своих соплеменников и родственников. И независимо от формы заключения брака и места, занимаемого женщиной в общественной иерархии, полновластным главой семьи был именно муж. Он мог судить свою жену, подвергать ее телесным наказаниям и даже распоряжаться ее жизнью.

Однако, как справедливо отметил С.М. Соловьёв, «если женщина вышла замуж в чужой род, то при строгом и ревнивом надзоре новых родичей муж был единственным существом, от которого она ждала и любви и покровительства» ². Поэтому овдовев, женщина, уже утратившая связь со своей роди-

Омелянчук Светлана Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела качества Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. E-mail: omelyanchuks@mail.ru.

Omelyanchuk Svetlana V. — Ph.D., docent, head of Quality Department St. Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruevich. E-mail: omelyanchuks@mail.ru.

тельской семьей, теряла в лице мужа единственного заступника и покровителя. Ее некому было защитить от придирок, претензий и даже прямого насилия, как со стороны новых родственников, так и посторонних людей.

Возможно, именно в этом кроется одна из причин существования в дохристианской Руси традиции добровольного захоронения женщины с умершим мужем, о которой много писали арабские, византийские, западноевропейские авторы³, подтверждаемой в настоящее время археологическими данными⁴.

Однако уход в потусторонний мир вслед за умершим супругом не был единственным вариантом развития событий для вдовы. Об этом свидетельствует, как приблизительно одинаковое количество мужских и женских захоронений в отдельных могилах⁵, так и судьбы некоторых овдовевших княгинь. Например, Ольга после смерти своего супруга князя Игоря не только имела возможность вступить во второй брак с древлянским князем Малом («Реша же Деревляне: исе князя убихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль...»⁶), но и самостоятельно управляла государством до совершеннолетия своего сына Святослава («иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе»⁷).

Вдова князя Ярополка Святославича, убитого в междоусобице с его братом Владимиром, стала женой победителя («Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню...»⁸), что говорит о существовании в дохристианской Руси принципа левирата, предписывающего вдове вступление в брак с близким родственником мужа.

Принятие христианства на Руси не могло не отразиться на положении вдовы. Одной из целей, провозглашаемой христианской церковью, была забота о самых незащищенных и уязвимых членах общества, к которым не без основания относились вдовы и сироты. Автор «Слова Св. Отец же не обидети вдовы и сироты» писал: «...Всякая же вдовы и сироты не озлобите... О имении бо сиротине и вдовичине помышляй». В качестве главного защитника этих обездоленных он называл самого Бога: «силень бо есть Богъ и рече: азъ есмь отецъ сиротамъ, и мстителъ вдовицамъ (оборонитель)». Принимая во внимание такой высокий уровень покровительства, и кары за нанесенные обиды вдовам обещались самые суровые: «...Аще неправдою озлобиши сироту или вдовицу, они же въ горести душа ихъ въздыхающе возопиють ко Мне. Азъ же скоро услышу вопль ихъ, и пушу на вы гневъ свой и погублю вы напрасно; и будутъ жены ваша вдовы, а чада ваша сироты и никто их не помилуетъ... Горе обидящему вдовицу или сироту; лучше бы ему огонь в домъ свой вверегше, запаливъ, избегнути, нежели за сихъ въздызание ввержену быти въ геену огненную»⁹.

Так как представительницей Бога на земле являлась Церковь, то не удивительно, что именно она и взяла под свое покровительство вдов. Статья 10-я Устава князя Владимира Святославича (Оленинской редакции) относит к митрополичьим людям церковным (то есть подлежащим церковному суду и находящимся под покровительством церкви) не только клириков, но и некоторых представителей светского населения, среди которых указана и «вдовица»¹⁰.

Положение женщины, лишившейся мужа, зависело от ее социального статуса, наличия детей и их возраста. Княжеские вдовы принимали активное участие в политической жизни древнерусского государства. Так, вдова Всеволода Ярославича («Всеволожая») сумела повлиять на своего пасынка Владимира Мономаха и уладить его конфликт со Святополком Изяславичем, разгоревшийся из-за ослепления Василька Требовльского, и предотвратить нападение Мономаха на Киев: «Всеволожая и митрополить придоста к Володимеру и молистася ему и поведаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти земле Русь-

кие; и брань имети с погаными... И преклонился на мольбу княгинину, чты-шесть ю акы матерь, отца ради своего...»¹¹

Однако не только вдовы княгини, но и вдовы, принадлежащие к иным социальным слоям, пользовались почетом и уважением. Так, в древнерусских былинах среди гостей на княжеском пиру можно встретить купеческих вдов: «А во городи было да стольнем Киеви а у ласкова князя да у Владимира уж завелса у князя нонь почесен пир. А за тем-де столом да за середним, а сидели-де у князя на чесном пиру кабы две-де вдовы, право, купчевьи, а сидели эти вдовы, право, поблизку, але поблизку сидели, да, право, порядку, при веселой они, право, при публике, а одна-де с другой да розговор вели»¹².

Наиболее благополучным было положение вдовы с детьми или, как ее называли на Руси матерой вдовы, пользовавшейся большим авторитетом в семье и обществе. Она, как писал И.Д. Беляев, «делалась главою семейства, и в этом значении, признанная обществом, пользовалась многими правами, как прямой непосредственный член общины»¹³. Матерая вдова могла стать главой семьи и получить право распоряжения семейным имуществом, если после смерти мужа оставались маленькие дети или если семья еще не была разделена. Стронний опекун, как указывает статья 99 Пространной редакции Русской Правды, назначался только в случае, если «будуть в дому дети мали, а не джи ся будут сами собою печаловати» (то есть не смогут о себе позаботиться), а их мать «пойдет за мужь»¹⁴. Даже если хозяйствование вдовы наносило ущерб экономическим интересам ее детей, она компенсировала его только в случае повторного замужества: «Аже жена ворочеться седети, по мужи, а растеряеть добыток и поидеть за мужь, то платити ей все детем»¹⁵.

После смерти мужа вдове переходила и его власть над детьми. Например, когда в Новгороде начинал буйствовать богатырь-хулиган Василий Буслаев («Поводился ведь Васька Буслаевич со пьяницы, с безумницы, с веселыми удалыми добрыми молодцами, допьяна уж стал напиватися, а и ходя в городе, уродует: которого возьмет он за руку — из плеча тому руку выдернет; которого заденет за ногу — то из гузна ногу выломит; которого хватит поперек хребта — тот кричит, ревет, окорач ползет»), новгородцы искали управы на него только у его матери: «А и мужики новгородские догадалися, пошли они с дорогими подарками к матерой вдове Амефеле Тимофеевне: “Матерая вдова Амефела Тимофеевна! Прими у нас дороги подарочки, уйми свое чадо милое Василья Буслаевича”». Только мать и могла утихомирить расходившегося сына-хулигана. Она начинала «журить-бранить» его, «на ум учить», сажать в «погребя глубокие», затворять «дверьми железными» и запирает «замками булатными»¹⁶. Однако порой сыновьям удавалось противостоять воле своих овдовевших матерей. Так, Феодосий Печерский принял монашеский постриг, несмотря на все старания его матери, пытавшейся отговорить его от этого «овогда ласканием, овогда же грозою, иногда же и биуще»¹⁷.

В отсутствии отца матерая вдова принимала активнейшее участие в заключение браков своих детей. Волынский князь Владимир Василькович в своем рукописании просил брата Мстислава не выдавать по своей воле замуж дочь Владимира Изяславу, а сохранить это право за его супругой: «и от сего детища, от Изяславы же, не от-дать ее неволею ни за кого же, но кде боудеть княгине моеи любо, тоуототь ю дати»¹⁸.

В былине «Хотен Блудович» матерая вдова Овдотья Блудова обращалась к другой вдове с такими словами: «Уж ты ой еси, Марина Чусова вдова! У меня ле как есь да сын Фатенушко, а у тя-то ле есь да дочи Аннушка — Уж не можно ле как, право, посвататьсе, а посвататьсе нонь, низко поклонятысе? А не можно ле как да их вместях свести, а вместях ле свести, да большой род завести?»¹⁹

Если же отец оставлял после смерти взрослых детей, а семья была разделена, вдова не могла претендовать на отцовскую власть. Статья 93 Пространной редакции Русской Правды даже лишала жену права на наследование семейного имущества: «... А задница ей мужня не надобе». Правда часть семейного имущества закреплялась за вдовой, отказавшейся от повторного замужества: «Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати; а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа»²⁰. Никто кроме вдовы не мог претендовать на ее выдел из имущества мужа, даже дети: «...А матерняя часть не надобе детям»²¹. При этом часть матери вряд ли была меньше части каждого из детей, так как, если бы это неравенство в количественном отношении существовало, то оно, конечно же, было бы оговорено в законе, полагал А.Н. Попов²². В княжеских семьях вдовый выдел мог быть очень значительным. Волынский князь Владимир Василькович «даль есмь княгине своей по своему животе городъ свои Кобрынь и с людьми и з данью ... даль есмь ей село свое Городель и с мытом... а Содовое ей Сомино же даль есмь княгине свое...»²³

Полученное в качестве выдела после смерти мужа движимое и недвижимое имущество позволяло вдове чувствовать себя более независимо и обеспечить свою старость в случае возможного конфликта с уже взрослыми детьми. Как показывают нормы Русской Правды, подобные недоразумения не были редкостью, поэтому законодатель сделал все возможное, чтобы защитить интересы вдовы. За матерью оставалось право выбора места жительства. И если она принимала решение остаться в доме своего покойного мужа, дети должны были подчиниться ее воле даже против своего желания: «Не хотети ли начнуть дети ей ни на дворе, а она начнетъ всяко хотети и седети, то творити всяко волю, а детям не дати воли»²⁴.

Однако, настаивая на немедленном выселении матери, непокорный сын мог создать для нее такие невыносимые условия, при которых мать-вдова предпочла бы уехать из мужнего дома добровольно. Так 9-я статья Синодальной редакции Церковного устава князя Владимира приводит пример семьи, в которой дети могут бить родителей, а сноха издеваться над свекровью («или сын отца бьетъ, или мать, или дчи, или съноха свекровь»²⁵). Упомянутая свекровь, скорее всего пожилая вдова, доживавшая свой век в семье сына, так как при жизни свекра, являвшегося главой семьи, невестка вряд ли могла позволить себе подобные действия.

По мнению В.В. Момтова, иллюстрацией такого конфликта может быть и новгородская берестяная грамота № 41 (стратиграфическая дата — 40—50 гг. XIV в.): «Поклон от Фовронии Филиксу с плачем. Избил меня пасынок и выгнал со двора. Велишь ли мне ехать в город? Или сам поезжай сюда. Я избита». Как считает автор, после смерти отца осложнились и без того неприязненные отношения пасынка со своей мачехой. Если при жизни отца он не давал волю рукам, то теперь он таким образом выразил свое отношение к бывшей супруге своего отца²⁶.

В сложившейся ситуации вдова могла поселиться у другого сына, завещав ему за заботу свою вдовью часть: «... у кого будетъ на дворе была и кто ю кормил, то тому взятии»²⁷. Но бывали такие случаи, когда «все сынове ей будутъ лиси», тогда мать могла найти пристанище в семье дочери и отблагодарить ее: «а дочери можеть дати, кто ю кормить»²⁸.

Притеснения могли грозить вдове не только от детей, но и от других родственников. И даже высокий социальный статус не способен был защитить ее от сторонних претензий. Так в 1170 г. владими́ро-во́лыньский князь Владимир Мстиславич «уведав, что Владимир Андреевич умер, пошел к Дорогобужу». Но, зная характер Владимира Мстиславича, дорогобужские бояре заперли город и не пустили его. Тогда он «послал ко Святославне, княгине Владимировой,

обещал ей с тяжкою клятвою никоего зла ей не учинить, ни даже себе город не взять, но ее, как ятровь свою, от Мстислава охранить. Чему княгиня и вельможи поверили и, приведши его к клятве, пустили во град и приняли с честью». Однако, как указывает В.Н. Татищев, «на следующий день забыв свою клятву, прельстясь на имение Владимирово, требовал оно себе в охранение. И так как ему в том княгиня отказала, то он силою, послав по селам, все где что было побрал и саму княгиню из града выгнал и всем овладел»²⁹.

Нет ничего удивительного в том, что умирающие князья беспокоились о будущем своих вдов и детей и старались обезопасить их, взяв с родичей клятву, не покушаться на их имущество. Так, волынский князь Владимир Василькович «посла ... к брату тако река: “брат мой Мьстиславе, целоуи ко мне хрестъ на томъ, како ти не отяти ничегож ото княгини моеи по моемъ животе, что есмь ей даль”». А Мстислав в свою очередь обещал: «не даи мне Богъ того, оже бы мне отяти что по твоємъ животе оу твоєи княгини..., но дал ми Богъ имети свою ятровь, аки достоиную матрь себе и чтити...»³⁰

Если матерая вдова, защищенная законом и общественным мнением, на склоне лет могла стать жертвой претензий со стороны своих детей и родственников, то положение бездетной вдовы было еще более тяжелым. Как писал С.С. Шашков, «это была незащищенная, жалкая личность, подверженная насилию каждого встречного. Бездетная вдова считалась как бы негодной вещью, неудовлетворившею своему назначению и выброшенной за ненадобностью на улицу»³¹.

Вероятно, именно бездетную вдову имел в виду князь Владимир Святославич, когда писал, что «...убогые вдовице не даль есмь сильным обидети...», и рекомендовал в поучении потомкам: «...вдовицю оправдайте сами, а не вдавайте сильным погубити человека»³².

Бездетная вдова могла рассчитывать лишь на небольшую часть имущества своего умершего супруга, так как основное его достояние шло на помин души. Но ее доля могла быть существенно увеличена при условии, что она уйдет в монастырь. В этом случае, полученное ею имущество становилось собственностью монастыря и, в конечном счете, после смерти обоих супругов все же шло на помин их душ. Одно из древнерусских поучений давало мужу следующий совет: «Если жена даст обет постричься по тебе, почти ее как свою душу и оставь ей свое имение, отделив только часть для Бога»³³.

Наверно этой рекомендацией воспользовался новгородский купец Климент, который, будучи бездетным, завещал свое имущество и заботу о супруге монастырю: «А свою жену приказываю игумену Варламу и всеи братьи...» В случае принятия вдовой Климента монашества, ей передавалась половина скота («в скоте, в овцах и в свиньях розделить с женою моею на пол»), четверть недвижимого имущества («то выдаите ей четверть, отъ не будетъ голодна») и двор («и двор городьский ей же даю»). Если же вдова Климента оставалась в миру, то завещатель предоставлял монастырю право сократить часть на содержание жены «или того не въслушаетъ, а нечто меньшее дадите ей»³⁴.

В вопросе вступления вдов в повторный брак церковь руководствовалась положениями Евангелия. Опираясь на слова апостола Павла, духовенство, с одной стороны, поддерживало идею безбрачия вдов («Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я» [1-е к коринфянам; VII : 8]), а с другой, опасаясь, что молодые вдовы могут поддаваться искушению, не препятствовало их новому супружеству: «Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию» (1-е к Тимофею; V : 14)³⁵.

Однозначно неодобрительно смотрело духовенство на повторный брак вдов священнослужителей. Так, популярное на Руси апокрифическое произведение

«Хождение Богородицы по мукам» живописует страдания в аду попадей, которые «поповь своих не почтоша. И по смерти ихъ идоша за мужь». Они, как сказано в апокрифе, «висяща за все ногти и пламени исходяше из уст ихъ и опаляше вся, и змия исходяше изъ пламени того и прилепяху къ нимъ, и вопияху, глаголяше: “Помилуйте насъ, яко мы едины мучимся паче всехъ мукъ”»³⁶.

По мнению Д. Дубакина, ко второй половине XIII в. в древнерусском обществе укрепился обычай пострижения вдов в монахини³⁷. Эту точку зрения поддерживал и С. Шпилевкий, объяснявший эту традицию волей мужей, «которые не сочувствовали вторичному вступлению в брак своих вдов»³⁸.

Однако древнерусские источники, описывая случаи пострижения вдов в монашество (в 1218 г. постриглась вдова великого князя Константина Всеволодовича: «Княгыни же Константинова ту и пострижесе надъ гробомъ мужа своего»³⁹), не настаивают на том, что этот шаг вменялся им в обязанность. Например, Ипатьевская летопись содержит рассказ о вдове минского князя Глеба Всеславича, которая сидела «по князи своемъ вдовою лет 40»⁴⁰. А вольгский князь Владимир Василькович в своем рукописании оставил за своей супругой право самостоятельно определить свое вдовье будущее: «А княгини моа, по моемъ животе, оже восхочеть в чернице пойти поидеть, аже не восхочеть ити, а како ей любо, мне не восставши смотреть, что кто иметь чинити по моемъ животе...»⁴¹

И та тщательность, с которой Русская Правда регламентирует имущественное положение вдовы, как в случае сохранения вдовьего статуса («Аже жена сядеть по мужи...»), так и в случае повторного замужества («Аже будутъ в дому дети мали..., а мати... поидеть за мужь...», «Аже жена ворочеться седети, по мужи, а растеряеть добыток и поидеть за мужь...») ⁴², по всей видимости, свидетельствует о том, что повторное супружество для вдовы не было такой уж редкостью.

Таким образом, в Древней Руси положение женщины, утратившей мужа, зависело, в первую очередь, от наличия у нее детей. Наиболее благоприятным было положение вдовы с детьми («матерой вдовы»). Она пользовалась уважением в семье и обществе, а в случае сохранения своего вдовьего статуса распоряжалась семейным имуществом и судьбами своих детей. В сложной жизненной ситуации оказывалась бездетная вдова. Не имея права наследовать имущество супруга, она могла рассчитывать лишь на его небольшую часть. Не менее важным фактором, определявшим положение вдовы, был ее социальный статус. Принадлежность к высшим слоям древнерусского общества и соответствующее имущественное положение в известной степени обеспечивали защиту интересов вдов. Некоторые из них даже играли заметную роль в жизни государства. Однако необходимо отметить, что порой ни высокий социальный статус, ни наличие детей не могли защитить вдов от притеснений со стороны посторонних людей, родственников и даже повзрослевших детей.

Примечания

1. ПУШКАРЁВА Н.Л. Женщины Древней Руси. М. 1989; МОМОТОВ В.В. Формирование семьи и брака в русском средневековом праве IX—XIV вв. Ростов-на-Дону. 1999; НИЖНИК Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. М. 2006.
2. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1—2. М. 1988, с. 101.
3. См.: ГАРКАВИ А.Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца века по Р.Х.). СПб. 1870, с. 97, 99—100, 129; НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.

- Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 388; МИШУЛИН А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. — Вестник древней истории. 1941, № 1, с. 253; МАКУШЕВ В. Сказание иностранцев о быте и нравах славян. СПб. 1861, с. 141.
4. СЕДОВ В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М. 1982, с. 248, 253—255.
 5. МАВРОДИН В. Древняя Русь (происхождение русского народа и образование Киевского государства). М. 1946, с. 129.
 6. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентиевская и Троицкая летопись. СПб. 1846, с. 23.
 7. Там же, с. 25.
 8. Там же, с. 33.
 9. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. СПб. 1897, вып. 3, с. 90.
 10. Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. М. 1984, с. 140.
 11. Полное собрание русских летописей, т. 1, с. 112.
 12. Хотен Блудович. Свод русского фольклора. Т. 2. СПб.-М. 2001, с. 81.
 13. БЕЛЯЕВ И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М. 1888, с. 59.
 14. Правда Русская. Т. 2. М.-Л. 1947, с. 659.
 15. Там же, с. 668.
 16. Былины. Л. 1954, с. 243—252.
 17. Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерьского монастыря. Списано Нестором, мнихом того же Печерьского монастыря. В кн.: Патерик Киевского Печерьского монастыря. СПб. 1911, с. 19.
 18. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М. 1962, стб. 904.
 19. Хотен Блудович, с. 81.
 20. Правда Русская, с. 649.
 21. Там же, с. 677.
 22. ПОПОВ А. Об опеке и наследстве во времена Русской Правды. В кн.: Сборник исторических и статистических сведений о России народах ей единоверных и единоплеменных. Т. 1. М. 1845, с. 112.
 23. Полное собрание русских летописей, т. 2, стб. 903—904.
 24. Правда Русская, с. 671.
 25. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. В кн.: Российское законодательство, с. 149.
 26. МОМОТОВ В.В. Формирование русского средневекового права в IX—XIV вв. М. 2003, с. 194.
 27. Правда Русская, с. 677.
 28. Там же, с. 686.
 29. ТАТИЩЕВ В. История Российская. Т. 2. М. 2003, с. 349—350.
 30. Полное собрание русских летописей, т. 2, стб. 904—905.
 31. ШАШКОВ С.С. История русской женщины. СПб. 1879, с. 49.
 32. Полное собрание русских летописей, т. 1, с. 101—102.
 33. Цит. по: ДОБРЯКОВ А. Русская женщина в до-монгольский период. СПб. 1864, с. 93.
 34. Памятники русского права. М. 1953, вып. 2, с. 109.
 35. Библия книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. М. 1968, с. 208, 255.
 36. Хожение Богородицы по мукам. В кн.: Памятники литературы Древней Руси: XII в. М. 1980, с. 174.
 37. ДУБАКИН Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб. 1880, с. 94.
 38. ШПИЛЕВСКИЙ С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань. 1869, с. 124.
 39. Полное собрание русских летописей, т. 1, с. 188.
 40. Полное собрание русских летописей, т. 2, стб. 492.
 41. Там же, стб. 905.
 42. Правда Русская, с. 649, 659, 668.

Бакинские международные ярмарки в таможенных документах 1922—1929 гг.

Р.А. Гулиев

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемы осуществления внешнеторговых операций Азербайджанской ССР в 1922—1929 гг., которая с конца 1922 г. находилась в составе СССР. Организация международной ярмарки именно в Баку была обусловлена наличием в городе торгового порта, обладающего большими техническими возможностями, а также таможни, известной своими историческими традициями, что значительно облегчает реализацию торговых связей с зарубежными странами. Бакинская ярмарка располагалась в помещениях новой таможни вблизи Черного города и вокзала. Летом 1925 г. Совнарком Азербайджанской ССР вынес решение о начале сооружения здания международной Бакинской ярмарки. С укреплением промышленной мощи Советского Союза возрастали торговые обороты ярмарки. Все государственные структуры, в том числе таможенные власти, подчинялись директивам и указаниям центральных органов. Статья написана на основе архивных документов, которое впервые используются в научной литературе.

Ключевые слова: Бакинский порт, Джульфинская таможня, внешнеэкономическая политика, Комиссариат внешней торговли, Азнефть, Заквнешторг.

Abstract. In the article is analyzed some of the problems of the realization of foreign trade operations of Azerbaijan SSR in 1922—1929, which, at the end of 1922 was part of the USSR. Organization of the international fair namely in Baku was due to the presence of the commercial port in the city, which has a greater technical potentialities, as well as customs, known for its historical traditions, greatly facilitates the implementation of trade relations with foreign countries. Baku Fair was located in the new premises of the new customs not far from the Black city and the Station. In summer of 1925 Soviet of Peoples Commissars of Azerbaijan SSR issued a decision on starting the construction of buildings for international Baku fair. With the strengthening of the industrial might of the Soviet Union increased trading turnover of the fair. All the government agencies, including customs authorities, were subordinated to the directives and instructions of the central authorities. The article was written on the basis of archival documents, which were first used in the scientific literature.

Key words: Baku port, Julfa customs, foreign economic policy, the Commissariat of Foreign Trade, Azneft, Zakvneshtorg.

В 20-е гг. XX в. большую роль в развитии таможенного дела и торговых связей с зарубежными странами, наряду с традиционной Нижегородской ярмаркой,

Гулиев Рофат Али оглы — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Академии МЧС Азербайджанской Республики. E-mail: rofat.quliev@mail.ru.

Guliyev Rofat Ali oglu — PhD in history, senior researcher at the Academy of Ministry of Emergency Situations of Azerbaijan Republic. E-mail: rofat.quliev@mail.ru.

играли и Бакинские ярмарки. Организуя подобные мероприятия, Советское государство преследовало в основном цель обретения экономических дивидендов, чрезвычайно важных для возрождения пребывавшей в тяжелейшем положении экономики, обеспечения внутренних регионов Советского Союза всеми необходимыми товарами посредством восстановления нарушенных торгово-экономических связей со странами Ближнего Востока, в первую очередь, с Ираном, Турцией, а также с западноевропейскими государствами ¹.

Вызвал споры вопрос о том, в каком именно городе Южного Кавказа следует проводить ярмарки. После длительных обсуждений были приняты во внимание более благоприятные условия в Баку, по сравнению с Тифлисом, где располагались краевые органы управления. Организация международной ярмарки именно в Баку была обусловлена не только расположением города на торговых путях и его выходом к морю, принималось в расчет и то обстоятельство, что наличие в городе торгового порта, обладавшего большими техническими возможностями, а также таможни, известной своими историческими традициями, значительно облегчает реализацию торговых связей с зарубежными странами.

14 мая 1922 г. Совет народных комиссаров (СНК) Азербайджанской ССР принял решение об организации Бакинской ярмарки ². Она должна была стать в тот период первым шагом в процессе налаживания экономических связей СССР с Ираном, Турцией, Афганистаном, Монголией и Западным Китаем. В состав организационного комитета ярмарки входили двое азербайджанцев — А. Гулубеков и А. Махмудбеков. 21 августа 1922 г. Бакинский Совет выделил комитету для проведения организационных работ 25 млрд рублей. Кроме того, специально было построено административное здание в центре города ³.

Расширение внутреннего производства и рост экспортно-импортных операций, играющие важную роль в восстановлении народного хозяйства, требовали в то же время эффективной организации таможенного дела и совершенствования нормативно-правовой базы таможенного контроля ⁴. На состоявшейся в Тифлисе 11 ноября 1921 г. конференции, посвященной вопросу организации таможенного дела в республиках Закавказья, было принято решение о свободном перемещении товаров из одной советской республики в другую, создании единого органа и экспортного фонда в целях координации внешней торговли. До февраля 1922 г. таможни на территории Азербайджана использовали нормативные документы РСФСР, а во многих случаях — и таможенный тариф Российской империи от 1903 г., другие нормативные документы, изданные до декабря 1917 года.

Согласно Положению «О таможенном контроле в Азербайджанской ССР», учрежденному решением СНК Азербайджанской ССР и Народного Комиссариата финансов от апреля 1922 г., на таможенное управление возлагалась задача осуществления экономической политики в сфере регулирования экспорта и импорта продовольственной продукции, валюты и товаров, продаваемых за валюту, а также других предметов ⁵.

12 марта 1922 г. был ликвидирован Комиссариат внешней торговли Азербайджанской ССР, и полномочия управления внешнеторговыми операциями из единого центра были переданы вновь организованному Народному комиссариату внешней торговли (НКВТ) ЗСФСР. В каждой из республик Закавказья, в том числе и в Азербайджане, были образованы отделения этого комиссариата. С августа того же года местные отделения комиссариата были заменены государственными импортно-экспортными конторами. Основной задачей Комиссариата внешней торговли ЗСФСР было восстановление торговых связей со странами Востока, управление импортно-экспортным потенциалом трех советских республик Кавказа и усиление монополии государства в сфере внешней торговли ⁶.

Декрет Закавказского Союзного Совета «О применении импортных и экспортных налогов» от 11 октября 1922 г., учрежденный подписью председателя Союзного Совета ЗСФСР Н. Нариманова, определил новые таможенные правила в сфере внешних торгово-экономических связей. С опубликованием данного декрета были отменены все предыдущие декреты и решения о транзитных грузах и таможенных тарифах в пределах закавказских республик. Информация о вступлении в силу данного декрета была доведена до мест срочным телеграфом. Таким образом, был положен конец использовавшимся ранее льготам в экспортной сфере. Кроме того, были осуществлены меры, ограничивающие свободу торговли⁷. Таможенная служба Азербайджанской ССР была включена в состав Народного комиссариата финансов под названием Таможенное Управление. Ни одному субъекту гражданской и военной власти не разрешалось вмешиваться в процесс принятия решений, входивших в сферу полномочий таможенных учреждений. Наоборот, все органы власти обязаны были оказывать полное содействие законным требованиям, касающимся таможенного дела⁸.

Одной из важнейших стратегических задач Советского государства в процессе расширения внешней торговли было увеличение таможенной прибыли. Применение правил таможенного регулирования к товарам, поступившим из советских республик, отличалось достаточной лояльностью. Импортные товары разделялись на две подгруппы: товары из советских республик и товары из Ирана. Товары, экспортируемые на территорию Азербайджанской ССР из советских республик, не привлекались к таможенному обложению и осмотру. В случае, если за ввозимый из зарубежной страны почтовый сверток взималась пошлина в таможене соседней советской республики, то этот товар уже не проходил повторного таможенного осмотра в Азербайджанской ССР и с него не взималась пошлина. Не освобождались от взимания таможенной пошлины лишь нагруженные продовольствием туркменские лодки. Импорт товаров из Ирана, в зависимости от его количества, осуществлялся при оплате 10-процентной таможенной пошлины. Комиссариат внешней торговли РСФСР применял безлицензионный импортно-экспортный режим ко всем товарам в торговле между Россией и Ираном. Кроме того, в торговле РСФСР со странами Востока, в отличие от Азиатского таможенного тарифа 1922 г., на некоторые товары сохранялся прогрессивный тариф от 1903 года. Экспорт товаров в соседнюю страну, за исключением скота, зерна, нефтепродуктов и технических материалов, осуществлялся посредством оплаты 10-процентной пошлины. Для вывоза этих товаров в таможню представлялось заявление от экспортера. С 1922 по 1924 г. советские таможенные учреждения функционировали по новым тарифам. Без взимания таможенной пошлины разрешались поставки сельскохозяйственных машин и механизмов, семян и минеральных удобрений, не производящихся в стране удобрений и химических средств борьбы с вредителями⁹.

Согласно решению СНК Азербайджанской ССР от 23 апреля 1922 г., был утвержден циркуляр «О Правилах импорта и экспорта товаров из таможен Азербайджанской ССР». На продовольственные товары, перевозимые организациями «Центрсоюз», «Азериттифаг», «Военный кооператив» и «Внешторг», льготы не предоставлялись. Кроме того, при согласии Совета народного хозяйства Азербайджана материалы технического обеспечения допускались без взимания пошлин. Винные и другие спиртные напитки также допускались без взимания пошлин, но с акцизным обложением. Не взималась таможенная пошлина и с продовольственной продукции, провозимой пассажирами в соответствии с определенной нормой¹⁰.

В таможенных документах и материалах периодической печати содержится большое количество данных о таможенных операциях, осуществленных на первой Бакинской ярмарке, которая была проведена с 15 сентября по 15 ноября

1922 года. Газета «Бакинский рабочий» писала, что в работе ярмарки участвовали многие регионы России и Украины, обладавшие крупным промышленным потенциалом, республика Туркестан, предприниматели из Ирана и Турции, 6 частных предприятий и 2 кооперативные организации, а также 6 иностранных компаний¹¹. В 19-м номере от 1922 г. издававшегося в Баку сборника «Экономический вестник» указывалось, что до 8 октября на ярмарку было доставлено 148 694 пудов различной продукции, в том числе 13 600 пудов от иностранных компаний. Из них 95 200 пудов составляли продовольственные товары, 14 800 пудов — технические материалы и оборудование, 14 480 пудов — строительные материалы, 8976 штук — сельскохозяйственные орудия и механизмы, 3342 пуда — хлопко-волокно, шерсть, кожа и другие виды сырья. На Первой Бакинской ярмарке было реализовано около полумиллиона пудов различных товаров. Иран был представлен на ярмарке 30 компаниями (20 процентов всех участников), около 40 процентов из поступивших в оборот товаров на сумму в 1 641 120 руб. золотом было получено от иранских предпринимателей¹².

В целях развития торговых взаимосвязей, для участия в ярмарке были приглашены торговые фирмы из ряда стран Востока, в том числе и Турции. Подобное предложение было положительно воспринято правительством Турции, вследствие чего турецким предпринимателям было разрешено участвовать в работе Бакинской ярмарки. Сельскохозяйственное сырье Ирана экспортировалось в республики Южного Кавказа, РСФСР и Украину. В ряде советских республик началось промышленное производство товаров, предназначенных для продажи на ярмарке¹³. Однако социально-экономические и правовые барьеры затрудняли работу ярмарки. Среди них можно отметить известную ноту лорда Керзона, закрытие «черной» биржи, искусственное повышение цен на фабричные товары, на хлопчатобумажные ткани и т.д. На ярмарке 1923 г. 22,8% выставленной на продажу основной торговой продукции составлял сахар, 23,7% — хлопчатобумажные ткани, 10,3% — хлопок-волокно, 8,3% — рис, 3,8% — сухофрукты, 3,2% — стекло и фарфоро-фаянсовая посуда, 5,3% — спички. 30% всей проданной продукции, в частности 81 тыс. пуд. сахара, 68 тыс. пуд. муки, 19 тыс. пуд. спичек, — всего товаров на сумму в 1 465 000 руб. — было вывезено в Иран. Большая часть тканей, произведенных на российских фабриках, не была продана из-за установленных на них высоких цен. С учетом некоторых форс-мажорных факторов в практике ярмарки 1923 г. были предприняты шаги, касающиеся введения новых льгот. Согласно решению Тарифного комитета, тариф на все товары, доставляемые в Баку посредством железной дороги, уже в период проведения ярмарки был понижен на 15%. Были введены льготы на ткани и вязаные изделия, спички, цемент, медь, латунь, бронзу, железные трубы, сельскохозяйственные машины и орудия (за исключением орудий, изготовленных из дерева), электрическое оборудование — на 20%, на стекло, хрустальную и фарфоро-фаянсовую посуду, железные и чугунные изделия — на 30%, иностранные товары — на 10%. Каспийское морское пароходство, приняв аналогичное решение, ввело льготы на поставки привозимых из портов Ирана риса и сухофруктов — на 20%, на другие грузы — на 30%. Помимо этого, льготы на железнодорожные тарифы для возврата непроданных товаров составили 10%, а корабельную доставку — 15%¹⁴.

По желанию предпринимателя разрешалось проведение таможенного досмотра товаров, доставляемых на ярмарку из стран Востока, а также отправка оплаты пошлины из приграничных таможен прямо в Бакинскую таможню. Кроме того, в случае, если товары, не проданные на ярмарке, в предусмотренный срок доставлялись в страну производства, таможенная пошлина подлежала возврату. Иностранным торговцам разрешалось брать 25% валютной выручки от продажи на ярмарке товаров.

Азербайджан на ярмарке представляли тресты «Азериттифаг», «Азерипек», «Азертютюн», «Азердери», а из центральных организаций в ней участвовали «Нефтесиндикат», «Сахартрест», «Спичсиндикат», «Резинотрест» и «Кожсиндикат». В отличие от Нижегородской ярмарки, Бакинская предоставляла более благоприятный рынок для предпринимателей, обладавших средним и малым капиталом. Волжское государственное речное пароходство, осуществлявшее перевозку на ярмарку водным путем товаров из промышленных центров РСФСР, снизило транспортные тарифы. Вместе с тем, слухи о конфискации в Баку товаров иранских торговцев препятствовали работе ярмарки. Бакинское отделение НКВТ ЗСФСР направило соответствующие телеграммы в Иран, предотвратив, тем самым, бойкот ярмарки. 26 октября 1922 г. в Тегеран и Энзели было доведено через радиосообщение от имени председателя СНК ЗСФСР Нариманова следующее обращение: «Считаем своим долгом решительно подтвердить, что республики Федерации твердо стоят на платформе самого тесного сотрудничества с народами Востока, особенно Ирана, что вытекает из тесной исторической связи между обеими сторонами. С уверенностью подтверждаем, что не было и не могло быть никаких случаев отбора или конфискации товаров у иранских торговцев, все льготы и привилегии, связанные с Бакинской ярмаркой, остаются в силе». Это заявление также воспрепятствовало бойкоту Бакинской ярмарки¹⁵. Следует отметить, что проведение Бакинской ярмарки столкнулось с серьезным сопротивлением со стороны ряда действовавших в регионе иностранных компаний. Несмотря на это, меры, направленные на монополизацию внешней торговли, продолжались. Так, нескольким иностранным компаниям было отказано в получении лицензии. Впрочем, хотя коммерческие интересы советских торговых организаций и иранских предпринимателей зачастую не совпадали, большинство иностранных торговцев было довольно организацией торговых операций.

Нефтепродукты, производимые гегемонами нефтяной промышленности СССР — объединениями «Азнефть» и «Грознефть» — доставлялись на мировой рынок лишь со стороны центральной организации «Нефтесиндикат». Это указывало на то, что в начальный период Советской власти местные структуры обладали ничтожными полномочиями в сфере внешней торговли. В 1923 г. Совет народных комиссаров СССР предоставил ряду организаций и объединений в союзных республиках «право» самостоятельного выхода на внешние рынки. Например объединению «Азнефть», занимавшему одну из ведущих позиций в мировом производстве нефти, было разрешено вести переговоры о самостоятельной купле-продаже ряда наименований производимой им нефтяной продукции. Однако при реализации ограниченных прав, предоставленных осуществляющим внешнеторговые операции органам, организациям и объединениям, создавались искусственные проблемы. Так, в соответствии с существующими правилами, организация, получившая разрешение на торговлю с иностранными государствами, должна была, в первую очередь, перевести иностранную валюту на счет торговых представительств Советского Союза в зарубежных странах¹⁶. Переговоры относительно отдельных видов товаров проводились лишь на основе специальных лицензий, выдаваемых Комиссариатом внешней торговли. Контроль за соответствием внешнеторговых операций таможенному законодательству был поручен таможенной службе.

Наиболее активно принимали участие в ярмарке 1923 г. следующие предприятия, организации и компании (названия даются в соответствии с указанными в документе): Всесоюзный швейный синдикат, Главный хлопководческий комитет, «Сахаротрест», Всероссийский кожный синдикат, Комвольный трест, Синдикат швейной промышленности, Государственное эван металлургическое объединение, Московский машиностроительный трест, Шелковод-

ческий трест, «Уралмет», «Укртекстилтрест», «Госспирт», «Резинтрест», «Спичечный синдикат», «Продасиликат», «Госпосредник», «Транспортное общество», «Доброфлот», Закавказское государственное торговое управление, Советы народного хозяйства Грузии и Белоруссии, «Центрсоюз», «Азериттифаг», «Бакиттифаг», «Крайторг», «Нижегородской Промторг», «Царицынский пайторг», «Новтрестторг», «Аджарторг», «Армянторг», «Россия-Иран», «Иранская Ассоциация», «Рупеторг», «Азшараб», Закавказское управление железных дорог, Стекольно-фаянсовый трест, «Жиркость», «Мосмукомол», «Леноправление», «Полесторг», «Донснабторг», «Югспирт», «Югосталь», Северокавказский винный трест, «Новросцементтрест», «Донбассиликат», «Донсельмаш» и др.¹⁷ На заседании коллегии НКВТ ЗСФСР, состоявшемся 24 апреля 1923 г., обсуждался вопрос участия зарубежных компаний в работе Бакинской ярмарки.

Подобное участие, особенно компаний из Западной Европы, было признано неприемлемым. Это четко видно из содержания принятого решения, согласно которому были отмечены: 1) необходимость создания связей между рынками советских республик и Ирана как основной задачи Бакинской ярмарки; 2) полное ограничение европейского импорта внешнеторговой политикой закавказских республик; 3) разрешение на доставку на Бакинскую ярмарку западноевропейских товаров наносит ущерб интересам советской промышленности и одновременно привлекает внимание колониальной политики Европы к рынку Востока. Принимая все это во внимание, НКВТ ЗСФСР, хоть и не допустил участия западноевропейских компаний в работе Бакинской ярмарки, вместе с тем не запретил проведение переговоров о поставках товаров европейского происхождения, поскольку эти товары и без того поступали на территорию советских республик на основе общих правил¹⁸. Решением коллегии была предусмотрена организация в дни проведения Бакинской ярмарки совещания по вопросам советско-иранской торговли с участием компаний соседнего государства.

Не оправдали себя претензии относительно того, что Бакинская ярмарка наносит ущерб государственному бюджету Азербайджана и свободной торговле. Если бы это было действительно так, то грузинские руководители «Заквнешторга» не настаивали бы на переносе всесоюзной ярмарки на свою территорию, а именно в Тифлис. Поэтому здесь речь могла идти лишь об экономических и политических факторах, влияющих на расширение товарооборота ярмарки¹⁹. В отчете, представленном Совнаркому Азербайджанской ССР Высшим Экономическим Советом, отмечалось, что в 1924 г. в республику было экспортировано товаров на сумму 32 млн руб., а уровень импорта достиг отметки в 25 млн рублей. Большую часть экспортных товаров составляли хлопок, шелк, товары винодельческой и рыбной отраслей, а импортных — зерно, сахар, чай, бумага и книги, орудия сельского хозяйства. В 1922 г. было продано всего 57% поступивших на ярмарку товаров, в 1924 г. — 81%. На третьей ярмарке товаров было продано в 4,5 раза больше. Товарооборот только иранских предпринимателей составил более 4,8 млн рублей. Вес товаров, привезенных на ярмарку в 1925 г., вырос по сравнению с 1922 г. в 8,5 раз, а цена — в 4,4 раза. На Бакинской ярмарке была осуществлена купля-продажа товаров на сумму: в 1922 г. — 1865 тыс., в 1923 — 4776 тыс., в 1924 — 8470 тыс., в 1925 — 16 109 тыс., в 1926 г. — 16 283 тыс. рублей²⁰.

Согласно данным Центрального Статистического Управления Азербайджанской ССР, в 1925 г. из Ирана на Бакинскую ярмарку были привезены товары на сумму 4320 тыс. руб., в частности — хлопок на сумму 535 тыс. руб., рис — 665 тыс. и сухофрукты на сумму 756 тыс. рублей. Иранские предприниматели закупили на Бакинской ярмарке товаров на сумму 3936 тыс. руб., половину которой (1958 руб.) составили сахар и сахарный песок. Хотя на ярмарке 1926 г. наблюдалось снижение на 2,7% импорта товаров из Ирана, но предпри-

ниматели этой страны закупили товаров на 27% больше, чем на предыдущей ярмарке. В перечне этих товаров мануфактурная продукция составила 98%, объем сахара и сахарного песка возрос на 71%, а металлических изделий уменьшился на 51,3%.

На IV республиканском съезде Советов обсуждалось, наряду с ситуацией в различных отраслях народного хозяйства, положение во внутренней и внешней торговле. Из доклада председательствовавшего на съезде Г. Мусабекова следовало, что в 1924 г. в республике действовало 138 государственных, 317 кооперативных, 12 036 частных предприятий — всего 12 491 торговое предприятие. Из достигнутого в 1924 г. торгового оборота на сумму 80,2 млн руб. (в три раза больше, чем в 1922 г.) 45% приходилось на долю государственной, 6% — кооперативной, 49% — частной торговли. Начиная со второй ярмарки, иностранным предпринимателям были предоставлены льготные таможенные пошлины и транспортные тарифы²¹. На ярмарке взималась пошлина в размере 1% от стоимости выставленного на продажу товара, а также таможенный тариф с условием, что он не составит более 8%. В соответствии с решениями СНК Азербайджанской ССР от 15 июля и 14 октября 1925 г., для Бакинской ярмарки было построено новое здание, в котором уже в 1926 г. была проведена очередная ярмарка. Хотя на 5-й Бакинской ярмарке были представлены 10 стран, доля 4 из них (Украина, Иран, РСФСР и Азербайджан) составила 92% всех выставленных на продажу товаров. Из соседних республик пассивным участием на ярмарке выделялись Грузия (0,4%), Армения (0,2%) и Дагестан (0,1%). По объему товарооборота на ярмарке Азербайджан занимал четвертое место после Ирана, России и Украины. Одно из последних мест, занимаемых Арменией, было связано с тем, что она не обладала достаточными экономическими возможностями для налаживания внешнеэкономических связей²². Иран на ярмарке 1926 г. продал сельскохозяйственных товаров на сумму 625 тыс. руб., в частности хлопка-волокна на сумму 519 тыс., риса — 1870 тыс., сухофруктов — 583 тыс. рублей. На долю иранской стороны пришлось 73,3% (1024 тыс. руб.) проданной на ярмарке кожи. Весь проданный на ярмарке сахар на сумму 3942 тыс. руб. был привезен из Украины. Объем продаж РСФСР составил 3147 тыс. руб., из них 35,4% — швейные товары. Промышленные товары, проданные на ярмарке Азербайджанской ССР, были на уровне 21,4% от всего оборота продаж.

Для удовлетворения своих потребностей республика закупила на ярмарке промышленных товаров на сумму 4854 тыс. руб., продовольственных и сельскохозяйственных товаров — 1096 тыс. руб.; РСФСР — промышленных товаров на сумму 1810 тыс. руб., сельскохозяйственных товаров на сумму 430 тыс. рублей. Украина закупила в два раза больше товаров, чем на ярмарке 1925 года. На ярмарке 1926 г., сравнительно с 1925 г., товарооборот не снизился и оставался, можно сказать, стабильным, несмотря на применение некоторых запретов в Иране²³. На Бакинской ярмарке были широко представлены государственная, кооперативная и частная торговля. Если в работе первой ярмарки участвовали 28 государственных организаций, 2 кооператива и 65 предпринимателей или частных компаний, то в 1925 г. число участников возросло с 95 до 198; в частности, численность государственных организаций достигла 70, кооперативов — 7, предпринимателей и иностранных компаний — 121. Таким образом, в тот период среди участников ярмарки численность государственных организаций выросла в 2,5 раза, кооперативов — в 3,5 раза, предпринимателей и частных компаний — в 1,9 раза²⁴.

На заседании Государственной плановой комиссии СССР 15 марта 1926 г. был заслушан отчет Комиссариата внешней торговли о ярмарках, проведенных в 1925 г. в Баку и Нижнем Новгороде. В целях усиления работы ярмарок

комиссия приняла решение об осуществлении следующих мер: 1) увеличение объема экспортных товаров на ярмарках; 2) понижение пассивного баланса в торговом обороте ярмарок; 3) организация выставок по продаже и расширение переговоров об образцах торговых товаров; 4) распространение опыта заключения соглашений о купле-продаже товаров, в недостаточном объеме выносимых на рынок, и др.²⁵

Ряд торгово-коммерческих компаний Западной Европы стали проявлять серьезное внимание к ярмарке. Действовавшая в Париже Международная торговая палата в октябре 1927 г. обратилась к Закавказскому управлению внешней торговли с просьбой предоставить подробную информацию о Бакинской ярмарке²⁶.

Общие итоги Бакинских ярмарок можно вкратце изложить следующим образом. На внутреннем рынке СССР понизились раздутые цены на ряд товаров восточных стран, в частности — рис. Хотя метод баланса-нетто был применен впервые, его результат оказался удовлетворительным. Удалось достичь того, чтобы цены на составлявшие основу советского экспорта товары, в частности сахар, мануфактуру и силикат, стали приемлемыми, и эти товары добились успеха на иранском рынке. Однако продажа некоторых советских товаров (спичек, издательской бумаги и кондитерских изделий) не удалась в достаточном объеме из-за их низкого качества по сравнению с иностранной продукцией²⁷.

Как было отмечено, Бакинская таможня была государственным органом, несущим большую ответственность за проведение ярмарки. Таможня, из-за географического расположения на перекрестке водных и железнодорожных путей и объемов реализуемых ею внешнеторговых операций, являлась самым крупным таможенным учреждением на Южном Кавказе. Отсюда в большом количестве шли промышленные и сельскохозяйственные товары в Иран и обратно, а также в Среднюю Азию. Кроме того, через Бакинский порт доставлялись нефть и нефтепродукты в Россию²⁸. По мере роста внешнеторгового баланса на Бакинской таможне увеличивалось число следственных дел по контрабанде. Если в 1920—1923 гг. в среднем происходило около ста случаев контрабанды ежегодно, то в 1927 г. общее число следственных дел, открытых по данной статье, еще более возросло. В 1925—1927 гг. на таможенных пунктах по фактам контрабанды было открыто и расследовано 1653 уголовных дела²⁹.

Вследствие закрытия располагавшихся в сравнительной близости от границ Азербайджанской ССР Дербендской, Таганрогской, Махачкалинской, Сочинской, Ростовской и Астраханской таможен значительно увеличился объем дел первостепенной Бакинской и второстепенной Джульфинской таможен. В 1929 г. на Бакинской таможне велись реконструкционные работы: в целях уменьшения расходов были проведены сокращения, заново был сформирован аппарат управления. Кроме того, было организовано Погрузочное бюро, созданы склады и таможенные амбары, где охранялась продукция из Европы, Азии, Ирана, каждый со своим техническим персоналом, катерами, бухгалтерией³⁰.

Анализ касающихся ярмарки отчетов показывает, что среди ежегодных участников устойчиво укреплялись позиции центральных районов СССР, а уровень участия Закавказья, точнее сказать Грузии и Армении, ослабевал. Мировой экономический кризис 1929 г., приведший к резкому снижению мирового торгового оборота, оказал отрицательное воздействие и на экспортный потенциал СССР. С другой стороны, с постепенной монополизацией сферы торговых связей ослабевала потребность в организации подобных ярмарок³¹. Таким образом, Бакинская ярмарка сыграла в определенный период значительную роль в развитии торговых связей Советского государства со странами Востока. Седьмая Бакинская ярмарка, состоявшаяся в 1929 г., оказалась последней. Решением Совета Труда и Оборона СССР от 16 марта 1930 г., принимая

во внимание создание прямых торговых взаимосвязей со странами Востока, были упразднены Нижегородская и Бакинская ярмарки³². Так, Бакинская ярмарка стала достоянием истории. Вместе с тем, она создала условия для заключения советско-иранского торгового соглашения, развития торгового сотрудничества между СССР и соседними странами.

Примечания

1. См. подробнее: БУНЯДОВ Г.Х. Внешняя торговля Азербайджана в период восстановления народного хозяйства. — Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия экономических наук. 1967, № 1, с. 55—59.
2. БАБАЕВА С. Куда исчезла Бакинская ярмарка. — Молодежь Азербайджана. Баку. 18.XII.1990.
3. САМАНДАРОВ С.С. Оценка внутренней и внешней торговли, организации таможенного дела в начале 20-х годов XX столетия в Азербайджане. — «Azerbaycanın vergi jurnalı». Баку. 2012, № 2, с. 138.
4. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГА АР), ф. 411, оп.5, д. 629.
5. Там же, ф. 363, оп. 1, д. 1062, л. 1.
6. Там же, д. 128, л. 16.
7. Там же, ф. 411, оп. 1, д. 49, л. 23.
8. Образование и деятельность советских государственных органов в Азербайджане. Баку. 1984, с. 13—14.
9. Экспорт товаров из республики. — Экономический вестник Азербайджана. Еженедельный орган Высшего Экономического Совета и Государственной Плановой Комиссии Азербайджанской ССР. 1924, № 1, с. 146—147.
10. ГА АР, ф. 363, оп. 1, д. 839, л.7.
11. Вести из Бакинской ярмарки. — Бакинский рабочий. 3.XI.1922.
12. ГА АР, ф. 75, оп. 1, д. 6, л. 7—8.
13. СЕЙИДОВА С.М. Об истории экономических отношений Азербайджана с зарубежными государствами. Без истории нет настоящего и будущего. Сб. докладов третьей научной конференции проблем истории Азербайджана. Баку. 1997, с. 90.
14. ДЖАФАРОВ И. Некоторые заметки по истории таможи. Таможенные ведомости. ГТК Азербайджана. Баку. 25.V.1998, № 9 (61).
15. ГА АР, ф. 796, оп. 1, д. 8, л. 39.
16. Там же, ф. 710, оп. 1, д. 66, л. 15—16.
17. Там же, ф. 411, оп. 1, д. 129, л. 49—50.
18. Там же, ф. 363, оп. 1, д. 220, л. 90.
19. Там же, ф. 411, оп. 5, д. 338, л. 22—23.
20. Подсчитано по: Статистический справочник по Азербайджану. Баку: ЦСУ Азербайджанской ССР, 1927, с. 169—170.
21. ГА АР, ф. 411, оп. 5, д. 629, л. 29.
22. Там же, д. 339, л. 90.
23. Там же, ф. 411, оп. 5, д. 629, л. 32.
24. БУНЯДОВ Г.Х. Организация и развитие советской торговли в Азербайджане в период восстановления (1921—1925 гг). Баку. 1971, с. 13.
25. ГААР, ф. 710, оп. 1, д. 25, л. 123.
26. ВЕКИЛОВ Дж.М. Участие Азербайджанской ССР в развитии советско-иранских торгово-экономических и культурных связей в 20—30 годах. — Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1986, № 1, с. 37.
27. ГАДЖИНСКИЙ М.Г. Роль Закавказья в торговле СССР со странами Ближнего и Среднего Востока. — Советская торговля. 1928, т. 32, с. 3.
28. ГА АР, ф. 363, оп. 1, д. 656, л. 59—60.
29. Там же, д. 330, л. 16.
30. Там же, д. 186, л. 15.
31. БАБАЕВА С. Куда исчезла Бакинская ярмарка. — Молодежь Азербайджана. 18.XII.1990.
32. История Азербайджана. Т. 6. Баку. 1998, с. 392.

Формирование монастырей в Пермском крае в XV—XVII вв.

Е.В. Кустова

Аннотация. В статье комплексно рассматриваются вопросы формирования монастырей в Перми Великой в досинодальный период. Анализируются условия возникновения обителей, влияние на этот процесс географических, духовных и экономических факторов, в частности, широкой крестьянской колонизации. Уточняется время основания монастырей. Выявляются инициаторы их создания, роль государства и мирских сообществ в этом процессе. Особое внимание уделяется гендерному аспекту, в частности, рассматриваются формы существования женского монашества. Показаны особенности монастырского строительства в регионе в призме общероссийских процессов церковной жизни.

Ключевые слова: Пермь Великая; монашество; Строгановы, сибирский тракт, вклады; вотчины; субъективный фактор, чтимые иконы.

Abstract. The article comprehensively discusses the formation of monasteries in the Great Perm in pre-synodal period. We analyze the conditions of emergence of communities, the impact on this process of geographical, spiritual and economic factors, the wider peasant colonization. Specifies the time of the founding of monasteries. Identifies initiators of their creation, the role of the state and secular communities in the process. Special attention is paid to the gender aspect, in particular, focuses on the forms of existence of women's monasticism. The features of a monastic building in the region through the prism of the all-Russian processes of Church life.

Key words: Great Perm; monasticism; Stroganoff, Siberian tract, deposits; estates; subjective factor, revered icons.

В XVI—XVII вв. в Московском государстве наблюдался процесс широкой монастырской колонизации, что привело к созданию более чем 300 монастырей. Это было обусловлено завершением создания единого централизованного государства, а также успешным присоединением Поволжья после падения Казанского и Астраханского ханств, что укрепило южные и восточные рубежи страны и активизировало крестьянскую колонизацию¹.

Кустова Елена Витальевна — кандидат исторических наук, доцент, докторант Вятского государственного университета. E-mail: kustovael@yandex.ru.

Kustova Elena V. — Ph.D. in History, associate professor, doctoral Vyatka State University. E-mail: kustovael@yandex.ru.

Одним из регионов, где вопрос монастырского строительства не был охвачен комплексными исследованиями, является Пермь Великая² — регион интересный и важный, в том числе, с точки зрения дальнейшего распространения монашества в Зауралье и Сибири, а также в Вятском крае. На сегодняшний день не решены важнейшие вопросы этапов, факторов и инициаторов создания новых обителей в пермском Приуралье.

Формирование монашества в Перми Великой происходило под влиянием более северных регионов, главным образом, Перми Вычегодской, с которой несколько веков их объединяла общая епархия. В Вычегодских землях традиция монашества была заложена еще в XIV в. преп. Стефаном Пермским. В 1384 г. он основал монастыри в Усть-Выми — столице новой епархии, а также «на Вотче и на Еренском (Яренском. — *Е.К.*) горотке», определил для них игуменов. Правда, спустя 5 лет «...пришедшу с Удоры и с Пенеге пермяне идолопоклонники на Еренский городок, монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекали»³.

Первые монастыри Перми Великой появились в северном Прикамье, в непосредственной близости от границы с Пермью Вычегодской. Крещение коми-пермяков, начатое в XV в. пермскими владыками, привело к распространению монашества в новых землях. Первым в Верхнекамье появился Чердынский Иоанно-Богословский мужской монастырь (около 1462—1463 гг.) О его создании существуют лишь косвенные сведения. Воскресенская летопись под 1463 г.⁴ указывает: «Епископ Пермский Иона крести Великую Пермь и князя их и церкви поставил, и игумены и попы»⁵. Также в грамоте, выданной Чердынскому монастырю в 1580 г., говорится: «Богословский монастырь общей один, как пермичи крещенье приняли»⁶. Монастырь до упразднения в ходе секуляризации 1764 г. оставался средоточием духовной и общественной жизни чердынцев. Также монастырь стал родовой усыпальницей великопермских князей, правивших в Чердыни с 1451 по 1505 г., наследники которых завещали монастырю свои земли⁷.

Располагаясь недалеко от границы с Пермью Вычегодской, откуда направлялся поток переселенцев, он стал опорной точкой в процессе христианизации края. Дальнейшее появление монастырей было связано с освоением земель, развитием соляных промыслов и инфраструктуры, в первую очередь, Сибирской дороги. Однако слабость процессов христианизации на столетие приостановила монастырскую колонизацию. Новый толчок этим процессам был дан активным освоением обширных пространств Приуралья родом Строгановых⁸.

Первым положил начало традиции монастырского строительства Иоанникий Строганов (1497—1569). Получив в 1558 г. от царя земли по р. Каме, он со своими сыновьями заложил вместе с городком Канкор Пыскорский Преображенский монастырь, который станет крупнейшим в Приуралье вплоть до конца XVIII века. Сначала монастырь располагался под горой, у р. Нижней Пыскорки, а позднее был перенесен на гору. Особое отношение к монашеству было заложено в Анику, вероятно, еще родителями — Фёдором Лукичом и Евфимией Кузьминичной, которые незадолго до смерти приняли монашество. Монахиней стала и его бабушка — Мария Дементьевна (Юрьева)⁹. Вскоре после смерти своей второй жены в 1567 г. по примеру родителей он принял постриг с именем Иоасаф в основанной им Пыскорской обители¹⁰. Он не только обеспечил монастырь первыми землями, но и завещал своим детям заботиться о новой обители, подав им пример монастырского строительства¹¹. Строгановы стали главными благотворителями и «благоукрасителями» монастырских храмов¹². Выступая в роли ктиторов Пыскорского монастыря, они оговорили

особые условия для своего рода и своих людей при пострижении: принимать монашество им было позволено без вклада.

Пыскорский женский монастырь появился позднее мужского — на рубеже XVI—XVII вв. и находился от него в прямой зависимости. Впервые он упоминается в 1623 г.: «Да на посаде под горою в девичьем монастыре церковь Изосима и Савватия Соловецких чудотворцев деревянная клетки»¹³. По-видимому, он был основан на том месте, где первоначально располагался мужской монастырь и где оставалась Преображенская церковь. Кроме того, она находилась под покровительством мужского монастыря и частично им содержалась. Архимандриты мужской обители занимались строительством храмов и келий в женском монастыре.

По мере расширения своих владений Строгановы закрепили свое влияние в новых землях, основав помимо укрепленных городков Чусовскую, Шерьинскую и Оханную пустыни. В отличие от Пыскорских монастырей они располагались в южных пермских землях, в среднем течении Камы и ее притоков¹⁴. Обращаясь к источникам по истории монашества Приуралья XVI—XVII вв., мы встречаем применение понятия «пустынь» в трех значениях — место жизни уединенного монаха-отшельника, небольшой монастырь негородского типа и вотчина сравнительно крупного монастыря (в Приуралье это были две одноименные Рождественские Сьльвенские пустыни Пыскорского и Соликамского монастырей в Соликамской уезде)¹⁵.

Появление первого типа пустыней не определялось политикой Строгановых¹⁶, а всецело зависело от инициативы подвижников, наиболее известным из которых являлся преп. Трифон Вятский. Судя по житию святого, в начале 1570-х гг. он основал для отшельнической жизни сначала Мулянскую пустынь на р. Нижние Муллы, а затем пустынь на р. Чусовой. В обоих случаях он создал их в «отрицательных» сакральных пространствах, которые, в представлениях православного сознания, были связаны с нечистым духом и совершением языческих обрядов¹⁷. Если на Мулянке полноценного монастыря так и не возникло, то на Чусовой он появился, но, вероятно, уже после того, как его покинул преп. Трифон. Возможно, это было обусловлено тем, что на чусовских землях, полученных Строгановыми в 1568 г.¹⁸, к 1579 г. уже располагалось 5 деревень, 16 починков, слобода и городок, благодаря чему возникла потребность в создании обители¹⁹. Кроме того, в отличие от Мулянки, Трифон заложил здесь часовню во имя святой Софии Премудрости Божией²⁰. Пустынь стала центром духовных чаяний местного населения, которое «начаша приходи-ти к преподобному молитв ради и благословения и поучением святого пользовахуся мнози». Также «различными недуги одержимии мнози прихождаху ко преподобному Трифону и молитвами его исцеление получаху». Посещали его не только русские, но и вогулы (манси), желавшие принять христианство: «И мнози вогуляты прихождаху крестисяся»²¹. Таким образом, пустынь отвечала не только на духовные запросы русского населения, но и со временем приобрела миссионерскую функцию, равно как и Мулянская пустынь, где, согласно автору жития, проживали остяки (ханты). Со временем на Чусовой стали поселяться другие монахи-отшельники²². Однако отношения с жителями окрестных деревень и Семёном Аникиевичем Строгановым складывались неоднозначно²³. Непосредственным поводом к изгнанию послужил случай, когда по вине Трифона сгорели дрова, заготовленные крестьянами для строгановских солеварниц²⁴. Вместо себя он оставил «...строителя ученика своего именем Иванна»²⁵. Судя по времени прибытия преп. Трифона в г. Слободской, он покинул Чусовую в конце 1579 года.

Несмотря на сложные отношения преп. Трифона и Семёна Аникиевича, Строгановы после его смерти оказали необходимую помощь в построении монастыря, став его ктиторами. По писцовым книгам М. Кайсарова 1623—1624 гг. Чусовской монастырь именовался «строением» Ивана (1592—1644) и Максима (1603—1627) Максимовичей Строгановых — внуков Якова Аникиевича ²⁶. Благодаря этому роду Чусовской монастырь имел свои земельные владения — 2 деревни, починок, пашню в 32 чети, сенокосные владения (1623—1624 гг.) ²⁷

Строгановы продолжили монастырское строительство в своих вотчинах в среднем течении Камы во второй половине XVII в., основав Шерьинскую и Оханную пустыни.

Оханная Зосимо-Савватиевская (Успенская) пустынь впервые упоминается в переписной книге Очерского округа строгановских вотчин 1678 года ²⁸. Ряд историков относят ее основание к 1650 г., но документального подтверждения этому нет. Выбор охани по-видимому был определен не столько стремлением монахов к уединению, сколько практической целью — место располагало к развитию земледелия, промыслов и торговли. Еще до 1663 г. эти места Строгановы использовали для рыбной ловли (само название «охань» — орудие лова, сеть) ²⁹.

В 45 верстах к северо-западу от Оханной пустыни Строгановыми была создана Шерьинская Одигитриевая пустынь. Инициатором постройки стала Анна Никитична — вдова Фёдора Петровича Строганова. На ее прошение владыка Вятский и Великопермский Иона в 1675 г. выдал грамоту, в которой позволил ей построить церковь во имя образа Пресвятой Богородицы Одигитрии, «а как та церковь построена и освящена будет и у той церкви благословити бы и велети бы ей построить м[о]н[ас]т[ы]рь» ³⁰. «На кормление братии» Анна Никитична «...приложила Нытву реку с устия изо вершины рыбные ловли и с сенными покосы и пашенные земли и хмели шипать и возле Каму реку с уст Сюзвы вниз по Каме реке по правой стороне до голова мысу сенными покосы и на усть речки Шерьи деревню с крестьянами» ³¹. Пожалования продолжились и в последующие годы, дав необходимое обеспечение братии ³².

Огромные прибыли от соляного промысла позволяли Строгановым тратить значительные средства на возведение и украшение храмов. Ими были заведены иконописные и золотошвейные мастерские, которые позволили сформироваться особому строгановскому стилю в церковном искусстве. Формировалась «строгановская школа» также в музыке и архитектуре ³³.

Монастырское строительство происходило и за пределами строгановских вотчин. На основание монастырей влияли различные факторы. В первую очередь необходимость создания монастырей ощущали уездные города. Вторым городом после Чердыни, где появилось монашество, стал Соликамск (Усолье Камское). В этом центре солеварения ³⁴ в конце XVI в. на р. Усолке был возведен Вознесенский мужской монастырь ³⁵. Толчок к созданию монастыря мог дать Пыскорский монастырь, располагавшийся поблизости от Соликамска.

Ряд исследователей относил основание обители к 1608 году ³⁶. Однако монастырь впервые упоминается еще в купчей записи от 30 апреля 1591 г.: «Се яз, Илья Игнатъев, внук Давида Вертячева, продал есми Василью Анофриеву да Прокопью Мосиеву, вкладчикам новаго, Вознесенского монастыря Соликамского свою пожню». Обозначая границы своего покоса, Илья Игнатъев указывает на пожню же Прокопья Мальгина, прибавляя, что с этой

последней «сено ставят на новый монастырь»³⁷. Также «новый Вознесенский Соли Камской монастырь» упоминается в источниках 1605 и 1607 годов³⁸.

Об условиях создания обители свидетельствует царская грамота 1618 г.: «Бил нам челом из Перми Великой от Соликамскаго новаго Вознесенскаго монастыря келарь, старец Никифор и во всей братии место, а сказал: Усолье-де Камское от Московскаго государства две тысячи верст и от иных городов удалено, и которые православные крестьяне похотят постричься и им постригатца было негде: монастыря близко нет, а у Соли-де Камской изстари монастыря не было и в прошлом-де 121 году (1613) он старец Никифор с братиею сбирая по миру воздвигнули храм во имя Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и около монастыря ограду и на монастырь кельи поставили»³⁹.

Однако, если сопоставить документы, то получается, что храм и кельи появились спустя более 20 лет после основания обители, что маловероятно. В подобных противоречиях более достоверными признаются сведения актовых материалов, чем челобитных, в которых ради получения желаемого (в данном случае — царской грамоты) ситуация могла описываться не вполне объективно, в выгодном для просителя свете. В частности, старцем Никифором сообщалось, что до Москвы 2 тыс. верст, в то время как реальное расстояние составляло 1561 версту. Не соответствует истине и утверждение, что поблизости не было иных монастырей: Пыскорский располагался примерно в 20 верстах от Соликамска. Можно предположить, что в 1613 г. действительно были построены храм и кельи, но взамен уже ранее существовавших, обветшалых или небольших, которые требовалось расширить в связи с увеличением монашествующих и богомольцев. О том, что церковь существовала до этого времени, говорит, в частности, тот факт, что в 1609 г. монастырю давали вклады на помин души своих родных, которые могли поминаться только в храме⁴⁰.

По типу это был «мирской» монастырь, создававшийся по инициативе и при непосредственном участии местных сообществ, которые избирали настоятелей, строили храмы и материально обеспечивали братию. Перепись М. Кайсарова 1623—1624 гг. говорит о том, что монастырь — «строение усольцев посадских людей и уездных крестьян». Первыми вкладчиками и устроителями были не крупные солепромышленники⁴¹, как это было в Строгановских вотчинах, а горожане и уездные крестьяне. На постройку помещений и покрытие издержек монастыря они вкладывали личные покосы, пашни, скупали недвижимое имущество.

Об особой роли мирян в жизни монастыря говорит тот факт, что вкладчики управляли монастырем до 1614 г., хотя упоминания о строителе Авраамии встречаются уже в 1610—1613 годах⁴². Только в 1614 г. они сложили с себя все обязанности по монастырю, передав келарю старцу Максиму с братией документы на собранные ими имущество — грамоту царя Василия Ивановича (Шуйского) на три озера и на черный лес, 6 данных или купчих на несколько пожней и три кабалы на разные залоги. Также вкладчиками была приобретена варница, данная монастырю за вклад в 1608 году⁴³.

Помимо солеварения, вторым важным экономическим фактором формирования монастырей в Верхнекамье можно называть сибирский тракт. Благодаря старой и новой сибирским дорогам появились Плесинская и Верх-Яйвинская пустыни в Чердынском уезде, а также Кайгородские пустыни в одноименном уезде⁴⁴.

В условиях удаленности от центральной России развитие края было во многом обусловлено сибирской дорогой. Сибирский тракт с XVI до первой половины XVIII в. проходил через Вологду, Великий Устюг, Лальск, Кай,

далее шел на Соликамск (до 1597 г. дорога шла через Чердынь, которая была оставлена в стороне вследствие прокладки Бабиновской дороги) и Верхотурье. В 1595 г. А.С. Бабинов разведal новую дорогу от Соликамска к верховьям р. Туры, а в 1597 г. по указу царя началось ее строительство. Новая дорога была в несколько раз короче прежней (она составляла 250 верст) и сыграла огромное значение в освоение Сибири. В начале XVII в. она соединилась с юго-западной дорогой, идущей от Н. Новгорода через Царевосанчурск, Яранск, Котельнич, Орлов, Хлынов, Слободской, Кай и далее через Соликамск по Бабиновской дороге на Верхотурье. По всему протяжению этого пути располагались русские деревни, жители которых находили работу благодаря сибирскому транзиту. Дорога способствовала колонизации края, созданию новых поселений⁴⁵.

Верхнекамье активно заселялось русскими переселенцами из вологодских земель, а также беглыми⁴⁶. В свою очередь, крестьянство несло с собой основы православной культуры, строя храмы и основывая монастыри⁴⁷.

Благодаря Бабиновской дороге появилась Верх-Яйвинская Введенская пустынь. Село Верх-Яйвенское располагалось в Соликамском уезде на правом берегу р. Яйвы, притока Камы, на стороне большого Сибирского тракта⁴⁸. Царь Фёдор Иоаннович наградил Бабинова землями в верхнем течении р. Яйвы⁴⁹. Основанная им Верх-Яйвинская слободка позднее стала погостом. Соликамская летопись сообщает, что Артемий Бабинов в 1616 г. построил в новой слободке на р. Яйве церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы⁵⁰. Последняя положила начало созданию монастыря.

Верх-Яйвинская пустынь встречается в источниках только однажды — в писцовых книгах Усольского уезда Михаила Кайсарова 1623—1624 гг.: «Да на Сибирской на Верхотурской дороге, на волоку, на реке Яйве⁵¹ монастырь, новая пустыня; а в ней храм Введение Пречистыя Богородицы древян, верх шатром, поставление Государя Царя и Великаго Князя Михаила Фёдоровича всея Руссии, бояр князя Ивана Борисовича Черкаскаго, да Фёдора Ивановича Шереметева; образы и книги, и колокола, и всякое церковное строение в той пустыне боярина Ивана Никитича Романова... да в монастыре ж братии черной священник Иосиф, да строитель старец Стахей, старец Трифон, старец Абросим, старец Иаков; да за монастырем живут 8 человек служебников-бельцев на монастырской на коровьем дворе». Также монастырь имел 5 четей пашни, 550 копен сена и починок⁵².

Обращает на себя внимание, что церковь и церковная утварь, книги, иконы удаленной и малоизвестной пустыни являлись строением первых лиц страны: царя Михаила Романова и Ивана Никитича Романова, а также московских бояр И.Б. Черкасского и Ф.И. Шереметева. Даже в крупных монастырях Приуралья практически не встречались дары столь значимых благодетелей.

Связь Романовых и небольшой пустыни на Сибирской дороге отчасти объясняется сведениями из «Дела о ссылке Романовых 1601—1602 годов»⁵³. При царе Борисе Годунове Романовы попали в опалу. В 1601 г. Иван Никитич⁵⁴, а спустя несколько лет и Василий Никитич были сосланы в г. Пелым, где их держали прикованными цепями к стене. Михаил Никитич был отправлен в Ныроб, где находился в заточении в кандалах. Из трех братьев ссылку пережил только Иван. Кроме того, состоялся боярский приговор о ссылке в Сибирь князя Ивана Борисовича Черкасского. Вероятно, в благодарность Богу за свою жизнь и в память о погибших в заключении Михаиле и Василии Романовых, вернувшись в Москву Иван Никитич Романов и Черкасский основали Введенскую пустынь на Бабиновской дороге, по которой они возвращались из Сибири. Участие же в этом деле Шереметева было обусловлено, по-видимому,

его тесными родственными связями с Черкасскими (он был женат на сестре Ивана Борисовича — Ирине) и Романовыми, а также тем, что из-за близости с Романовыми он сам пережил опалу от Годунова, только в более мягкой форме — был отправлен воеводой в столицу Сибири г. Тобольск.

Еще три монастыря было построено на сибирском тракте в Чердынско-Кайгородском пограничье. Первым монастырем, возникшим здесь, стала Троицкая Варламова Плесинская (Плесская) пустынь. Монастырь был основан, по-видимому, на рубеже XVI—XVII вв. (в писцовой книге 1579 г. она не упоминается⁵⁵), на дороге «меж Чердыни и Кайгородка» в 40 верстах от с. Гайны, на левом берегу р. Камы. Благодаря сибирской дороге, он включал в сферу своего влияния не только местных крестьян, но и более западных (кайгородских) и северных (устюжских, важских)). Из Чердыни, как уездного центра, сюда, по-видимому, не ездили не только за дальностью расстояния, но и по причине того, что там были свои монастыри. Хотя по всем вопросам, требующим административного решения светских властей, пустынь обращалась к чердынским воеводам.

Кайский край, как и кайско-чердынское пограничье, вплоть до середины XIX в. считались местом разбойным. По словам историка, «Кайский край, прилегающий к пермским лесам, почти до 20-х годов текущего (XIX. — Е.К.) столетия служил притоном беглых и других людей, занимавшихся разбоем и грабежом»⁵⁶. Об этом свидетельствуют и записки путешественников⁵⁷. Поэтому представляется естественным тот факт, что основатель пустыни старец Варлаам в 1610—1611 гг. был убит, а монастырь разорен: «Был де в той пустыне строитель старец Варлаам, и в прошлом де во 119 году того строителя разбойники замучили до смерти и церковное всякое строенье розграбили, и после того та пустынка стояла впусе много лет»⁵⁸.

Однако, несмотря на период запустения, нашлись монахи, пожелавшие возродить Плесинский монастырь. Первым настоятелем после Варлаама, возродившим пустынь, стал старец Александр. В 1623—1624 гг. М. Кайсаров впервые упоминает в Чердынском уезде «выше погоста Гайн, к Кайгородскому рубежу... пустынь Живоначальныя Троицы. В ней храм древян, клетцки, новый... в пустыне келья старца; двор монастырской и 4 половничьих двора. Пашни пахатныя монастырския с половничьею 11 четей в поле, а в дву потому ж»⁵⁹.

В XVII в. две пустыни возникли в соседнем Кайгородском уезде. Кайгородок не входил в Строгановские владения, а подчинялся чердынским воеводам до 1613 г., пока сам не стал уездным центром с собственными воеводами⁶⁰.

Недалеко от уездного центра появилась Сырьянская Сретенская мужская пустынь. Она находилась на северо-западной оконечности Кайского края на р. Чукве, впадающей в Сысолу⁶¹. По местным преданиям, Сретенская пустынь была основана старцем Константином, который «...шел из Устюга по существовавшей в то время и ныне заброшенной устюжско-кайской дороге в Великую Чердынь... На берегу реки Чюквы, впадающей в Сысолу, он расположился на отдых под ветвистой рябиной... он уснул и в тонком сне или полупроснувшись услышал звон колоколов. Сочтя это за знамение свыше, он решил принять на себя подвиг устройства на месте такого явления церкви и обители...»⁶².

В переписной книге Кайгородского уезда 1678 г. Н.Д. Глебова впервые дается описание пустыни: «Да в Кайгородском уезде на Сыринском волоку новая строенная Стретенская пустыня... И всево в Стретенской пустыни двор м[о]н[ас]т[ы]рской, а в нем вкладчиков, детенышев, работных людей десять ч[ел]о[в]ек, да д[е]р[е]вня, а в ней четыре двора кр[е]стьянских, людей в

них тринадцать ч[е]л[о]век»⁶³. Судя по этому документу, она возникла незадолго до переписи, имела небольшое хозяйство, где работали вкладчики, денешники и работные люди. Следует обратить внимание на тот факт, что хотя пустынь и имеет «церковное», а не географическое название, ни церкви, ни причта при ней еще не было (возможно, она еще строилась). Вполне возможно, что она не играла самостоятельной роли, а была подчинена кайгородскому монастырю.

Существование монастыря было тесно связано с пролегающей около него дорогой. Сорокин передает рассказы местных старожилов о том, что «во время процветания Кая она (пустынь. — *Е.К.*)... служила странноприимным домом для проезжавших по утомительному устюжскому волоку...»⁶⁴

Также непосредственно в самом уездном центре существовал Кайгородский Спасский (Успенский) монастырь. Местные предания, существующие в этих краях вплоть до наших дней, связывали его появление с именем преп. Трифона Вятского⁶⁵. По житию преп. Трифона, святой действительно проходил через Кайгород, но об основании там монастыря ничего не говорится. Нет и иных документальных подтверждений. Более обоснованным выглядит предположение В.В. Зверинского, что временем основания пустыни является вторая половина XVII века⁶⁶.

Впервые сведения о пустыни встречаются в 1678 г. в переписной книге Кайгородка Глебова и подьячего Т. Антропова: «Да в Кайгородке на посаде м[о]н[ас]т[ы]рь Спаса Нерукотворенного образа. А у ц[е]ркви дьячек Петрушка Шамурин, пономарь Васка Степанов сын Парчегов, монастырской скотцкой двор, на нем живут вкладчики и работные люди» — 7 человек, причем «вкладчики и работные люди не пришлые старожилы кайгородцы»⁶⁷. Как видно, первоначально монастырь именовался Спасским. Успенским он впервые был назван в 1705 году⁶⁸.

Еще одним очагом монастырского строительства во второй половине XVII в. стал Кунгурский уезд, расположенный в южной части Пермского края. Основные потоки переселенцев двигались с севера на юг и с запада на восток. Процессы колонизации еще в XVI в. охватили междуречье Сылвы и Ирени. Нижнее течение р. Сылвы в 1568 г. вошло во владения Строгановых. В 1620—1640-е гг. здесь образовались вотчины Ф. Елисеева и И. Суворцева, которые привлекали к себе крестьян льготными условиями⁶⁹. Проводя политику укрепления восточных границ государства, правительство в 1648 г. создало в Среднем Приуралье Кунгурский уезд. Первоначально он существовал, скорее, формально: кунгурские воеводы стали назначаться сюда только с 1668 г.⁷⁰, когда Кунгурский уезд окончательно выделился из Соликамского⁷¹.

Для быстрого заселения новых обширных территорий правительство в 1647 г. издало указ о переселении в Кунгурский уезд «новоприходцев» (зачастую беглых) крестьян и посадских из посадов и уездов Соли Камской и Чердыни, а позднее — Соли Вычегодской, Великого Устюга, Кайгородка, Вятки. В 1648—1651 гг. было вывезено и поселено на Кунгуре, в Степановском городище, по р. Сылве и р. Ирени 647 семей. Под огороды, пашню и дворы им было выделено в Чердынском уезде 1656 чети, и 17 791 копна сенокосов⁷².

Еще в 1630-е гг. в Сылвенско-Иренском междуречье были созданы Сылвенские вотчины Пыскорского и Соликамского монастырей⁷³. Позднее в Кунгурском уезде возникла самостоятельная Тохтаревская (Кунгурская) Богородицкая (Одигитриевская, Неопалимой Купины) пустынь⁷⁴. Вопрос о времени ее основания остается открытым. По сведениям В. Шишонко, она была основана в с. Тохтаревском в 1645 году⁷⁵. Однако источники эту информацию не

подтверждают. Первая грамота, данная монастырю, датируется 4 декабря 1670 г.: крестьяне во главе с земским судьей и земским старостой «сего мирского совету приговорили есми Пресвятой Богородице Одигитрии по обещанию своему по челобитью старца Ивана з братьею за место из оброчной земли в Кунгурском уезде... вверх Сылвы на Тохтареве поле пустыню и под церковь и под кельи и под пахоту земли Тохтарева поля»⁷⁶. Указанный год может считаться временем основания монастыря. В любом случае пустынь возникла после 1662 года. Об этом свидетельствуют обстоятельства основания обители, о которых говорится в грамоте 1698 г.: «а в башкирское-де разоренье (1662—1664 гг. — *Е.К.*) то село Петровское от башкирцев разорено; и после-де башкирского разоренья тем местом Тохтаревым, где было село Петровское, поступились кунгурцы для поминовения душ крестьянских, которая от башкирцев побиты, и в вечный поминок, Пресвятей Богородице Неопалимой Купине — что ныне слывет монастырь Тохтаревская пустынь — пашенных земель и сенных покосов, что в той пустыни приличилось вблизи»⁷⁷. Таким образом, монастырь возникает по инициативе старца и местного сообщества, ради поминовения погибших при нападении татар и башкир в 1662 г., для которого местные крестьяне выделили землю под постройки, а также дали при его основании рыбные ловли по р. Кустарке, Суксун и Шамке в Кунгурском уезде⁷⁸.

Икона Неопалимой купины имела глубокое почитание среди местного населения и с ней были связаны разные предания. По одной из них — икона проплывала около разоренного инородцами села⁷⁹, по другой — она приплывала несколько раз местному татарину-рыболову Тохтарю, который отнес ее монахам⁸⁰. Особенностью данной пустыни было то, что, начиная с 1670 г. местные ясачные татары делали многократно земельные вклады в монастырь «на кормление братьев», не оговаривая для себя никаких выгодных условий⁸¹.

Особняком среди пермских монастырей стоит Верх-Язвинская (Обвинская) Успенская пустынь⁸². Двойное именование пустыни происходит от ее расположения на р. Язье — левом притоке р. Обвы. История ее появления, как и в Тохтаревской пустыни, связана с местным преданием, по которому в 1685 г. местному крестьянину с. Карагайского Родиону Новикову явилась Богородица и указала взять из местных храмов ее икону, колокола, собрать нищих и убогих и идти вместе с ними на р. Язву, где построить монастырь в честь ее образа Успение⁸³.

Местное население обратилось к государям Иоанну и Петру Алексеевичам с просьбой о создании новой обители в честь этого образа. 24 мая 1686 г. дана была Высочайшая грамота на постройку «...вследствие явления Пресвятыя Богородицы во образе человека монастыря в Рождественском приходе вверх по Язье речке меж речками на поросшей гаре и отводе угодий на прокормление братии с Усть-Кырги речки по той Язье речке вверх по обе стороны до вершины и которая малья речки в ту речку впали»⁸⁴.

Вятский владыка в июне 1686 г. благословил по челобитью земских старост Аввакума Поносова и Евдокима Теплоухова «с товарищи» из Ильинского и Рождественского приходов Обвинского поречья «...воздвигнути церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы по монастырскому обычаю, с трапезою и с клиросою, применяясь, как в общих монастырях строениях церкви..., и со всякими потребными монастырскими службами и святыми вратами и оградою... как в прочих монастырях монастырския строения строятца»⁸⁵. Следует особо отметить, что в грамоте архиереев не просто благословил построение храма и монастырских построек, но и определил тип обители («общий монастырь»). При этом настоятеля будущей обители он не назначил сам, а дал возможность

его избрания местным населением, взамен обязав обеспечивать его: «...к тому строению избрать от обителей искуснаго старца, чтоб его такое строение стало; а от которых обителей они челобитчики к тому церковному и монастырскому строению старца изберут и тоя обители настоятелю по нашему благословиению того старца к ним в строители отпустить без замедления; а где ему старцу жить — построить келью и кашу и одежду и питие давать ему им, земским старостам, с мирскими людьми»⁸⁶.

Также архиепископ призвал местных прихожан отвести по царской грамоте и по их обещанию вотчины для монастыря: «чем питатца братии, чтоб им в мире не шататца, а вам вместо благословения и обещания своего клятвы вечныя на себя не принять, а за ваше радение и обещание от Господа Бога вечную б вам милость получить»⁸⁷.

Кроме того, удалось выявить сведения о существовавшей в Перми Великой в XVII в. Лебединской пустыни, ранее не упоминавшейся ни в исторических исследованиях, ни в опубликованных источниках. В мировой записи по г. Хлынову 1625—1626 гг. сообщалось: «Того ж году явили мировую запись старец Серапион ис Перми Великие Чердынского уезду Лебединской пустыни да дал мировую запись вятцкого Успенского монастыря старец Илинарх в том, что в прошлом во 133 году (1624—1625. — *Е.К.*) бил челом им старец Серапион государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичю всеа Руси и подавал челобитную воеводе Петру Ивановичю Мансурову и мы с ним старцем Илинархом на суд не ходя помирились, и на слугу на Ивана Никитина в бою и грабежу в 20 рублех в 13 алтынех и впредь старцу Серапиону на старце Илинархе не искать и ему Илинарху и слуге Ивану того не сыскивать...»⁸⁸ Однако в писцовых книгах 1629 г. она не упоминается. Также не известно в Чердынском уезде в XVII в. одноименных именованию пустыни сел и деревень. Возможно, что это была отшельническая пустынь, которая так и не стала полноценным монастырем и исчезла вместе со своим строителем.

Женское монашество в Приуралье развивалось вслед за мужским на протяжении всего XVII века. Источники позволяют выделить две волны формирования женских монастырей в Перми Великой. В первый период (конец XVI — первая четверть XVII в.) появились Чердынский Успенский (между 1579—1623/24 гг.)⁸⁹, Соликамский Архангельский (между 1623/24—1628 гг.)⁹⁰, Пыскорский Зосимо-Савватиевский (позднее Введенский) (между 1579—1623/24 гг.)⁹¹ монастыри.

На этом этапе отмечается разнообразие «учредителей» женских обителей. Чердынский и Соликамский женские монастыри, судя по писцовым книгам 1623—1624 гг., являлись «мирским» строением и создавались на средства местных обществ⁹². К «киторским» можно отнести Пыскорский Подгородный монастырь, который был основан при участии Строгановых, на землях которых он располагался: «да в монастыре ж 9 келей, а в них живут черные старицы... А монастыри и в монастырях всякое церковное строенье Строгановых» (1623—1624)⁹³.

Вторая волна создания женских монастырей в Приуралье относится к последней четверти XVII века. Есть все основания полагать, что это было напрямую связано со вторым вятским архиереем — архиеп. Ионой⁹⁴ (1674—1699), который отличался от своего предшественника активной деятельностью по обустройству недавно образованной Вятской и Великопермской епархии. В Перми Великой был возрожден Соликамский монастырь под именем Преображенского (1683)⁹⁵, а около 1699 г. был основан Кунгурский Тихвинский монастырь⁹⁶.

В этот период при создании монастырей преобладала инициатива частных лиц. В Соликамске к возрождению девичьего монастыря были причастны светские лица, обладавшие для этого необходимыми экономическими и административными ресурсами. Средства на основание Преображенского Соликамского монастыря и постройку храмов выделила купеческая вдова Евдокия Никифорова Шепоткина⁹⁷, которую поддержал соликамский воевода⁹⁸. При этом городские общины не остались в стороне от общего процесса, включившись в сбор пожертвований. Более того, по инициативе городского сообщества появился последний из основанных в XVII в. женский монастырь в Приуралье — Кунгурская Тихвинская обитель⁹⁹. Новые монастыри создавались каждый раз по благословению вятского архиерея.

При формировании женских монастырей Приуралья, за исключением Кунгурского, прослеживается устойчивая закономерность — они создавались там, где уже существовали мужские монастыри. Подобная ситуация была исторически обусловлена. Женские монастыри нередко зависели от мужских как в экономическом, так и в духовном плане, в частности, только монахи-священники имели право совершать постриги. По этой причине даже упоминавшийся Кунгурский женский монастырь имел связи с расположенными поблизости Сылвенскими пустынями Соликамского и Пыскорского монастырей, а также Тохтаревской пустыней, иеромонахи которых постригали стариц в монашество¹⁰⁰. Причем практически во всех случаях женские монастыри возникали в уездных городах, где были более широкие возможности для сбора пожертвований. Правда, нахождение в городе создавало немало проблем — здесь нередко жили родные и знакомые монашествующих, велик был наплыв народа в храмах. Все это нарушало монастырский ритм жизни и нередко служило искушением.

В пермских землях монахини также жили вне монастырей, в том числе в городах и городках при приходских храмах. В г. Соликамске в 1623—1624 гг. при храмах в 10 кельях жили «черные старицы»¹⁰¹. Немало стариц было в Чусовских городках и при Чусовском монастыре. В писцовой книге 1623—1624 гг. говорится, что в Нижнем Чусовском городке «на посаде... 8 келей нищих, а в них живут вдовы и черные старицы, питаются Христовым именем». В Верхнем городке на посаде находилось «одинадцать келей нищих и стариц черных». Правда в отличие от вятских монастырей они содержались подаением, а не церквями. Также 4 монахини жили в Чусовском Успенском мужском монастыре¹⁰². Если община в Соликамске положила начало девичьему монастырю, то на р. Чусовой в XVII в. женской обители так и не появилось.

Также монахини жили и в Кунгуре, что стало предпосылкой для создания обители. В своей челобитной в 1695 г. кунгурцы сообщали, что «...на Кунгуре де и в Кунгурском уезде многие люди женска пола постригаютца в монашеский образ и живут в мирских домах, а иные живут у мужских монастырей и скитаютца меж дворов, кормятца Христовым именем, а на Кунгуре-де в городе и в уезде девичьих монастырей нет, а по обещанию де их кунгурцов к строению девичья монастыря написана икона местная Пресвятая Богородицы Одигитрия Тихвинская»¹⁰³. Однако женские монастыри при основании обычно не получали земельных владений ни от казны, ни от благотворителей.

Тесные связи между мужскими и женскими монастырями не только помогали существованию последних, но и породили ряд проблем, в частности, появление «двойных монастырей». Е.Б. Емченко в период с XIV до начала

XVIII в. выявила в России 9 подобных «смешанных», женско-мужских монастырей, хотя их число, вероятно, было больше. Об этом свидетельствует тот факт, что практика существования подобных монастырей специально обсуждалась церковными соборами 1503 и 1551 гг. и решительно была ими осуждена¹⁰⁴. Подобная ситуация сложилась в Чусовском Успенском монастыре, в котором по переписи 1623—1624 гг. указывалось: «...в монастыре ж 5 келей, в них поп черной Иосиф, да 23 человека черных старцев, да 4 кельи, а в них живут черные старицы»¹⁰⁵. Монахини упоминались при Чусовской пустыни вплоть до 1735 г., причем послушание получали от ее настоятеля¹⁰⁶.

Некоторые монахини жили в вотчинах мужских монастырей. В частности, подобная практика существовала у Соликамского Вознесенского монастыря, имевшего обширные земельные владения. В грамоте 1665 г. о разорении Сылвенской вотчины монастыря башкирами и татарами говорилось об убитых и плененных монастырских «старцах и старицах»¹⁰⁷. Проблема сохранялась и позднее. Даже когда в 1683 г. был основан Соликамский Преображенский монастырь, построены храм и кельи, постриженные ранее монахини продолжали жить в вотчинах мужского монастыря — в селах, на мельницах и скотных дворах, отказываясь переезжать в новый монастырь¹⁰⁸.

Монастырское строительство в Перми Великой первоначально происходило под влиянием Перми Вычегодской. Оно началось с Верхнего Прикамья и в дальнейшем распространялось вслед за крестьянской колонизацией, а, порой, и обгоняя ее. Храмы и монастыри создавались, в первую очередь, для обслуживания духовных потребностей русских поселенцев, пришедших на новые земли. Несмотря на нахождение монастырей среди нерусского населения, активной миссионерской деятельности в XV—XVII вв. они не вели.

Важнейшую роль в формировании монашества играл субъективный фактор. Так, после смерти в 1470 г. епископа Ионы пермские архиереи не проявляли активности в этом вопросе, не создав за столетие ни одного монастыря. Сдерживающим фактором стало слабое присутствие русских укрепленных городков в этом регионе.

Ситуация стала меняться в середине XVI в., когда инициатива в церковном строительстве перешла в частные руки. Благодаря появлению Строгановых, активно включившихся в колонизационные процессы, основанные ими городки не только привлекали переселенцев, но и становились опорными пунктами церковного строительства: в них было основано 5 новых обителей. Интенсивность церковного и монастырского строительства в последней четверти XVI — первой четверти XVII в. также была обусловлена привлечением крестьян в Пермь Великую после присоединения Казанского и Астраханского ханств, которое обезопасило южные окраины и дало толчок для дальнейшей колонизации. Вторая волна монастырского строительства относится к последней четверти XVII в. и напрямую связана с активной деятельностью вятского архиеп. Ионы, который опирался на инициативу местных сообществ, а также отдельных духовных и светских лиц.

Доля сельских и городских монастырей была равной. Так, 6 монастырей из 17 было построено в городах и 3 в укрепленных городках (53%). Инициаторами в создании монастырей в немногочисленных пермских городах (Соликамске, Кунгуре) были местные общины, которые выделяли необходимые средства и земельные угодья для создания обители. При создании пустыней особую роль играли крупные благотворители, а также отдельные иноки-подвижники. Большую помощь через пожалование земельных угодий оказывало правительство, заинтересованное в освоении малозаселенных пермских земель.

Местоположение монастырей во многом было обусловлено экономическими и географическими условиями. Важным фактором формирования и развития монашества в Верхнекамье — крае неблагоприятном, с точки зрения развития сельского хозяйства, и социально беспокойном — стала сибирская дорога, которая давала материальный доход и обеспечивала приток богомольцев. Не меньшую роль в Перми Великой играли районы с крупной соледобычей (Строгановские вотчины, Соликамск). Также немалое значение для появления и развития монастыря имел духовный фактор, связанный с христианскими святынями — мощами, чтимыми иконами (Тохтарево, Верх-Язва). Этот фактор особо сильно проявил себя в последней четверти XVII в. не только в пермских, но и в соседних вятских землях.

Женское монашество существовало в двух основных формах — в виде городских девичьих монастырей и отдельных келий. Причем в своем появлении и существовании оно было тесно связано с мужскими монастырями, которые оказывали влияние на их духовную жизнь, управление и материальное обеспечение.

Таким образом, XV—XVII вв. стали временем зарождения и расцвета пермского монашества, когда были созданы все известные в XVIII столетии обители Перми Великой.

Примечания

1. СМОЛИЧ И.К. Русское монашество. 988—1917. М. 1997, с. 114.
2. Второе название — Пермь Камская. Историческая область Верхнего Прикамья, к западу от Уральских гор. Располагается на территории современного Пермского края. В XVI—XVII вв. в Перми Великой существовали три округа: Пермский (Чердынский), Усольский (Соликамский) и Строгановские вотчины.
3. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись (ВВЛ). В кн.: Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар. 1958, вып. 4, с. 259.
4. Вычегодско-Вымская летопись относит это событие к 1462 г. (ВВЛ, с. 262).
5. Цит. по.: ШИШОНКО В. Пермская летопись. Период первый. Пермь. 1881, с. 24.
6. АИ, т. 1, 1841, с. 397.
7. ГОЛУБЦОВ В.В. Князья великопермские, пермские и вымские (1463—1640). Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1892, вып. 1, с. 397—398; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. 1989, с. 146.
8. Подробнее см.: УСТРЯЛОВ Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб. 1842; ДМИТРИЕВ А. Пермская старина. Вып. 4. Пермь. 1892; ВВЕДЕНСКИЙ А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М. 1962; ПАРФЕНТЬЕВ Н.П., ПАРФЕНТЬЕВА Н.В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. Челябинск. 1993; СИЛКИН А.В. Строгановское лицевое шитье. М. 2002; Иконы Строгановских вотчин XVI—XVII веков. М. 2003; ЭЙРИЯН Т. Из рода Строгановых. Екатеринбург. 2003; КУПЦОВ И.В. Род Строгановых. Челябинск. 2005; МЕЗЕНИНА Т.Г., МОСИН А.Г., МУДРОВА Н.А., НЕКЛЮДОВ Е.Г. Род Строгановых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург. 2007; МЕЗЕНИНА Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII — первой половине XIX вв.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил. 2011.
9. КУПЦОВ И.В. Ук. соч., с. 12.
10. ЭЙРИЯН Т. Ук. соч., с. 94—95; КУПЦОВ И.В. Ук. соч., с. 13.
11. В одной из царских грамот 1621 г. Пыскорский монастырь называется строением Аникия Строганова, его детей Якова, Григория и Семёна и внуков Максима,

- Никиты, Андрея и Петра, которые не только построили храмы, но и дали монастырю «леса, и пожни, и иные угожья». Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 281, оп. 17, д. 11 210, л. 1.
12. Там же, ф. 237, оп. 1, д. 48, л. 2об.—4об.
 13. ДМИТРИЕВ А.А. Пермская старина. Вып. 2. Пермь. 1890, с. 111.
 14. РГАДА, ф. 281, оп. 20, д. 14 242, л. 1—2; ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., с. 160; ОСОКИН И.М. Места подвигов преп. Трифона Вятского в Пермском крае. Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1902, вып. 5, с. 86—87; КУПЦОВ И.В. Ук. соч., с. 13, 45, 48.
 15. РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 55, л. 687; ф. 281, оп. 17, д. 11 433. В некоторых случаях в документах их именовали монастырями, но это неправомерно, поскольку старцы назначались от главной обители, и пустынь в управлении и финансировании ей полностью подчинялась.
 16. Но разрешение на создание пустыней, по-видимому, от Строгановых все-таки требовалось, поскольку пустыни создавались в их вотчинах.
 17. Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца. Казань. 1868 (Житие-II), с. 37—47, 53.
 18. ШИШОНКО В. Пермская летопись. Период первый. Пермь. 1881, с. 57, 88.
 19. ОСОКИН И.М. Ук. соч., с. 82, 85.
 20. Житие-II, с. 54. В житии первой редакции называется храм во имя Успения Пресвятой Богородицы и Иоанна Предтечи, в которой среди икон был образ Софии — Премудрости Божией, во второй редакции — часовня во имя Софии.
 21. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца. Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка. 1912, вып. I—II, отд. II. (далее — Житие-I), с. 51; Житие-II, с. 54—57.
 22. Материалы для истории Пермского края. Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь. 1862, отд. 2, с. 52.
 23. Житие-I, с. 51—52.
 24. Если в ранней редакции называется имя Семёна, то во второй, более поздней, — Григория Строганова. Однако Григорий вместе с братом Яковом умер в 1577 году. Поэтому речь идет о третьем брате Семёне, который находился во вражде с остальными. Погиб Семён, по данным Сольвычегодского синодика, в 1586 г. от рук посадских людей. КУПЦОВ И.В. Ук. соч., с. 17, 19, 20.
 25. Житие-I, с. 52.
 26. Однако однозначно говорить о том, что они основали обитель нельзя. Данная фраза могла указывать только на то, что они воздвигли здесь храмы и другие строения. Не случайно, в 1647 г. монастырь уже был назван «Данила же Строганова строенъем». КУПЦОВ И.В. Ук. соч., с. 45, 48; ОСОКИН И.М. Ук. соч., с. 86—87.
 27. ОСОКИН И.М. Ук. соч., с. 86—87; РГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11 447, л. 1.
 28. РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1497, л. 846.
 29. ЧАГИН Г. Н., ШИЛОВ А. В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь. 2007, с. 344.
 30. РГАДА, ф. 281, оп. 20, д. 14 242, л. 1—2.
 31. Там же, д. 14 295, л. 1.
 32. Там же, д. 14 249, л. 1—1об.; д. 14 280, л. 1—1об.; д. 14 295, л. 1.
 33. ПАРФЕНТЬЕВ Н.П., ПАРФЕНТЬЕВА Н.В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. Челябинск. 1993; СИЛКИН А.В. Строгановское лицезовое шитье. М. 2002; Иконы Строгановских вотчин XVI—XVII веков. М. 2003; Искусство пермских вотчин Строгановых. Пермь. 2007.
 34. В 1623—1624 гг. в Соликамске было 35 варниц и 34 росолоподъемные трубы.
 35. ШИШОНКО В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 1. Пермь. 1885, с. 69—70.

36. АМВРОСИЙ, иером. История Российской иерархии. М. 1812, ч. 4, с. 177; СТРОЕВ П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви. СПб. 1877, стб. 944.
37. СЛОВЦОВ И.Ф. Соликамско-Истобенский Свято-Троцкий третьеклассный мужской монастырь. — Пермские епархиальные ведомости. 1869, № 51, часть неофиц., с. 588—590.
38. Там же, с. 589.
39. Там же, с. 587—588. Никифор говорит не об основании монастыря, а о постановке келий, ограды и храма для братии, которые появились раньше.
40. Там же, с. 591.
41. Только на рубеже XVII—XVIII вв. солепромышленниками Суровцевыми был построен каменный храм.
42. СЛОВЦОВ И.Ф. Ук. соч., с. 592.
43. Там же, с. 590.
44. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 184, л. 22—22об., 119—120 (фотокопия документа предоставлена А.Л. Мусихиным); СОРОКИН П. Чудь Кайского края. Вятка. 1895, с. 4—6; ШИШОНКО В. Пермская летопись, второй период, с. 242.
45. ДМИТРИЕВ А. Пермская старина. Вып. 1. Пермь. 1889, с. 39, 41—43. Вып. 2. Пермь. 1890, с. 21—23, 66—67.
46. Память о своих предках, пришедших в эти земли в XVII в., крестьянство края хранило и в конце XIX в. СОРОКИН П. Ук. соч., с. 6—8.
47. Там же, с. 4.
48. ШИШОНКО В.В. Пермская летопись, период пятый, ч. 1, с. 380.
49. ЧАГИН Г.Н. На древней Пермской земле. М. 1988, с. 61—63.
50. БЕРХ В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб. 1821, с. 207.
51. В. Шишонко при публикации ошибочно указал р. Язву, однако через Верх-Яйву, а не через Верх-Язву проходила дорога в Сибирь.
52. Писцовыя книги Пермской губернии Соликамскаго и Кунгурскаго уездов. Пермь. 1872, с. 116—118.
53. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). Т. 2. СПб. 1841, с. 34—52. Впервые эту связь отметил в своей работе А. Дмитриев (Пермская старина, вып. 2, с. 65).
54. Иван Никитич Романов (1560-е — 1640) — сын Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, младший брат патр. Филарета и дядя царя Михаила Фёдоровича.
55. МАРТЫНОВ М.Е., НИЛОГОВ А.С. Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI—XIX вв. Кудымкар. 2012, с. 44—45.
56. Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии. ПКВГ на 1870 г. Вятка. 1870, с. 176.
57. Вятский край с древности до наших дней. Киров. 2006, с. 87—88.
58. АИ. Т. 3. СПб. 1841, с. 356.
59. ШИШОНКО В. Пермская летопись, второй период, с. 242.
60. ДМИТРИЕВ А. Ук. соч., вып. 1, с. 37; вып. 2, с. 46—47.
61. Столетие Вятской губернии. Т. 2. Вятка. 1881, с. 809.
62. СОРОКИН П. Ук. соч., с. 5.
63. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 184, л. 119—120. (Фотокопия документа предоставлена А.Л. Мусихиным).
64. СОРОКИН П. Ук. соч., с. 5—6.
65. Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии. В кн.: Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка. 1870, с. 177.
66. ЗВЕРИНСКИЙ В.В. О православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб. 1897, с. 196.

67. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 184, л. 22—22об. (фотокопия документа предоставлена А.Л. Мусихиным).
68. В 1705 г. строителем Кайгородской Успенской пустыни указан иеромонах Зосима. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 811.
69. ЧАГИН Г.Н., ШИЛОВ А.В. Ук. соч., с. 10.
70. Кунгурские акты XVII в. (1668—1699 гг.). СПб. 1888, с. XXII (в книге Чагина и Шилова указан 1671 г. См.: ЧАГИН Г.Н., ШИЛОВ А.В. Ук. соч., с. 13).
71. Непосредственное размежевание Кунгурского и Соликамского уездов произошло еще позднее — в 1686 году. РГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11 433, л. 1.
72. ШИШОНКО В.Н. Пермская летопись, пятый период, ч. 2, с. 36—37.
73. ПОНОМАРЁВ П., свящ. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. Кунгур. 1896, с. 38, 42—43; ШИШОНКО В.Н. Пермская летопись, второй период, с. 335.
74. РГАДА, ф. 281, оп. 11, д. 5849, л. 1; д. 5850, л. 1; д. 5855, л. 1; д. 5869, л. 3.
75. ШИШОНКО В.Н. Пермская летопись, второй период, с. 502.
76. РГАДА, ф. 281, оп. 11, д. 5850, л. 1—2.
77. ШИШОНКО В.Н. Пермская летопись, пятый период, ч. 2, с. 231—232.
78. РГАДА, ф. 281, оп. 11, д. 5850, л. 1—2.
79. ОЛИНА Г.А. Отчет о работе комиссии по определению гербовых символов и созданию территориального герба пос. Суксун. Суксун, 1999. URL: http://heraldicum.ru/russia/texts/1999_suksun.doc.
80. Икона Божией Матери «Неопалимая Купина» в пос. Суксун. URL: <http://www.eparhia.permonline.ru/snts/ikon-suk.html>.
81. РГАДА, ф. 281, оп. 11, д. 5849, л. 1; д. 5869, л. 4—5.
82. В современном Карагайском районе Пермского края.
83. Государственный архив Пермского края (ГА ПК), ф. 439, оп. 1, д. 1, л. 1; УО Д. История одной книги. СПб. 2003, с. 296—298.
84. ГА ПК, ф. 439, оп. 1, д. 1, л. 1—1об.
85. ШИШОНКО В. Пермская летопись, пятый период, ч. 1, с. 221—222.
86. Там же, с. 222.
87. Там же, с. 223.
88. РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 2136, л. 18об. (сообщено Н.Е. Завойской).
89. ШИШОНКО В. Пермская летопись, второй период, с. 194—195.
90. СТРОЕВ П.М. Ук. соч., стб. 945; ШИШОНКО В. Писцовые книги Пермской губернии. Пермь. 1872, с. 4—5. Хотя Максим Васильев Александров в 1609 г., прося записать родителей своих в поминание Вознесенского монастыря, упоминает и о девичьем Архангело-Михайловском, которому тоже делает вклад, но под другим условием: чтобы жену его Марфу постригли в том монастыре. СЛОВЦОВ И.Ф. Ук. соч., № 51, с. 592.
91. СЛОВЦОВ И., свящ. Пыскорский Преображенский Ставропигиальный 2-го класса монастырь. — Пермские епархиальные ведомости. 1867, № 28, часть неоф., с. 439—441.
92. ШИШОНКО В. Пермская летопись, второй период, с. 194—195; ЕГО ЖЕ. Писцовые книги Пермской губернии, с. 4—5.
93. ДМИТРИЕВ А.А. Ук. соч., вып. 2, с. 111.
94. В историографии он традиционно называется Барановым, но последние исследования дают основания считать, что он Тугаринов.
95. ШИШОНКО В. Пермская летопись, пятый период, ч. 1, с. 69—70.
96. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 13.
97. Евдокия Никифорова, жена Щепоткина — супруга московского купца — гостя Мясницкой полусотни Фёдора Матвеева с. Щепоткина, владевшего соляным

- промыслом и имевшего торговлю в Соликамске (РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1538, л. 399об.) В память о своем муже она основала в Соликамске женский монастырь и построила в нем две церкви: зимнюю Введенскую (1683—1713) и летнюю Преображенскую (1684—1692). РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 6341, л. 3.
98. РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 6341, л. 3.
99. ГА КО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 13.
100. Там же, ф. 237, оп. 81, д. 45, л. 34, 37об.
101. ШИШОНКО В. Писцовые книги Пермской губернии, с. 4—5.
102. ДМИТРИЕВ А.А. Пермская старина. Вып. IV. Пермь. 1892, с. 112, 140, 162.
103. ПОНОМАРЁВ П., свящ. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. Кунгур. 1896, с. 143—144. Правда сам автор при публикации документа ошибочно указывает 1696, а не 1695 г. (12 декабря 7204 г.)
104. БЕЛЯКОВА Е.В., БЕЛЯКОВА Н.А., ЕМЧЕНКО Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М. 2011, с. 189—192; Стоглав. Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М. 1985, с. 361.
105. ОСОКИН И.М. Места подвигов преподобного Трифона Вятского Чудотворца в Пермском крае. — Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1912, вып. V, с. 86.
106. ГА КО, ф. 237, оп. 81, д. 51, л. 55—56об.
107. ШИШОНКО В. Пермская летопись. Третий период. Пермь. 1884, с. 706.
108. Там же, пятый период, ч. 1, с. 76.

A. BARENBERG. *Gulag Town, Company Town. Forced Labor And It's Legacy In Vorkuta*. Yale University Press. New-Heaven-London. 2014. 352 p.

А. БАРЕНБЕРГ. *Город ГУЛАГа, моногород: принудительный труд и его наследие в Воркуте*. Нью-Хейвен-Лондон. 2014. 352 с.

Алан Баренберг причисляет себя к «новой волне» исследователей, считающих, что ГУЛАГ имел намного более тесные связи с советским обществом, чем это считалось ранее. Он выступает против метафоры «архипелаг» и спорит с авторами, которые следуют в русле «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, утверждавшего, что ГУЛАГ был миром, отделенным непроницаемой границей от воли, и человек, попавший в места заключения, исключался из этого мира, по крайней мере, до момента его освобождения. Баренберг ставит себя в один ряд с такими учеными как Г. Алекзопулос (Университет Южной Флориды, США), которая дает определение ГУЛАГа как системы «вращающихся дверей» («a «revolving door» system») ¹ с частыми арестами и освобождениями, М. Добсон (Университет Шеффилда, Великобритания) ², изучающей процессы интеграции бывших заключенных ГУЛАГа в советское общество, У.Т. Беллом (Университет Торонто, Канада). Исследователь приводит в пример региональные исследования (local studies) С. Коткина и К. Браун, которые показали, что история одно-

го города или региона может привести к более глубокому пониманию советской истории.

Книга Баренберга рассказывает о населении Воркуты 1930—2010-х гг.: различных категориях заключенных, ссыльных, бывших заключенных, администрации ГУЛАГа, комсомольцев-добровольцев, демобилизованных солдат и свободных мигрантов. Везде, где это возможно, рассказ о социальной группе дается через призму жизни одного из ее представителей. Этот подход был успешно опробован автором в ранних работах. Отличие данной книги от других, посвященных этой теме, в том, что мир воли и мир зоны строго не отделены друг от друга. Вольнонаемные пересекали границу, так как работали в зоне, а зону могли покидать заключенные, имевшие подобные привилегии.

Во введении автор раскрывает смысл названия своей книги. Он рассказывает о демонтаже в 1961 г. памятника Сталину, который стоял на центральной площади города. Для историка это своего рода символический акт, позволяющий разделить историю Воркуты, так же как и историю Советского Союза в

целом, на два взаимосвязанных, но очень сильно различающихся периода. Воркута при Сталине — это «город ГУЛАГа» («Gulag town»), в последующие годы, вплоть до современности, — это «монгород» («company town»).

Далее автор дает краткую характеристику Воркуты как «города ГУЛАГа». Он рассказывает, что лагерь на берегах р. Воркуты возник в начале 1930-х гг. как небольшое поселение («tiny, remote outpost») (с. 3), как первый шаг на пути освоения Печорского угольного бассейна — самого большого в Европейской России. К концу 1930-х — началу 1940-х гг. он превратился в один из самых больших лагерных комплексов СССР. Период начала 1940-х — середины 1950-х гг. характеризовался «безграничным числом заключенных и безграничной жадой угля» («limitless supply of prisoners and a boundless hunger for coal») (с. 3). За это время через Воркутинские лагеря (Воркутлаг и Речлаг) прошло около полумиллиона заключенных. Здесь содержались те категории осужденных, которые считались наиболее опасными в СССР. Экстремально жесткие климатические факторы и условия содержания определили тот факт, что уровень смертности здесь был одним из самых высоких в ГУЛАГе.

Воркута после смерти Сталина и последовавших реформ Н.С. Хрущёва быстро трансформировалась в монгород. Официально город Воркута, где проживали незаключенные, был зарегистрирован в 1943 году. Через 10 лет численность населения города сравнялась с населением лагерного комплекса. К декабрю 1961 г. население Воркуты достигло 183 тыс. чел., а сам город стал самым большим в Коми АССР. Горожане, состоявшие не только из бывших заключенных, но и молодых людей со всего Советского Союза, работали на добыче угля. В 1975 г. была закончена самая большая угольная шахта Европы Воргашор с годовым производством угля в 4,5 млн тонн. К этому времени Воркута стала желанным местом для тех, кто был социально мобилен и искал различные льготы — высокой заработной платы и возможности выйти на пенсию после относительно короткого перио-

да работы. Сама Воркута — процветающий промышленный город в дикой тундре — стал чем-то вроде «экспоната» («showpiece») (с. 3), олицетворением потрясающих достижений СССР в освоении Крайнего Севера.

По мнению Баренберга, эти два воплощения Воркуты часто рассматриваются отдельно. С одной стороны, такой подход имеет право на существование, так как город Воркута и лагерный комплекс Воркута на бумаге были полностью отделены: они имели разные «население» и учреждения, а также занимали различное географическое пространство. Кроме того, эти два исторических периода были разделены важными политическими, социальными и экономическими изменениями (отказом от массового террора, освобождением миллионов заключенных из ГУЛАГа и др.). Тем не менее, между ними существовала и преемственность. Десятки тысяч заключенных после освобождения 1950-е гг. оставили Воркуту, чтобы никогда сюда не вернуться, но тысячи других остались работать в новом монгороде.

Историк привлек обширный комплекс опубликованных и неопубликованных источников: документы государственных и партийных архивов центрального и регионального уровней, материалы краеведческого музея Воркуты, местную периодическую печать, мемуары. Кроме того, Баренберг лично интервьюировал жителей города — бывших заключенных и членов их семей.

Книга состоит из введения, шести глав, эпилога, трех приложений, списка использованной литературы и источников, именного указателя. Несомненным достоинством работы является использование большого числа статистических данных, приведенных в форме сводных таблиц как в основном тексте, так и вынесенных в приложения. Автор опубликовал около полутора десятка фотографий Воркуты, начиная с 1930-х гг. до современности.

Глава 1 «От окраины до тыла. Воркута как форпост» («From the Margins to the Home Front. Vorkuta as an Outpost») охватывает историю Воркуты от первого открытия месторождений

угля летом 1930 г. до 1942 г., когда номинальное завершение строительства железно-дорожной линии, соединяющей Воркуту с Москвой, сделало регион важной частью советского тыла.

Баренберг начинает свой рассказ с того, как молодой выпускник МГУ Г.А.Чернов в августе 1930 г. нашел на берегу р. Воркуты месторождение угля. В следующем году на это место прибыли 39 чел., которые основали первое поселение и первую шахту. К ноябрю здесь проживало уже 2009 «колонистов» — заключенных, присланных из Чибью (Ухты). Историк приводит предысторию геологоразведочных изысканий в этом регионе. Систематические научные экспедиции МГУ начали проводиться с начала XX века. После непродолжительного перерыва они были возобновлены (с 1921 г.), а руководил ими не кто иной, как Александр Чернов — отец Георгия Чернова. И здесь Баренберг задает неожиданный вопрос: насколько случайным было открытие месторождения в 1930 г.? Насколько был «виноват» молодой ученый в том, что после его научного открытия в Северном крае был организован лагерь, где умерли десятки тысяч заключенных?

Деятельность Воркуты 1930-х гг. рассматривается как проект внутренней колонизации, принятый высшим руководством СССР. Историк описывает решения Политбюро и Сталина, их фантастические планы по добычи угля, а также ужасающие условия жизни заключенных в Арктике. Смертность в этот период историк оценивает в 20%, причем без учета погибших во время транспортировки. Баренберг спорит с утверждением С. Барнеса³ о том, что лагеря ГУЛАГа были только местом «перековки» заключенных, и утверждает, что опыт Воркуты с ее тяжелейшими условиями существования и высоким уровнем смертности доказывает обратное.

Уже в этот период автор отмечает появление привилегированных групп лагерников. Так как главная цель администрации состояла в эффективном производстве, заключенным-специалистам был предоставлен ряд льгот, облегчавших их пребывание в лагере.

В начале 1934 г. было 72 представителя «элиты» из заключенных (с. 23), через год — уже 119 человек. В относительных показателях это составляло менее 5% от общего числа лагерников.

Экономические успехи Воркуты этого периода Баренберг сравнивает с «темпом улитки» («snail's pace») (с. 31). Медленно росла и численность заключенных (с 22 тыс. чел. в начале 1936 г. до 31 тыс. чел. в начале 1937 г.), при этом около трех тысяч человек умирало каждую зиму. Резкий рост размеров лагеря историк связывает с начавшимися в стране репрессивными акциями периода Большого террора. Уже к началу 1938 г. в Воркутлаге находилось почти 55 тыс. узников, почти половину из которых составляли осужденные за контрреволюционные преступления. Баренберг обращает внимание на низкие темпы «зонирования» («zonification») — процесса создания лагерных зон. По его оценкам, только половина зон Воркуты (40 из 80) имела ограждение из колючей проволоки. Вызвано это было отчасти нехваткой материалов, отчасти тем, что «отделение заключенных от незаклученных явно не было высоким приоритетом для лагерной администрации» (с. 34).

Весной 1940 г. начальник лагеря Л.А.Тарханов получил личное распоряжение Сталина сделать упор на максимизацию производства угля. Продолжился рост численности как заключенных, так и незаклученных. Последних на 1 января 1940 г. было 2 тыс. чел., к 1 янв. 1941 г. — уже 6,5 тысяч. В их число входили администрация и военизированная охрана, однако подавляющее большинство составляли бывшие узники. Лагерь «рекрутировал» бывших заключенных, особенно из числа специалистов, предоставляя им ряд льгот. Историк приводит истории нескольких бывших узников, добровольно оставшихся при лагере, акцентируя внимание на том, что они говорят о своих мотивах.

Баренберг выделяет несколько категорий «привилегированных» заключенных. Раскованные или бесконвойные («de-convoyed») могли ходить на работу без конвоя, но только

по строго определенному маршруту. Зазонники («de-zoned», «zazonniki») имели возможность работать за пределами зоны, в лагерь приходили только ночевать, а также присутствовать на вечернем и утреннем разводах. По оценкам Баренберга к началу 1942 г. почти 10 тыс. заключенных — около одной трети лагерного контингента Воркуты — были или расконвоированными, или зазонниками. В их числе было много осужденных за контрреволюционные преступления, что правилами ГУЛАГа запрещалось, но было вызвано производственной необходимостью (с. 40).

Интересно, что автор выделяет еще одну категорию заключенных — домашняя прислуга («domestics») (с. 41). Это узники, которые работали на дому у администрации Воркутлага. Большую часть из них составляли осужденные за контрреволюционные преступления. Так, в 1942 г. из 139 чел. работавших в качестве домашней obsługi, осужденных за контрреволюционные преступления было 88 человек.

Причину слабой «зонификации» Воркуты, а также большого числа зазонников и расконвоированных заключенных историк видит в географической удаленности региона, которая мешала узникам совершать побеги, а московскому начальству контролировать действия администрации лагеря.

Начало Великой Отечественной войны было отмечено ухудшением условий содержания лагерников и ужесточением режима. В то же время, Баренберг обращает внимание на то, что в первый военный год снабжение лагеря продовольствием было неплохим. Смертность заключенных в Воркуте в 1942 г. составляла 48 чел. из 1 000, что было в 5 раз меньше, чем в среднем в ГУЛАГе. Автор считает, что стратегический приоритет лагеря определила резко возросшая потребность станы в угле.

Глава 2 названа «Спасение Ленинграда — определение Воркуты. Лагерь и город в военный период» («Saving Leningrad, Defining Vorkuta. A Camp and City at War»). За начало этого периода взят 1943 г. — год основания города Воркута. В целом в эти годы (до 1947 г.) про-

изошла интеграция Печорского угольного бассейна в экономическую систему страны.

Для десятков тысяч заключенных 1943—1947 гг. стали временем тяжелейшего физического труда, голода, существования на пределе выживания. В это время был зафиксирован самый высокий уровень смертности за все время существования лагеря. Шел резкий рост численности заключенных (с 25 тыс. чел. в конце 1943 г. до 60 тыс. чел. в начале 1947 г.). В то же время автор обращает внимание на высокий уровень освобождения: за три года 75 тыс. заключенных прибыло в Воркутлаг, но почти 42 тыс. было выпущено или отправлено в другие лагеря. Изменился состав заключенных: большую часть стали составлять осужденные за измену Родине и пособники (более 35 тыс. чел., или 57% от общего числа лагеконтингента).

Этот период истории Воркуты Баренберг напрямую связывает с именем начальника лагеря М.М. Мальцева, заявившего, что цель его работы состоит в том, чтобы «медленно убивать заключенных» (с. 61). Смертность в лагере в 1943 г. была в три раза больше по сравнению с 1942 г. (147 чел. из 1 000). В годы войны появилась новая категория заключенных — каторжане, содержать которых надлежало в особо тяжелых условиях труда и быта. Воркута стала одним из четырех лагерей, определенных для размещения этой категории заключенных (18 тыс. каторжников в 1946 г., 24 тыс. в 1947 г., 27 тыс. в 1959 г.). Смертность среди каторжан была самой высокой: в 1944 г. умер один узник из трех.

Баренберг отмечает, что в Воркуте в это время сложилась система патрон-клиентских отношений между заключенными и лагеконструкцией. Историк связывает этот феномен с личностными особенностями начальника лагеря Мальцева, который оказывал покровительство как отдельным заключенным (сценаристу А.Я. Каплеру, бывшему главному режиссеру Большого театра Б.А. Мордвинову и др.), так и целым группам узников. В числе последних — труппа Воркутинского музыкального театра драмы, из 150 чел. две трети ко-

торой были лагерниками. Привилегии состояли в свободе передвижения, улучшенных жилищных условиях, лучшего питания, наличии денег. Иногда эти лагерники получали «американские подарки» лично от Мальцева (пальто, костюмы, платья и обувь).

Интересными представляются рассуждения автора о формировании идентичности Воркуты и процессе ее легитимизации. Баренберг утверждает, что место «в общественном понимании советской географии» («in the public understanding of Soviet geography») (с. 57) региону дала связь с Ленинградом — одним из основных потребителей воркутинского угля в военное время. Основание города Воркута, который в 1943 г. занял официальное место на карте СССР, объяснило всей стране, откуда поступает уголь в северную столицу.

Город, который в теории был отделен от лагеря, показан как вотчина директора лагеря Мальцева, который четыре года курировал его строительство, а также неофициально покровительствовал заключенным-архитекторам. Историк показывает огромный разрыв между тем, как жила лагерная элита, и тем, в каких условиях существовало большинство воркутян, бытовые условия которых были не лучше, чем у узников. В этот период под гражданское жилье зачастую использовались старые лагерные бараки.

Историк подробно рассказывает о различных социальных группах, которые сформировали население города Воркута. Самую многочисленную составляли освободившиеся заключенные, которые оставались жить при лагере, а также приехавшие к ним члены семей. Были более мелкие группы мобилизованных этнических немцев и советских этнических немцев. «Окруженцы», вначале размещенные в отдельном лагере, а с июля 1944 г. переведенные на положение ссыльных, также влились в число горожан. 2 тыс. репатриантов после прохождения фильтрации были оставлены в качестве «жителей» Воркуты. Эти группы в совокупности составили почти 16-тысячное население города.

Баренберг приходит к выводу, что «город пришел из лагеря» («the city came from the camp») (с. 79), так как подавляющее большинство населения Воркуты имело свои «истоки в колючей проволоке» («had its origins within the barbed») (с. 81).

Глава 3 носит название «В поисках “нормальности”». Воркута в период послевоенного сталинизма» («In Search of “Normalcy”. Vorkuta during Postwar Stalinism») и рассказывает об обретении Воркутой — лагерем, городом и регионом в целом — «нормальности» в 1947—1953 годах.

Это означало улучшение снабжения и питания, значительное снижение уровня смертности, введение заработной платы для заключенных и возможности получить условно-досрочное освобождение (УДО). Нормальное существование для города — начало строительства жилья для рядовых горожан, создание гражданской инфраструктуры, резкий рост рождаемости, увеличение численности населения, а «нормальность» для Воркуты автор видит в создании двух параллельных миров: лагерного и городского.

Баренберг провидит прямое сравнение с другими городами СССР, которые возвращались к послевоенной жизни. Городу и лагерю некуда было возвращаться, так как они оба были «творением террора и массовых репрессий» («creations of terror and mass repression») (с. 90). Город пережил послевоенный период «бэби-бума»: в 1948–1953 гг. в Воркуте родилось более 13 тыс. детей. Строительство детской больницы историк считает символическим актом — проявлением заботы властей об обеспечении гражданских потребностей, в том числе и детских.

Нормальная жизнь города заключалась не только в увеличении численности населения из незаключенных, но и в строгой изоляции в лагере наиболее опасных осужденных. Автор отмечает рост напряженности в отношениях между лагерниками и горожанами и шаги местных властей по стабилизации ситуации. В это время стали строиться первые двухэтажные деревянные дома, предназначенные для

рядовых горожан. С организацией в 1951 г. горкома структура городской власти Воркуты стала похожей на «нормальные» советские города. Создание городской газеты «Заполярье» (1952 г.), писавшей о событиях в стране и городе, а не о лагерной жизни, было также «нормальным» явлением.

Послевоенное восстановление Донбасса привело к тому, что производственное значение Воркуты в экономике страны упало. Одним из стимулов, направленных на повышение эффективности производства, стало введение заработной платы для заключенных. Лагерники в целом получали намного меньше вольнонаемных, однако Баренберг приводит данные, говорящие о том, что заработная плата узников Воркуты была самой большой по ГУЛАгу (высокая тарифная ставка на добыче угля плюс арктический коэффициент). Введение системы зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения (июнь 1951 г.) привело к тому, что число освобождений резко возросло: в 1950 г. на свободу вышло 8,5% заключенных Воркутлага, в 1951 г. — уже 18,4%.

Рассматриваемый период характеризовался созданием «специальных лагерей», в которых надлежало содержать особо опасных преступников. Одним из них стал Речлаг, которому Воркутлаг передал шахту, рудник, часть бараков для заключенных и гражданских построек для персонала. В начале 1950 г. более 70% заключенных Воркутлага были переведены в Речлаг. Здесь осужденные за особо опасные преступления (контрреволюционные, измена родине и т.п.) составляли 93% от всего контингента, в Воркутлаге — 59%, в целом по ГУЛАгу этот показатель был намного ниже (данные на 1950 г.). Баренберг обращает внимание на особенности национального состава двух лагерей: если в Воркутлаге русских было 48%, то в Речлаге — всего 18%, зато украинцы составляли 40% от всего контингента, литовцы — 12%, латыши — 5%. Позже Речлаг пополнился военнопленными немцами.

Концентрация в «спецлагерях» больших групп нацменьшинств привела к тому, что в

них стали возникать группы взаимопомощи, строившиеся на национальной основе. Несмотря на повсеместное распространение такого рода объединений, их основной целью было выживание членов, а не массовое сопротивление лагадминистрации. Только после смерти Сталина и смещения Берии заключенные Речлага приняли участие в одной из крупнейших забастовок ГУЛАГа.

В завершении главы Баренберг приводит данные о том, что за короткий период население города Воркута выросло более чем в два раза (30 тыс. чел. в декабре 1947 г., более 68 тыс. чел. — в январе 1953 г.). Быстрый рост численности горожан определялся комплексом новых факторов. В конце 1940-х гг. одна треть населения состояла из освободившихся заключенных, большую долю составляли родившиеся в это период дети. В последующие два десятилетия рождаемость в Воркуте была в 2 раза выше, чем в среднем по стране. Это время также характеризуется ростом «свободной» миграции в регион.

В главе 4 «Кризис Воркуты. Реформа и ее последствия» («Vorkuta in Crisis. Reform and Its Consequences») Баренберг рассказывает о кризисе, возникшем после смерти Сталина, и последовавших за ним реформах лагерной системы 1953—1955 годов. В частности, он фокусируется на двух проявлениях этого кризиса — массовой забастовке заключенных (лето 1953 г.) и разгоревшейся административной борьбе за контроль над Воркутой.

Амнистия, объявленная Берией, привела к освобождению огромного числа заключенных (почти 1,2 млн из 2,4 млн узников по всей стране). В Воркуте этот процесс не стал массовым, так как здесь содержалось много осужденных тех категорий, которые под нее не попадали. Вследствие этого амнистия вызвала в Воркуте преимущественно негативное отношение. Надежды и разочарование («frustration and hope») (с. 125) сыграли ключевую роль в начале забастовки 1953 года. Настроение горожан в это время автор характеризует словами «тревога и страх», «паника» («anxiety and fear», «panic») (с. 125), которые были вызваны

как событиями в стране, так и массовыми драками и насилием, которые совершила первая группа амнистированных заключенных Воркутлага.

Руководители лагеря и города в это время находились в административном тупике. Не предпринимая никаких активных действий, местные власти ждали будущего, которое должно было быть определено в Москве. Вскоре последовало коренное изменение системы управления Воркутой. На смену единоначалию, которое существовало с 1938 г., пришел принцип разделения функций. С этого времени в Воркуте стало действовать три независимых начальника, подчинявшихся трем разным министерствам. Воркутлаг, как и многие лагеря ГУЛАГа, был передан в Минюст. Речлаг, имевший статус «спецлагеря», был оставлен в МВД. Воркутуголь, в введении которого находились шахты и рудники, был передан в Министерство угольной промышленности. По мнению Баренберга, основной конфликт между тремя новыми руководителями теперь был завязан на вопросе о труде заключенных.

Историк подробно рассказывает об истории забастовки заключенных Речлага, которая стала одной из самых массовых в ГУЛАГе: в ней приняли участие около 15 тыс. человек (лето 1953 г.) Баренберг обращает внимание на форму забастовки — отказ от работы. Именно остановка производственной деятельности вызывала наибольшую тревогу у властей. Формально существовало две противостоящие стороны — заключенные и лагерное руководство, однако в реальности все было намного сложнее. Документы зафиксировали факты сотрудничества лагерников и властей в целях поддержания безопасности жизни в шахтах. Во время забастовки водонасосные и вентиляционные системы шахт не прекращали своей работы. Некоторые группы заключенных, прежде всего занимавших привилегированное положение, участие в акции протеста не приняли. По оценкам историка, забастовка способствовала дальнейшему росту напряженности в городе и углублению противоречий между заключенными и горожанами. Среди жителей

Воркуты отношение к событиям лета 1953 г. было различным — от крайне негативного до сочувственного. Нерешительные меры властей Баренберг расценивает как проявление кризиса власти. Когда по прошествии некоторого времени администрация выказала намерение показать силу (на вышках были поставлены пулеметы), заключенные сразу же вернулись на работу. За исключением одного эпизода, акция протеста закончилась без кровавых эксцессов. Руководителям и активистам забастовки сроки наказания были увеличены, в отношении же 90% прочих заключенных, подчеркивает автор, никаких санкций вообще не последовало.

Период позднего сталинизма характеризуется структурной реформой ГУЛАГа, облегчением режима содержания заключенных, ликвидацией режима «спецлагерей». Новое «Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР» (1954) официально разрешило бесконвойное перемещение заключенных и возможность их проживания за пределами лагеря. Такая практика отмечалась и ранее, но теперь она была закреплена нормативным актом, что Баренберг расценивает как проявление качественного сдвига в политике советского руководства.

В Воркуте в 1955 г. расконвоированные составляли около 10% от общего числа заключенных, «засонники» — от 10 до 30% (с. 153). В Положении (1954) было указано, что разрешение жить за зоной должно было даваться каждому заключенному в индивидуальном порядке, однако в Воркуте этот процесс носил массовый характер (известны списки на 750 заключенных одновременно) (с. 154).

По мнению Баренберга, ситуация, когда заключенные жили за пределами зоны, была выгодна всем. Лагадминистрации не надо было их охранять и кормить, руководителям треста это облегчало процесс найма рабочей силы. Положение (1954) описывало разрешение жить за зоной как меру поощрения заключенных, на практике же тысячи засонников помогали поднять экономическую эффективность региона. Сами лагерники получали возмож-

ность жить за пределами лагеря, получать зарплату, привозить семьи. Однако, вопреки ожиданиям, практика «дезонирования» вызвала и кризисные явления: так захотели жить все узники. В качестве примера Баренберг приводит забастовку июля 1955 г., одно из основных требований которой заключалось в предоставлении права жить за зоной осужденным за контрреволюционные преступления.

Массовое появление законников вызвало острую жилищную проблему. Согласно Положению (1954), жильем этих заключенных должна была обеспечивать администрация лагеря. Первыми однако среагировало руководство треста. Вначале предполагалось, что заключенные сами будут строить себе дома, однако эта попытка провалилась, так как в окрестностях Воркуты не было стройматериалов. В конце концов, выход был найден: было решено переместить границу лагеря — просто перенести колючую проволоку. Как считает Баренберг, эта «импровизация чиновников лагеря и шахт» («the improvisations of camp and mine officials») (с. 157) переросла в нечто гораздо большее. С одной стороны, площадь зоны стала сокращаться, с другой — территория зоны становилась частью города. Ожидалось, что законники после окончания срока заключения не уедут из Воркуты, так как будут иметь жилье, квалифицированную и хорошо оплачиваемую работу, семьи. По мнению автора, массовый перевод заключенных на положение дезонированных стал долгосрочной стратегией властей по созданию опытной рабочей силы (с. 159).

Главу 5 «Второе рождение» Воркуты. Ковка моногорода» («The “Second Birth” of Vorkuta. Forging the Company Town») Баренберг начинает с рассказа о том, как в июне 1956 г. в Воркуту прибыла первая бригада комсомольцев-добровольцев. Приезд восторженной, полной энтузиазма молодежи в полярный город историк рассматривает как веху, отмечающую важный этап истории города. Теперь это был уже не город заключенных, а «энтузиазма» и «молодежи» («enthusiasm», «youth») (с. 162). Вторую половину 1950-х—начало 1960-х гг.

автор характеризует как время глубокого оптимизма, и, в то же время, как период опасения попыток перестройки общества в послевоенный период.

Массовое освобождение заключенных и спецпоселенцев вызвало острую нехватку рабочей силы. Перед администрацией шахт в 1955 г. стояла сложная задача: найти 20 тыс. рабочих и специалистов. В первое время в Воркуте, как и в целом по СССР, практиковался так называемый «оргнабор». После того, как он показал свою неэффективность, основной упор был сделан на энтузиазм советской молодежи. Тысячи молодых крестьян, рабочих и солдат были набраны в Воркуту в рамках массовых мобилизационных кампаний второй половины 1950-х годов. Население города пополнилось прибывшими в 1955—1960 гг. 15 тыс. демобилизованных солдат. Сотни горных инженеров ежегодно направлялись в Воркуту в порядке распределения. Отмечался большой приток женщин. В 1947 г. женщины составляли 17% от общего числа горожан, в 1954 г. — 27%, в 1969 г. был достигнут паритет между мужским и женским населением Воркуты. В то же время многие рабочие места продолжали занимать бывшие заключенные и спецпоселенцы.

Прибытие тысяч новых граждан историк рассматривает через влияние «толчка» (мотива, который заставлял покинуть прежнюю жизнь) и «притяжения» Воркуты («“push” and “pull” factors») (с. 175). «Толчком» номер один Баренберг называет бедность колхозной жизни. В то же время были и сугубо личные мотивы. Так, историк приводит случай, когда человек, вернувшись с фронта, встретил у себя на родине проявления крайнего антисемитизма. Переехав в Воркуту, он избежал негативного к себе отношения.

«Притяжение» Воркуты — это, прежде всего, «длинный рубль». Здесь действовала разветвленная система льгот, которая включала северный и районный коэффициенты, а также ряд других льгот. В итоге во второй половине 1950-х гг. шахтер в Воркуте получал заработную плату в 3,6 раз выше, чем шахтер Дон-

басса. Баренберг приходит к выводу, что очень высокие по меркам СССР фактические зарплаты были у инженерно-технических работников и администрации (более 6 тыс. руб.), тогда как рядовые шахтеры получали в 2 раза меньше обещанного (около 1,6 тыс. руб. вместо 3 тысяч).

Официальная пропаганда, расписывавшая прелести Воркуты, зачастую лгала. Многие приехавшие только на месте видели, что красивые обещания не соответствовали действительности, и уезжали обратно. Власти были озабочены тем, как удержать прибывавших людей. Одним из средств интеграции новых кадров Баренберг называет обучение горным специальностям, которое позволяло людям повысить квалификацию и претендовать на более престижную должность и более высокую заработную плату. Строительство первой «хрущевки» в мае 1962 г. положило начало новой эре жилищного строительства Воркуты. Хотя сооружалось на удивление много домов, жилищный кризис был разрешен только в 1990-е гг., когда приток людей в регион иссяк.

Население Воркуты Баренберг определяет, пользуясь цитатой из воспоминаний одного из бывших добровольцев, как «человеческий компот» («a "human "compote"») (с. 194). Он замечает, что это была «странная новая социальная структура» («strange new social structure») (с. 195) — бывшие заключенные и спецпоселенцы, демобилизованные солдаты и уехавшие из деревни колхозники, коммунисты и комсомольцы. Кто искал денег, кто карьеры, кто реабилитации. Историк обращает внимание, что несмотря на то, что все жители Воркуты были разными и имели разные мотивы, в городе сохранялись «хорошие человеческие отношения» («such [good] human relationships») (с. 195).

Основные проблемы этого периода Баренберг связывает с удорожанием себестоимости добытого угля и падением спроса на него. И все-таки 1960-е гг. историк называет временем «второго рождения» Печорского угольного бассейна и связывает его с семилетним

планом Хрущёва (1959—1965). Интересно, что проект реконструкции угольных шахт Воркуты он сравнивает с моделью реконструкции шахт во Франции и оценивает его как попытку восстановить шахты в соответствии «с текущими международными стандартами» («with contemporary international standards») (с. 193). Большая часть угля Воркуты использовалась для отопления, однако около 1/3 подходила для коксования. Реально в металлургию шло только 16% добываемого коксового угля, но Воркута продолжала оставаться неотъемлемым звеном индустриальной цепи.

Глава 6 получила название «От заключенных к гражданам? Бывшие заключенные и трансформация Воркуты» («From Prisoners to Citizens? Ex-prisoners and the Transformation of Vorkuta»). По оценкам Баренберга, к концу 1950-х гг. бывшие заключенные и их семьи составляли одну треть из 175-тысячного населения города. Историк соглашается с распространенным в современной историографии мнением, что бывшие лагерники находились на положении маргиналов. В то же время он считает, что в Воркуте десятки тысяч бывших узников смогли построить «относительно успешную, нормальную советскую жизнь» («relatively successful, normal Soviet lives for themselves») (с. 200). Более того, именно бывшие заключенные сыграли ключевую роль в переходе Воркуты от города ГУЛАГа к моногороду.

Большой процент осужденных за контрреволюционные преступления в Воркутинских лагерях обусловил тот факт, что процесс амнистирования здесь был намного слабее, чем в целом в ГУЛАГе. Так, в 1953 г. из Воркутлага и Речлага было освобождено всего 17% общего числа лагерников, а в среднем в лагерях ГУЛАГа — 65%. С 1960 г. Воркутлаг был реорганизован в Воркутинскую исправительно-трудовую колонию с числом заключенных в несколько тысяч. Содержались здесь в основном жители Коми края, осужденные за тяжкие уголовные преступления, такие как изнасилования и убийства. После смерти Сталина ГУЛАГ не исчез, хотя существенно изменился

как количественно, так и качественно, делает вывод Баренберг.

Среди воркутян было очень много бывших заключенных, однако на освобождавшихся горожане смотрели со смесью страха и беспокойства («fear and trepidation») (с. 206). Сообщество лагерников было неоднородным: водораздел проходил между политическими и неполитическими, существовало деление по национальной принадлежности, были различные уголовные касты (воры в законе и др.), особую группу составляли военнопленные.

Историк обращает внимание на то, что массовая реабилитация, проведенная при Хрущёве, была неполной — было пересмотрено менее одной трети контрреволюционных дел. Государство выплачивало компенсацию бывшим лагерникам в размере двухмесячной заработной платы. Большинству освобождавшихся выдавался так называемый «паспорт с минусом», запрещавший проживать в Москве, Ленинграде и ряде других городов. Случаи полной реабилитации были крайне редки и, тут Баренберг соглашается с М. Добсон, в значительной степени зависели от личности чиновника. «Паспорт с минусом» историк не считает принципиальным ограничением в правах, так как большинство заключенных Воркуты не были жителями крупных городов, и ограничение на передвижение не помешало многим вернуться домой.

В заключение Баренберг делает вывод о том, что в период перехода Воркуты от «города ГУЛАГа» к моногороду сложились условия для успешной реабилитации бывших заключенных. Именно здесь они нашли те возможности, которые вряд ли существовали там, откуда они пришли. Город Воркута продолжал развиваться в последующие десятилетия, однако бывшие заключенные все так же играли важную роль в экономической и социальной жизни города.

В эпилоге Баренберг рассматривает, как равновесие, установившееся в течение позднего социализма, было нарушено пере-

стройкой и коллапсом Советского Союза. По мнению исследователя, реформы и «пренебрежение» 1990-х гг. быстро превратили Воркуту из «витрины советского успеха» («a showcase of Soviet success») в «поучительную историю советских неудач» («a cautionary tale of Soviet failures») (с. 14). Автор показывает, что Воркута имеет слабые шансы на существование в XXI в. и что наследие ГУЛАГа продолжает формировать город и в настоящее время.

Книга Баренберга наглядно показывает, что ГУЛАГ не существовал в изоляции от остальной части советского общества, а был фундаментальной частью советской системы, связанной с ним политически, социально, экономически и идеологически. Исследование заставляет читателя по-новому взглянуть на место принудительного труда в сталинский период, оценить его наследие в постсталинскую и постсоветскую эпохи. Книга будет интересна не только историкам, занимающимся историей ГУЛАГа и принудительного труда в СССР, но и широкому кругу читателей.

О.В. КОРНИЛОВА

Примечания

1. ALEXOPOULOS G. A Torture Memo: Reading Violence in the Gulag. Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography. N.Y. 2011, p. 157—176; EJUSD. The Destructive-Labor Camps: Rethinking Solzhenitsyn's Play on Words, in Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 16, 3 (forthcoming, Summer 2015).
2. DOBSON M. Khrushchev's Cold Summer. Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Cornell University Press. 2009.
3. BARNES S. Death and Redemption: The Gulag and the Making of Soviet Society. Princeton. 2011.

М. ДЭВИД-ФОКС. *Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы*. М. Новое литературное обозрение. 2015. 568 с.

В начале 2015 г. у российского читателя появилась возможность познакомиться со знаковым советологическим исследованием последнего времени известного историка — профессора Джоржтаунского университета (Вашингтон) Майкла Шелдона Дэвида-Фокса — переведенным¹ и изданным в России. Символично, что новое исследование профессора вышло в год его юбилея — 21 мая М. Дэвиду-Фоксу исполнилось 50 лет. За спиной — огромный опыт исследований советской истории. Впереди — большие перспективы, запланированные монографии, руководство научным центром в России, международными научными проектами, научным журналом с мировым именем... В кругу историков советского периода Дэвид-Фокс известен еще с той поры, когда он был аспирантом, а широкую известность в России получил в середине 1990-х гг. за первую крупную монографию² и благодаря работе над важным историографическим проектом, результатом которого явилась публикация трехтомной антологии американской русистики³. Сегодня он — автор нескольких обстоятельных монографий, главный редактор возрожденного им под прежним названием, но насыщенного новым концептуальным содержанием журнала «Критика», созданного в конце 1960-х гг. легендарным Р. Пайпсом. В своих исследовательских работах Дэвид-Фокс охватывает широкую и, на первый взгляд, разнородную проблематику советской истории, а отличием его работ является своеобразие исследовательского «фокуса», «хода» (как говорит он сам) — исследовательского пути, методологии научного поиска. Ее персональное своеобразие позволяет профессору открывать для изучения все новые явления советской истории. Вот и в этом исследовании в центре внимания — «культурная дипломатия»: специфика приема в советской России иностранных гостей — деятелей культуры.

Справедливости ради нужно отметить, что проблематика культурного туризма занимает в последние годы и отечественных исследователей. Правда, в центре их внимания оказались иные сюжеты и хронологические линии⁴. Автор же опирается преимущественно на американскую и европейскую историографию советской истории, истории советской культуры и дипломатии. Исследование самим автором помещено в широкий историографический контекст.

На фоне современных межгосударственных «недопониманий» и охлаждения конструктивных контактов контекстуально непривычно, но научно продуктивно воспринимается приводимая автором статистика большой и безвозмездной американской помощи голодающим регионам России в 1922 году. Так, благотворительная организация Герберта Гувера «Американская администрация помощи» — American Relief Administration («АРА» — АРА) организовала двухлетнюю экспедицию помощи голодающим и летом 1922 г. кормила около 11 млн советских граждан ежедневно (с. 67). Для осуществления самой благотворительной работы было привлечено около 6 тыс. российских граждан (с. 69). Подобные редко упоминаемые и в исследовательской и в публицистической литературе факты в книге выступают своего рода подготовительным фоном для последующего анализа работы созданной в апреле 1925 г. специальной организации — Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Именно вокруг работы этого общества (а также изучения деятельности «Интуриста») и построена вся книга.

Автор отмечает, что главная задача, которая ставилась перед ВОКСом состояла в том, чтобы «не просто влиять на иностранцев, а «завоевывать» их и обращать в свою веру, а если это было невозможно, то по крайней мере научить их видеть советскую систему

иначе» (с. 91). Ставилась задача преодоления первого, часто негативного впечатления у иностранных гостей и изменения самого восприятия ими условий советской жизни (с. 177). Многие иностранцы приезжали в Советский Союз с предубеждением, что им будут показывать «потемкинские деревни». Задачей ВОКСа было переубедить их в этом. И потому во второй половине 1920-х гг. руководство иностранным туризмом получило общее название «культпоказ». Основой этой практики являлась демонстрация гостям образцово-показательных учреждений (с. 176). В самой подобной практике не было ничего особенного, отмечает автор. Схожие приемы практиковались и в других государствах (например в Румынии).

Постепенно была отработана своего рода «техника гостеприимства» для важных делегаций и гостей. Она начиналась с массовых приветствий на границе, включала обильные застолья, изоляцию иностранцев от рядовых граждан, перемещение на спецпоездах, стандартизацию маршрута знакомства со страной и т.д. (с. 186—187).

В частности, автор характеризует отдельные структуры советской пенитенциарной системы (которую мир воспринимал как жестокую и кровавую) как «витрину» советского правосудия и исправления преступников. Лефортовский изолятор «может рассматриваться как в большей степени “витрина”, чем образцовая модель; стандартный пункт осмотра для иностранцев». Он «специально содержался так, чтобы показать зарубежным гостям гуманные условия содержания заключенных и самый принцип их реабилитации» (с. 201—202). Там были даже «образцовые» арестанты. Описан случай, когда заключенный говорил с делегацией из Франции на хорошем французском языке (с. 202).

На примере показательных тюрем автор заключает: «Несмотря на исключения, случай тюрем показывает, насколько успешным мог быть базовый подход культпоказа — побудить иностранцев делать обобщения исходя из нетипичных примеров» (с. 204). Наряду с пока-

зательными объектами формировались особые принципы культпоказа и даже его технологии. В частности, менять график мероприятий можно было, «но только если изменение можно было заранее запланировать!». «Верхом дозволенного была регулируемая спонтанность» (с. 219). Все свободное время гостей стремились занять, дабы исключить возможность бесконтрольного времяпровождения.

Значительная часть книги посвящена визитам особо именитых гостей, таких как Теодор Драйзер, который совершил 11-недельное путешествие по СССР (ноябрь 1927 — январь 1928 гг.), побывал в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, в Закавказье, в Крыму. Визитеру было 56 лет, он был в зените писательской славы. По итогам поездки писатель в 1928 г. издал книгу «Драйзер смотрит на Россию», восславившую сталинскую Россию. Иной оттенок его восприятия страны представляют дневники, содержащие изрядную критику увиденного. Для Драйзера Россия — это Азия. Особенно примечательна одна из дневниковых характеристик страны: «Россия навсегда обезображена для меня холодом и грязью» (с. 234). Драйзер осуждал «всепроникающую атмосферу шпионства, вездесущность чекистов» и «кошмар» «нескончаемого шквала пропаганды». Из этого он заключал, что «режим боится практически всех иностранных гостей и абсолютного большинства своих, русских, не доверяет им, а на самом деле — никому» (с. 238). Но при всем при этом в своих статьях об СССР Драйзер писал: «Я думаю, что наша страна в конце концов советизируется» (с. 239). Уже перед смертью, в 1945 г. писатель вступил в компартию США (с. 240), в чем трудно не увидеть влияния визита в Россию.

Особое место в советской культуре занимал Максим Горький — главный писатель советской страны, отношения которого с режимом, впрочем, складывались не всегда просто. Горький сделал немало для форми-

рования имиджа России за рубежом, его имя власти использовали для дезавуирования резких суждений Запада о советских лагерях (знаменитый визит Горького на Соловки), в массе идеологических кампаний и акций.

Горький покинул Россию в 1921 г. после размолвки с Лениным, а вернулся в 1928 году. В 1929 г. он выпустил книгу «По Союзу Советов», восхвалявшую достижения советского строительства. Особую роль Горького подчеркивает и Дэвид-Фокс, отмечая, что к началу 1930-х гг. тот приобрел известность «не только как посредник или архитектор нового политического курса...» (с. 248). Аргумент тому и личная переписка со Сталиным, в которой последний проявлял особую заботливость, подчеркивал свои дружеские чувства и, создавая впечатление, едва ли не заискивал перед писателем, самым политическим режимом вознесенным на олимп.

О влиянии Горького свидетельствуют и такие объективные данные, как расходы режима на писателя. До 1932 г. в Госиздате для Горького существовал специальный фонд: в год сумма составляла 40 тыс. руб. золотом, в то время как средства для всех остальных издательств страны для выплаты гонорара авторам в твердой валюте составляли 100 тыс. руб. золотом (с. 255). По мнению исследователя, «играя роль знаменитого иностранца, Горький заключал свой пакт со сталинским режимом. Но делал он это по-своему — прежде всего его интересовали культурно-идеологические вопросы, то есть он видел себя строителем новой культуры, а не пресмыкающимся лизоблюдом» (с. 258).

Особый историографический сюжет — поездка Горького в Соловецкий лагерь (СЛОН). В этом случае Горький пошел на очевидную сделку с совестью. Тогдашний узник Соловков Д.С. Лихачёв вспоминал о десятках замороженных в ледяной воде заключенных, державших причал для швартовки судна Горького в прямом смысле на своих плечах (столь важный объект инфраструктуры не был готов к приезду важного гостя),

вспоминал о беседе Горького с воспитанниками колонии для несовершеннолетних, также базировавшейся на Соловках⁵. Результатом поездки стала публикация серии материалов и очерков Горького, рисующих Соловки как место перевоспитания. Писатель, по мнению Дэвида-Фокса, проигнорировал или обделил должным вниманием многие вещи: массовую смертность от непосильного труда, стремление извлечь из принудительного труда максимум выгоды, наказания тяжелой работой в виде переноса воды вверх и вниз по лестницам, доводившие заключенных до изнеможения и др. За это Горького многие осуждали. «Это моральное осуждение подчеркивает подмену истины ложью. Но Горький не просто обманывал — он создал систему самообмана в массовом масштабе» (с. 263).

«Возможность, — по мнению исследователя, — привнести кусочек будущего в настоящее с помощью образцовых организаций и показательных учреждений была важна не только для Горького, но и для большевистского руководства» (с. 269). Этот опыт «конструирования реальности» исследователь оценивает как непродуктивный, ложный.

Опыт Горького скорее исключительный и рассматривается в монографии скорее как феномен «внутреннего иностранца». Что же привлекало иностранцев в Советский Союз и делало их просоветски настроенными? Автор выделяет ряд основных моментов. Первое: к этому «их привела Великая депрессия» — «граждане стран Запада уже готовились становиться в очередь за хлебом, а далекий Советский Союз между тем демонстрировал невероятные успехи первой пятилетки» (с. 350). Плюс к этому — рост фашизма и Народного фронта в ряде стран. Советский Союз приобретал привлекательность, благодаря располагающим отзывам знаменитостей, побывавших здесь.

Страстным сторонником СССР был Бернард Шоу, как «революционно настроенный марксист» (в оценке автора, с. 352). Он был одним из лидеров Фабианского общества. Два

других важнейших деятеля общества — Сидней и Беатрис Вебб — вместе создали «одно из самых монументальных описаний СССР сталинской эпохи, печально известное своими некритическими оценками», — вышедший в 1935 г. двухтомник «Советский коммунизм: Новая цивилизация» (с. 358). Супруги Вебб приезжали в СССР в 1932 г. вместе, а Сидней повторно в 1934 году. Они искали подтверждение того, что советский эксперимент реально работает. В 1934 г. Сидней Вебб посетил два колхоза, специально созданные для визитов иностранцев, — «Путь Ильича» и колхоз имени Ленина. «Эти экскурсии полностью рассеяли его сомнения». Его гид записал такое восклицание Сиднея: «Какой гнусностью представляется после этого распространение легенды о голоде и нищете в СССР» (с. 362).

Свое явно негативное отношение к восхвалениям Веббами сталинских достижений автор не скрывает в выражении: «В мае 1936 г. русский перевод *олуса* Веббов был вынесен на обсуждение Политбюро...» (с. 364). При том не может не поражать сам уровень внимания к подобным иностранным визитерам.

Особой значимостью и в плане дополнения привычных «портретов вождя» обладает раздел монографии «Беседы со Сталиным». Здесь автор анализирует личные приемы Сталиным Бернарда Шоу и Эмиля Людвига в 1931 г., Герберта Уэллса в 1934, Анри Барбюса — неоднократно, Романа Роллана в 1935 г. и Лиона Фейхтвангера в 1937 году.

Особым проявлением внимания к иностранным визитерам и личного расположения к Барбюсу Сталина может служить тот факт, пишет автор, что Сталин лично редактировал статьи писателя для «Правды» (с. 386).

Книга Барбюса «Сталин», опубликованная на русском языке в журналах и отдельной книгой в 1936 г., «представляет собой пример того, как зарубежный друг Советского Союза мог успешно оказать влияние на внутреннюю политику СССР, в данном случае — посредством значительного вклада в формирование культуры

личности Сталина. Основная мысль книги Барбюса — «Сталин — это Ленин сегодня» — стала одним из самых знаменитых лозунгов этого культа» (с. 387).

Встреча Сталина с Гербертом Уэллсом состоялась 23 июля 1934 года. В оценке автора монографии, она «оказалась триумфом Сталина: по возвращении Уэллс заявил, что «никогда не встречал человека более чистосердечного, честного и справедливого»» (с. 394).

Ромен Роллан, уже Нобелевский лауреат, беседовал со Сталиным 28 июня 1935 года. Его поддержку Сталина автор видит в общем подходе французских интеллектуалов «рассматривать российскую революцию сквозь призму французской», что оправдывало даже сталинский террор «с исторической» точки зрения» (с. 402).

Автор не осуждает иностранных интеллектуалов за их прямую поддержку Сталина и сталинизма. Он тактично называет это «слепотой западных интеллектуалов в отношении сталинизма», считая, что этот феномен остается и сегодня «одной из самых сложных загадок в истории политики и интеллектуальной жизни XX века» (с. 407).

Самым «выдающимся и желанным другом Советского Союза» (с. 438) в середине 1930-х гг. был, в оценке автора, Андре Жид. Вместе с тем, его визит и последовавшая критика Союза стали самым крупным провалом советской культурной дипломатии. В то время писатель находился на пике популярности во Франции. Все силы кураторов визитов и литераторов были брошены на создание контролируемой, но внешне неприкосновенной атмосферы визита. Но в этом случае ничего не помогло. После посещения СССР в 1936 г. была издана его книга «Возвращение из СССР». Она выдержала десять изданий и была переведена на 14 языков. Этой книгой Жид порвал с Советским Союзом, и потому то была «самая обличительная и критическая работа о советском культурном и идеологическом конформизме из всех написанных Жидом ранее»

(с. 439). Публикация книги послужила поводом для разрыва с коммунистической общечеловеческой и травли Жида.

Последним из числа знаменитых «попутчиков социализма» в это время оказался Лион Фейхтвангер, который находился в СССР с 1 декабря 1936 по февраль 1937 года. Этот визитер, имевший собственную позицию и в глаза высказавший Сталину свое неприятие культа его личности (с. 451), также потребовал изрядных усилий. В течение шести дней он посещал заседания второго московского процесса января 1937 г., но занял самостоятельную и взвешенную позицию относительно всего увиденного в Советском Союзе. В книге «Москва 1937» (особенно ее русскоязычном издании, немало поправленном редакторами) Фейхтвангер восхваляет сталинизм и обвиняет Запад в потакании фашизму (с. 457).

Подводя итоги анализу визитов иностранцев в СССР, Дэвид-Фокс предлагает ряд характеристик собственно изучаемого в монографии явления «культурной дипломатии». Использование риторики антифашизма было одним из ее столпов (с. 512—515). Вторым была пропаганда реальных и лишь предполагаемых достижений советского строя, как материальных, так и культурных, уровень которых призвано было продемонстрировать общение иностранцев с советской интеллигенцией. Водоразделом действенности этой политики, выработанной в конце 1920-х — начале 1930-х гг., стал большой террор, прервавший поток иностранных визитеров (с. 498—499) и устранивший самих проводников этой политики, таких как руководитель ВОКСа А.Я. Аросев. Автор исследования не выделяет позитивных плодов сталинской культурной дипломатии, отмечая при этом ее явно негативный результат — формирование комплекса превосходства (с. 474—475) у сталинского руководства. Эти заключения находят достаточное обоснование в изученных материалах.

Примечателен и авторский эпилог в книге, раскрывающий основной замысел рабо-

ты — найти и показать реальную взаимосвязь в конструкциях и практиках внутренней и внешней политики Советского Союза в межвоенный период: «Эта книга на примере культурной дипломатии и системы приема иностранных гостей выявляет важный феномен — взаимодействие внутренних и внешних аспектов советской системы. Понять, как внутренние дела влияют на внешние и как превратности советской внешней политики, культуры и идеологии отразились на зарубежной культурной дипломатии...» (с. 518). При том явно существовала и обратная связь: «Внешнее, однако, также влияло на внутреннее: международные программы и практики возвращались бумерангом, оказывая воздействие на внутренние советские дела» (с. 519).

Автор полагает, что из советской истории вообще выпала тема «Запад внутри СССР», то есть то, «каким образом важность переубеждения чужаков и значимость западной точки зрения для советского самопостижения повлияли на направление и формы развития советского эксперимента» (с. 519). Вместе с тем, именно этот аспект, намеченный автором, потребует еще значительной научной разработки, способной показать и доказать как зарубежные оценки влияли на изменение советского режима.

«Идеология сталинской эпохи выросла из множества различных источников. Немного упрощая можно заключить, что подходы, изначально примененные к западным гостям, повлияли на те методы, которые в гораздо больших масштабах применялись к населению Советского Союза» (с. 521). Внушение побед и достижений было перенесено и во внутреннюю политику.

Представляется, что увидевшая свет в России работа Дэвида-Фокса повлияет на расширение векторов научного поиска в нашей стране. Ее концептуальные обобщения могут породить продуктивную научную дискуссию, а введение в научный оборот обширнейшей источниковой базы фондов ВОКСа и иных структур управления культурой и идеологией в СССР

безусловно поспособствует расширению исследований в этом направлении. Выражая благодарность автору-юбиляру за обстоятельное исследование, пожелаем ему новых творческих озарений, долгого и продуктивного исследовательского труда.

Е.В. КОДИН

Примечания

1. Первое издание: DAVID-FOX M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921—1941. Oxford University Press. 2012.
2. DAVID-FOX M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918—1929. Ithaca: Cornell University Press and Studies of the Harriman Institute. 1997.
3. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара. 2000; Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара. 2001.
4. ГОЛУБЕВ А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920—1930-х годов. М. 2004; БАГДАСАРЯН В.Э., ОРЛОВ И.Б., ШНАЙДЕР Й.Й. Советское зазеркалье: иностранный туризм в СССР в 1930—1980-е гг. М. 2007; ОРЛОВ И.Б. Советский выездной туризм в 1955—1985 гг. М. 2014.
5. ЛИХАЧЁВ Д.С. Воспоминания. М. 2007.

Contents

Articles: **K.V. Khvostova**. Words and things in the Byzantine agrarian-legal relations of the XIII—XIV centuries. Historical profiles: **E.A. Susloparova**. Stanley Baldwin. Contributions: **M.M. Kerimova**. The Russian presence in Slovenia in the 1910s—1930s; **M.A. Sidorenko**. «Kitchen» court ballet in France in the XVII century. Diplomacy in history: **P.A. Iskenderov**. Serbo-Albanian relations in the autumn 1913; **E.M. Sobko**. Russian-English diplomatic relations during the War of the Austrian Succession. History and fates: **I.N. Selivanov**. Life and Fate of “Korean Fedor Raskolnikov” Lee Sang Cho; **U. Kydyralin, Z.U. Kydyralina**. Sultan Muhamedgali Taukin. People. Events. Facts: **V.N. Nazarov**. Development of the railways system in the western regions of Belarus and Ukraine in September 1939 — June 1941; **S.V. Omelyanchuk**. Socio-economic and legal status of the widow in Ancient Russia; **R.A. Guliyev**. Baku international trade fairs in the customs documents 1922—1929. From history of religions: **E.V. Kustova**. Formation of monasteries in the Perm region in XV—XVII centuries. Historiography. *Reviews on books*: **A. Barenberg**. Gulag Town, Company Town. Forced Labor And Its Legacy In Vorkuta (by O.V. Kornilova); **M. David-Fox**. Showcases great experiment. Cultural diplomacy of the Soviet Union and its Western guests, 1921—1941 years (by E.V. Kodin).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 4, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.03.2016. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 216-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2016 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

***Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21***

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**